

Вестник Героев

№28
5
2011

СОВЕТСКОГО СОЮЗА, РОССИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

9 мая – День Победы!

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Народный Герой
АЛЕКСЕЙ БЕРЕСТ
стр. 4

Фронтвые дороги
ЕЛЕНА ЧУХНЮК
стр. 8

Герой
Советского Союза
Ю.Ф. ЗАРУДИН
стр. 10

Герой
Советского Союза
Б.В. КРАВЦОВ
стр. 12

Герой
Советского Союза
И.Д. АНТОШКИН
стр. 28

Худ. С. Присекин

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Обеспечение достойной жизни творцов Великой Победы – наша святая обязанность!

Уважаемые ветераны и Герои Великой Отечественной войны!

Сердечно поздравляю вас с 66-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне! День Победы — праздник всех московских поколений, каждой семьи и каждого человека.

Для нашего города этот праздник наполнен особым смыслом, поскольку благодарная Россия и все человечество помнят и никогда не забудут, что разгром гитлеровских полчищ был заложен у стен столицы нашей Родины – Москвы! Здесь же была заложена и основа нашей немигнуемой Победы над коричневой чумой XXI века!

Тысячи москвичей покрыли себя неувядаемой славой на полях сражений Великой Отечественной войны.

Мы склоняем голову перед подвигом Героев тех огненных лет... Мы скорбим о павших, о тех, кто не дожил до наших дней...

Мы гордимся доблестными ветеранами войны и тружениками фронтового тыла! Ваша самоотверженная преданность народу и Отчизне является образцом высокой нравственной и духовной силы, ярчайшим примером патриотизма и всех последующих поколений.

В эти торжественные майские дни над Москвой звучат песни военных лет, на груди ветеранов сияют звезды Героев, боевые ордена и медали, а в руках у них — букеты живых цветов.

Праздничная столица чувствует фронтовиков и тружеников тыла, приносит вам, дорогие ветераны, свою лю-

бовь и благодарность!

Правительство Москвы будет и впредь делать все необходимое для достойной жизни творцов Победы. Это наша святая обязанность, моральный долг и веление сердца!

Сохранение памяти о подвигах Героев Великой Отечественной войны – приоритетная задача в деле патриотического воспитания столицы.

Страна, которая помнит и знает свою историю, будет успешной!

Желаю вам, дорогие товарищи, нестибаемого здоровья, бодрости духа, мира, добра и большого счастья!

Мэр Москвы
Сергей Семенович Собянин

15 мая 1945 года из штаба 1-го Украинского фронта было получено распоряжение: «Срочно направить двух лучших летчиков 98-го ОГДРАП в Дрезден для участия в Параде Победы в Москве». На общем построении трех боевых эскадрилий командир объявил, что в Дрезден полетит старший лейтенант Лузгин. Второй была названа моя фамилия. Из звена связи нам был выделен оборудованный для перевозки трех человек (летчик и два пассажира) самолет По-2, и во второй половине дня мы прибыли на городской аэродром Дрездена.

На аэродроме нас встретил комендант в звании майора и с удивлением спросил нас: «Почему вы прибыли в летной форме?» На нас были легкие летные комбинезоны, шлемофоны, очки, а также парашютные сумки со сменой белья и туалетными принадлежностями, а я к тому же взял с собой прошедевший военный дорожный кожаный реглан.

На мои объяснения, что нам было приказано прибыть, чтобы на Параде Победы мы пролетели над Красной площадью на самолетах. Комендант начал разъяснять мне, что в Дрездене в Королевских казармах из всех частей 1-го Украинского фронта собирают лучших представителей для тренировок хождения пешим строем сначала в Дрездене, а затем в Москве.

Во время этой «душевной» беседы по пути к казармам мой лучший друг Алеша Лузгин спросил у коменданта разрешения вернуться к самолету: якобы он забыл там свою кожаную куртку. Мотор у По-2 еще работал. Алексей залез в кабину, махнул мне рукой и улетел. Майор был вне себя от ярости и чуть ли не под конвоем доставил меня в Королевские казармы, в расположение батальона авиации, где собирались летчики, так же, как и мы, желавшие пролететь над Красной площадью на самолетах.

Меня встретил назначенный командиром 5-го сводного батальона (офицеров авиации) Герой Советского Союза генерал-майор Осадчий, которому я и доложил о своем желании и о поступке своего друга. Мы оба от души посмеялись, он и сам таким же образом оказался «в пехоте». Начались батальонные построения, отчисление нескольких «заболевших летчиков». Нас обмеряли, шили парадную форму, выдали кожаные портупеи, пистолеты «ТТ» в темно-желтой кобуре. Затем строили в ряды и шеренги (соответственно по 10 и 20 человек). В батальоне находилось 200 офицеров в строю и 20 офицеров резерва (одиннадцатая шеренга). Все участники парада прошли медицинский осмотр. При строевых тренировках за мной закрепилось место направляющего шестой шеренги батальона.

Вся подготовка к Параду Победы в Дрездене заняла около 10 дней. Затем были составлены списки по вагонам и спальным местам. Перед отъездом заместитель советского военного коменданта Дрездена провел экскурсию по городу специально для офицеров батальона авиации.

Проехали по разрушенным американ-

Я помню тот Могучий Парад Победы!

цами кварталам левобережной части города, и экскурсия была завершена посещением на правобережной стороне знаменитого дрезденского пивного завода. Пиво оказалось очень приятным, и после «дегустации» некоторых фронтовиков пришлось буквально грузить в автомашины.

При следовании наших эшелонов, особенно по территории Германии, будущие участники парада из сухопутных войск тренировались в стрельбе по различным столбам и дорожным знакам, имея достаточный запас патронов в личных и трофейных вещах. Батальон авиации сильно отличался от сухопутных войск, так как мы имели пистолеты «ТТ», но у нас для них не было патронов. Вместо различных трофеев, которые имелись у представителей сухопутных войск и обменивались по пути следования на спиртное, летчики везли в парашютных сумках только летное обмундирование и туалетные принадлежности.

Сравнительно вольное поведение пехоты закончилось на станции Ровно. Рано утром будущие участники Парада Победы были разбужены криками: «Бей власовцев!!!» Проснувшись, мы увидели рядом эшелон товарных вагонов с открытыми дверями... Арестанты были в немецкой форме, но говорили по-русски! Ну, тут уж отличился батальон авиации... Летчики знали, что во время войны наши летные экипажи, захваченные «власовцами», подвергались жесточайшим пыткам и глумлению... И вот мы стали врываться в эти теплушки мимо растерявшихся одиноких охранников НКВД и без всяких патронов, по-мальчишески били «власовцев» рукоятками пистолетов и просто кулаками! Вскоре на усиление охраны прибыл дополнительный батальон чекистов. Все теплушки были заперты, а наш эшелон вывели со станции. Проведенное затем расследование никаких результатов не дало. Многого о «власовцах», о судьбе наших военнопленных мы тогда не знали – и наш патристический «прорыв» был вполне оправдан...

Эшелоны парадников пошли дальше уже по советской земле, и нас как будто подменили. Ни одного выстрела из вагонов! Мы радовались людям на разрушенных войной железнодорожных станциях, радовались даже увиденной на поле одинокой животине, радовались березкам, радовались земле российской, даже прикладывали к ней ладони на остановках. На железнодорожных станциях радостные толпы людей со слезами на глазах обнимали нас, целовали, стремились угостить каждого из нас чем-то вкусным. В Москву прибыл без каких-либо происшествий.

Разместили нас в казармах и классах училища Верховного Совета СССР. Начались ежедневные строевые занятия на плацу близко расположенной от нас дивизии НКВД. Первую неделю тренировки с утра и до обеда летчики переносили очень тяжело. После обеда падали на кровати, как снопы, и засыпали тяжелым сном. Затем постепенно втянулись, хорошо понимая большую ответственность. Надо было достойно пройти по Красной площади, неся в руках и в душе радость Великой Победы советского народа в кровопролитной войне с фашизмом. Тренировал батальоны заместитель командира сводного полка 1-го Украинского фронта генерал-майор Г.В. Бакланов.

На тренировках нашего батальона ежедневно присутствовали представитель Главного штаба и представитель Управления кадров ВВС. Дважды приезжал командующий 2-й Воздушной армией генерал-полковник С.А. Красовский. Участвовали мы также в репетициях всех парадных полков на Красной площади. 16 июня каждого участнику Парада Победы были вручены медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», а также удостоверение «За участие в Великой Отечественной войне».

Во время генеральной репетиции участников Парада на Ходыньском поле ко мне подошел представитель Управления кадров ВВС и сообщил мне, что после Парада я должен буду сразу же направиться во Львов, так как наш полк реформируется...

Наступило долгожданное утро Парада Победы. В 6 часов утра 24 июня мы позавтракали, проверили на построении списочный состав каждого батальона, и нас погрузили в крытые бортовые автомашины. Приблизительно в 8 часов 15 минут мы выгрузились на набережной Москвы-реки против Васильевского спуска и затем батальонными колоннами направились на Красную площадь на построение всех десяти сводных полков от всех фронтов, в которые вошли особо отличившиеся солдаты, офицеры, генералы, а также сводный полк Наркомата обороны СССР, слушатели военных академий, воспитанники суворовских училищ, боевая техника.

Во время построения колонн над Красной площадью висела низкая облачность, затем пошел сначала мелкий моросящий дождь, под конец Парада усилившийся. Однако непогода не могла омрачить нашего торжественного, радостного настроения. Каждый из нас находился в нервно-приподнятом состоянии, ибо всем своим существом мы понимали, что, шагая по брусчатке Красной площади, маршируя перед Мавзолеем, мы представляем напу доблестную Красную Армию, многие тысячи своих боевых товарищей, живых и павших, дошедших до Берлина или погибших на четырехлетнем ратном пути.

Проходя мимо трибуны Мавзолея, будучи правофланговым, я не мог увидеть кого-либо или что-либо. Единственной мыслью в этот момент наивысшего напряжения было: хорошо ли идут мои боевые товарищи из 6-й шеренги, хотя на генеральной репетиции прохождение нашего батальона было оценено на «отлично». Напряжение у всех спало только возле фонтана на Лобном месте, который вдобавок к дождю под порывами ветра своими струями поливал проходящие мимо колонны сводного полка нашего фронта.

Два часа продолжался незабываемый и невиданный по своей красоте Парад Могущества нашей Родины, нашей армии, нашего народа. По Красной площади прошла Великая Армия, сокрушившая главные силы гитлеровской Германии, увенчавшая свои подвиги Великой Победой, какой еще не было в истории, прошла триумфальным маршем перед Великим Народом, возрастившим и воспитавшим ее.

Промокшие буквально до нитки, но радостные и гордые с чувством исполненного долга, мы возвратились в казармы Верховного Совета СССР. Появилось большое количество утгогов, и весь батальон начал прихорашиваться, сушиться и разглаживать обмундирование, готовиться к вечернему выходу в город.

Мы, пять офицеров авиации, отправились вначале на Красную площадь. Сверкали на парадной форме боевые награды, хрустела красная портупея, но пистолетов в кобуре не было. На Красной площади нам было очень трудно держаться вместе и продвигаться среди ликующих, веселящихся людей, которые обнимали каждого военного, вручали цветы, целовали! Нас подхватывали на руки, и мы взлетали в воздух.

Наконец мы с большим трудом миновали Красную площадь и продолжили продвигаться вверх по улице Горького. Здесь тоже нас окружали москвичи, хлопали по плечам, по спине, целовали. Наконец мы добрались до ресторана «Арагви», чтобы расслабиться там, выпить и отдохнуть.

С наступлением темноты облачность поднялась выше. Над Москвой засветились пять прожекторных колец: одно – вокруг Кремля, второе – над Бульварным

кольцом, третье – над Садовым кольцом, четвертое – над вокзалами и пятое – над Московской Окружной железной дорогой. Из сотен поднятых в небо аэростатов посыпались с интервалами тысячи разноцветных ракет, и в момент, когда мы добрались до Советской площади у Моссовета, к ракетам с аэростатов присоединились залпы разноцветного праздничного салюта. Этот радостный знаменательный день Парада Победы 1945 года остался навеки в моей памяти. Прошли годы послевоенной службы по защите Родины, и через 40 лет после того знаменательного дня мне довелось повторить путь по Красной площади знаменосцем батальона Героев Советского Союза, а затем еще через 10 лет стать участником юбилейного Парада Победы, и через 55 лет, в 2000 году, пройти по Красной площади на Параде Победы – командиром сводного полка 1-го Украинского фронта. Вечером 24 июня в компании еще четверых офицеров батальона авиации в торжественной обстановке мы отметили День Победы в ресторане «Арагви», а вечером 25 июня – в ресторане «Москва». Утром 26 июня комендатура города Москвы дала мне разрешение отправиться во Львов в одном из отходящих в Германию эшелонов. Командир полка Федор Федорович Звонцов встретил меня радушно и сообщил, что за время моего отсутствия горисполком выделил много квартир для офицеров полка в городе. Командир эскадрильи Александр Некрасов, Дмитрий Лисицин и я получили прекрасные квартиры, каждая до 250 кв.м., в двухэтажных особняках рядом со Львовским театром. Затем, встретившись с командиром эскадрильи, мы отправились обустраивать мою квартиру.

3 июля я был срочно вызван в штаб полка, где в это время собралось уже много офицеров из руководящего состава эскадрильи. Вошедший в общий зал командир полка подполковник Звонцов торжественно объявил: «Заместителю командира 3-й эскадрильи старшему лейтенанту Ивану Ивановичу Лезжову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 июля 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза» (газета «Правда» от 2 июля 1945 года). Все находившиеся в зале тепло поздравили меня, а командир полка добавил, что вечером в честь такого события в столовой состоится торжественный ужин.

В конце июля штаб получил телеграмму из Управления кадров, согласно которой старшему лейтенанту Ивану Ивановичу Лезжову приказано прибыть 2 августа в Управление кадров для посещения Кремля. В Москву я поехал поездом. В Управлении кадров ВВС я получил распоряжение: прибыть 3 августа к 10.00 в бюро пропусков у Спасской башни Кремля. Получив пропуск, я в сопровождении офицера охраны направился в приемную Председателя Президиума Верховного Совета СССР Михаила Ивановича Калининна.

В приемной М.И. Калининна нас собралось 22 человека (как мне пояснили, все были представлены к званию Героя за форсирование Днепра), в том числе я один из авиации. Помощник Михаила Ивановича повторил нам несколько раз порядок получения наград и убедительно просил каждого из нас не пожимать крепко руку Михаила Ивановича, так как в эмоциональном состоянии мы можем повредить ему руку...

После вручения каждому из нас медали «Золотая Звезда», ордена Ленина и грамоты Героя Советского Союза Михаил Иванович пригласил нас сфотографироваться группой. Посадив меня рядом с собой и глядя на меня, удивленно произнес: «...я и не знал, что дети летали!» – и обнял меня...

И.И. Лезжов
Герой Советского Союза

КАК ЭТО БЫЛО

Как мы вновь покоряли Берлин!

Отчет делегации Московского городского Совета ветеранов об участии в мероприятиях по случаю 65-летия Великой Победы, проходивших в Берлине с 5-го по 10-е мая 2010 г.

Состав делегации:

1. Руководитель делегации – **Виталий Валентинович Мешник** (в детстве в годы войны принимал участие в подпольном движении; в настоящее время полковник в отставке).

2. **Евсей Яковлевич Рудинский** – штурман Пе-2, бомбивший Берлин в конце апреля 1945 года. Ныне пенсионер.

3. **Владимир Николаевич Лебедев** – бывший старший сержант, командир пулеметного расчета. Ныне заслуженный художник России.

5 мая делегация МГСВ прибыла в Берлин в Посольство РФ в ФРГ. Сразу для нас была организована экскурсия по комплексу зданий Посольства и встреча с Послом **Владимиром Владимировичем Котеневым**. После дружеской беседы нам предложили программу пребывания на каждый день и определили сопровождающих сотрудников Посольства.

В разговоре с Послом была высказана просьба от штурмана Е.Я. Рудинского помочь в посещении места бывшего расположения их воинских части на аэродроме в Вернойхене.

Вторая просьба художника В.Н. Лебедева: помочь разыскать художественную галерею **Евы Полл**, в которой с 1980 года находится его картина – «Штурм Рейхстага». Но основная цель нашего пребывания в Берлине – отдавание почестей и поддержание памяти путем возложения венков к памятникам советским воинам, погибшим в битве за Берлин – проходила на самом высоком уровне **7, 8 и 9 мая**.

Польская делегация, узнав о нашем пребывании в Берлине, через Посла пригласила нас принять участие в церемонии отдавания почестей погибшим польским воинам при штурме Берлина.

6 мая, в первый день нашего пребывания, состоялась встреча с учащимися русской школы при Посольстве. Патриотическое воспитание и чувство любви к нашей Родине в этих ребятах заложено серьезно, благодаря высоко эрудированному составу преподавателей. Об Отечественной войне они знают значительно больше, чем дети в наших школах. Здесь ребята часто бывают с экскурсиями в городах Германии, где шли самые ожесточенные бои последних дней войны. Они передали нам свой адрес и очень хотели бы переписываться со сверстниками из московских школ. Наши воспоминания о войне и культурная программа организованная педагогами школы воодушевила ребят и мы дружно пели с ними «Ка-

тошу» и «День Победы». В этот же день состоялось возложение венков от имени Председателя Совета Федерации России **С.М. Миронова** к памятнику погибшим советским воинам в Трептов-парке.

6 мая день был очень холодным, шел сильный дождь, и наша беседа с С.М. Мироновым проходила под зонтиками и была короткой.

7 мая в торжественной обстановке в присутствии Послов и военных атташе всех стран, аккредитованных в ФРГ, состоялось возложение венков в Трептов-парке к знаменитому памятнику Солдату-освободителю со спасенной девочкой на руках скульптора Вутечича. Медленным маршем по анфиладе четырех длинных лестниц представители посольств всех стран несли венки. Лестница напоминала движущееся море цветов. Внутри памятника встречал почетный караул. Своды пантеона украшала мозаика со сценами боевых действий. На выходе из пантеона нашу делегацию поздравили военные атташе США, Великобритании, Франции, Польши и др. Это было второе наше возложение венков в Трептов-парке.

Второй частью программы этого дня было возложение венков в г. Бернау, где сохранены два памятника советским и немецким солдатам. Возлагая венки, мы обратили внимание, что на немецком памятнике обозначены даты – 1939 – 1945 гг., ведь война для немцев началась раньше – во Франции и Польше.

После церемонии отдавания почестей нас встретил и пригласил к себе в дом ... бывший солдат Вермахта, который попал в наш плен и работал 4 года в Караганде. Он был освобожден за примерное поведение, но не озлобился и не накопил чувств ненависти к русским. По возвращении в Германию, при помощи командования советской воинской части, дислоцированной в этом месте, организовал и построил театр. Видно, это было что-то вроде варьете, теперь на этом доме вывеска – «Музей театрального искусства». В нем он сохранил ростовые манекены наших великих клоунов – Васи Карандаша, Олега Попова и другие, массу афиш и материалов об истории русского и немецкого цирков.

В этот же день в 17.30 в Посольстве РФ состоялась прием по случаю 65-летия Победы. Мы приняли активное участие в этом

мероприятии, в ходе которого состоялись беседы с военными атташе Венгрии, Германии, Польши и др.

В зале была выставлена картина В.Н. Лебедева «Штурм Рейхстага», которую хозяйка галереи Ева Полл любезно предоставила нашему Посольству, где впервые познакомилась с автором. А художнику через 30 лет удалось встретиться со своей картиной, которая считалась пропавшей. Это произошло благодаря очень чуткому, внимательному и заботливому отношению Посла В.В. Котенева к нашей делегации.

На следующий день при посещении галереи руководитель нашей делегации В.В. Мешник за сохранение картины «Штурм Рейхстага» вручил Еве Полл памятную медаль «65 лет Победы советского народа над гитлеровской Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

8 мая состоялось возложение венков к памятнику польским солдатам, погибшим при штурме Берлина. Оно прошло в духе дружеского взаимопонимания и согласия с ветеранами войны польской делегации.

В этот же день состоялась поездка в г. Вернойхен на место дислокации части штурмана Е.Я. Рудинского. Осмотрев аэродром и окрестности, мы, благодаря воспоминаниям Е.Я. Рудинского, перенеслись в послевоенные 1945-1950-е гг. Возвратившись, делегация была приглашена в Русский дом на праздничный концерт, организованный Международным Фондом гуманитарного сотрудничества государств – стран СНГ. Концерт был интернациональным, проходил под девизом «Мы победили вместе!». В нем приняли участие певцы Белоруссии, Грузии, Эстонии, Украины, Латвии и России. Дух сплоченного единства витал в зале во время выступления артистов, которые спускались в зал, и зрители пели вместе с ними.

В 22.00 часа мы прибыли в музей Берлин-Карлхорст, в здании которого в ночь с 8 на 9 мая 1945 года маршал Г.К. Жуков (от Советского Союза), от союзников – маршал ВВС Теддер (Великобритания), генерал Стаатс (США), генерал Делатр де Тассиньи (Франция) приняли акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, подписанный генерал-фельдмаршалом В.Кейтелем. Великая Отечественная война, продолжавшаяся 1418 дней и ночей, закончилась! Победил Советский народ во главе с И.В.Сталиным.

10 октября 1949 года в Карлхорсте маршал В.И. Чуйков вручил право на государственное самоуправление представителю первого Правительства Германии, будущей ГДР.

После выступления представителей Посольств России, Франции и США началось

бурное общение с прибывшими на мероприятие поляками, голландцами, немцами, членами русской диаспоры, проживающей в Берлине. Не обошлось без фотографирования на память с московской делегацией и фронтовых стаграмм.

9 мая – День Победы! Этот день начался с экскурсии по зданию Рейхстага. Мы долго поднимались по семи винтовому спиралю внутри стеклянного купола до смотровой площадки. Электронный аудиогид на русском языке рассказывал о достопримечательностях города Берлина, панорама которого открывалась нам с видовой площадки. Не было отбоя от желающих, подходили целыми семьями – просили сфотографироваться с московскими ветеранами. После экскурсии ветераны совместно с Послом приняли участие в возложении венков к памятнику павшим воинам в Тиргартене. Опять – нескончаемый поток цветов и венков к подножию памятника, яркое выступление посла В.В.Котенева. После этого на огромных экранах, установленных возле памятника, началась трансляция Парада Победы.

Затем Берлинский духовой оркестр начал свое выступление со знаменитого вальса «Голубой Дунай». Руководитель нашей делегации первым пригласил на танец самую симпатичную, белокурую немку и начал вальсировать. В этот момент перед памятником образовался большой круг из зрителей, которые не помешали В.В. Мешнику закончить с успехом начатый танец под всеобщие овации. «Знай наших!» – громко сказал ветеран войны В.Н. Лебедев стоящим рядом русским и иностранным гостям.

Проходя Брандербургские ворота мы столкнулись с фигурами людей, изображающих разных персонажей, с которыми можно сфотографироваться за плату. Один из них, индеец, подарил нашей делегации цветы и поблагодарил за Победу.

В целом у немцев коллективное чувство вины за содеянное предками в годы войны и чувство поражения присутствуют, но современные жители Германии вполне справедливо полагают, что 8 мая 1945 года для них не день поражения, а день освобождения... А вообще, отношение немцев к нам было очень доброжелательным, особенно тепло нас приветствовали представители русской диаспоры, живущие в Германии, в разное время прибывшие сюда со всех концов Советского Союза. Все они были рады встрече с московской делегацией ветеранов.

В.Н. Лебедев

Ветеран ВОВ

гвардии старший сержант,
заслуженный художник России

Худ. В. Лебедев «Штурм Рейхстага»

ВОССТАНОВИМ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

1 мая 1945 года, примерно 4 часа утра на рейхстаге в Берлине было водружено Знамя Победы. Вот уже 67 лет средства массовой информации и официальные лица государства замалчивают или не говорят всю правду о водружении Знамени Победы.

Мы слышим из уст дикторов телевидения и радио, транслирующих парады Победы с Кремлевской площади, что знамя Победы водрузили сержанты Егоров и Кантария, и это произошло в 14 часов 25 минут 30 апреля 1945 года. Это, мягко говоря, не совсем точно.

В «Истории Второй мировой Войны 1939–1945 гг. (т. 10, с. 341) сказано: «Рано утром 1 мая на фронте рейхстага, у скульптурной группы, уже развивалось Красное знамя, врученное командиру 150-й стрелковой дивизии Военным советом 3-й ударной армии. Его водрузили разведчики 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии М.А. Егоров и М.В. Кантария во главе с заместителем командира батальона по политической части лейтенантом А.П. Берестом при поддержке автоматчиков роты И.Я. Сьянова. Это Знамя символически воплотило все знамена и флаги, которые в ходе самых ожесточенных боев были водружены группами капитана В.Н. Макова, лейтенанта Р. Кошкарбаева, майора М.М. Бондаря и многими другими воинами. От главного входа в рейхстаг и до крыши их героический путь был отмечен красными знаменами, флагами и флажками, как бы слившись в единое Знамя Победы. Это был триумф одержанной Победы, триумф мужества и героизма советских воинов, величия подвига Советских Вооруженных Сил и всего советского народа».

УЧАСТНИКИ И ОРГАНИЗАТОРЫ ВОДРУЖЕНИЯ ЗНАМЕНИ ПОБЕДЫ НА РЕЙХСТАГЕ

На крыше рейхстага были:

1. Лейтенант А.П. Берест — заместитель командира батальона по политической части 1-го стрелкового

батальона 756-го стрелкового полка, непосредственный руководитель и исполнитель водружения знамени. Награжден орденом Красного Знамени.

2. Сержант М.А. Егоров — разведчик 1-го стрелкового батальона 756-го стрелкового полка, исполнитель-знаменосец. Присвоено звание Героя Советского Союза.

3. Мл. сержант М.В. Кантария — разведчик 1-го стрелкового батальона 756-го стрелкового полка, исполнитель-знаменосец. Присвоено звание Героя Советского Союза.

Командиры А.П. Береста, которым были присвоены звания Героев Советского Союза:

4. Капитан С.А. Неустроев — командир 1-го стрелкового батальона 756-го стрелкового полка. Назначил А.П. Береста старшим по водружению знамени.

5. Полковник Ф.М. Зинченко — командир 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии. Отдал лично приказание Егорову и Кантария водрузить Знамя Победы на Рейхстаге. Сами с заданием они не справились, не найдя выхода на крышу рейхстага, и руководителем этой операции был назначен лейтенант **Алексей Берест**.

6. Генерал-майор **В.М. Шатилов** — командир 150-й стрелковой дивизии. **Поручил командиру 756-го стрелкового полка водрузить Знамя Победы на рейхстаге.**

Таким образом, из шести участников и организаторов водружения Знамени Победы только лейтенанту А.П. Бересту необоснованно не присвоено звание Героя Советского Союза. Почему так произошло? Документальных свидетельств в архивах нет. Но одно ясно, что у Алексея Береста был «личный недруг» среди военно-политического руководства 3-й ударной армии и 1-го Белорусского фронта.

Расскажем о роли Береста, Егорова и Кантарии в штурме рейхстага и водружении Знамени Победы.

Алексей Прокофьевич Берест родился 9 марта 1921 года на Украине в селе Горяйствке Ахтырского района Сумской области. Он был призван в Красную Армию 2 октября 1939 года. Перед Великой Отечественной войной Берест участвовал в войне с Финляндией, служил в летных частях Ленинградского военного округа связистом. В 1941-1943 годах Берест воюет на Волховском фронте в артиллерийских частях также связистом. В 1942 году он становится членом ВЛКСМ, в декабре этого года — кандидатом в члены ВКП(б), а в марте 1943 года его принимают в члены ВКП(б). С 15 декабря 1943 года по 19 сентября 1944 года он учится в Ленинградском военно-политическом училище и после его окончания ему присвоено воинское звание «младший

Народный Герой Алексей Берест

лейтенант». В январе 1945 года Берест прибывает на фронт под Варшаву и назначается заместителем командира 3-го стрелкового батальона по политической части 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта.

Берест воюет отважно и храбро. В феврале 1945 года он награждается орденом «Красной Звезды» за бой по ликвидации немецко-фашистских войск Шнейдемольской группировки и в этом же месяце ему присвоено воинское звание «лейтенант». 8 апреля 1945 года 150-я стрелковая дивизия получила задачу двигаться в направлении на Берлин. Берлинская операция началась 16 апреля 1945 года. С 21 по 25 апреля дивизия вела тяжелейшие уличные бои в Берлине, по 2-3 км приближаясь к его центру.

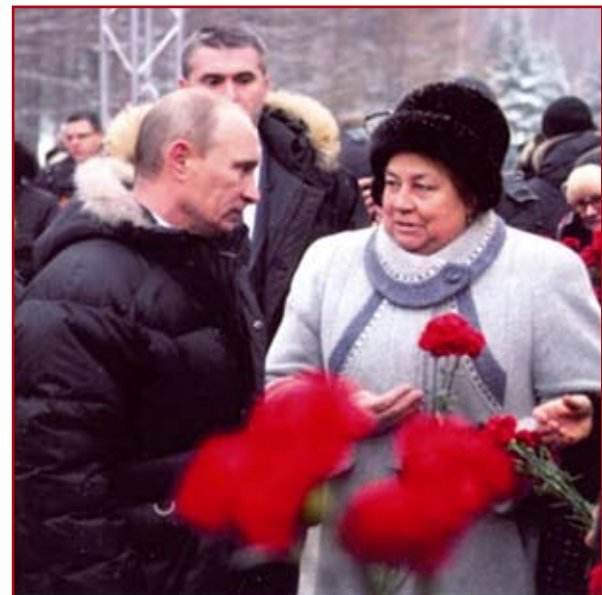
Еще 16 апреля 1945 года состоялось совещание начальников политотделов всех армий, входящих в состав 1-го Белорусского фронта. На нем приняли решение изготовить красные знамена для установления на рейхстаге и вручить их тем соединениям, чьи подразделения первыми прорвутся в район рейхстага. Предпочтительней шансы первыми подойти к рейхстагу были у 3-й ударной армии. Изготовили 9 знамен — по числу соединений в армии. Знамя № 5 получил командир 150-й стрелковой дивизии генерал-майор Шатилов.

С 28 по 30 апреля на площади, где располагался рейхстаг, шли кровопролитные бои. Дважды части 150-й стрелковой дивизии в течение дня 30 апреля пытались штурмовать рейхстаг, но были противником отбиты с большими потерями. Реальный шанс у наших частей ворваться в рейхстаг появился только с наступлением темноты. Этот момент в Берлине наступил в 20 часов 26 минут. После 30-минутной артиллерийской подготовки, в 22.00, штурм рейхстага возобновился, и он был успешным: 1-й стрелковый батальон 756 стрелкового полка первым занял фойе рейхстага в 11 часу вечера по Берлинскому времени. Впереди были начальник штаба Гусев, замполит Берест и капитан Матвеев из политотдела 150-й сд, а также капитан Маков из 79-го стрелкового корпуса. Вот они и организовали бой с немцами на первом этаже, в смежных и полуподвальных помещениях рейхстага.

Водружение Знамени Победы.

Далеко за полночь во время очередного затишья прибыл командир 756-го сп полковник Зинченко. Он приказал доложить обстановку. Его ин-

тересовало Знамя. Комбат-1 капитан Неустроев доложил, что знамен много: флажки взводные, ротные, бригадные, корпусные развешаны на рейхстаге в расположении их позиций. «Я спрашиваю, где Знамя Военного совета армии под № 5? Я же приказал начальнику разведки полка капитану Кондрашеву, чтобы Знамя шло в атаку с первой ротой?» — возмутился Зинченко. Оказалось, что знамя еще находится в штабе полка. Зинченко позвонил в штаб и приказал немедленно доставить Знамя в рейхстаг. Его доставили около трех часов ночи разведчики Егоров и Кантария. Зинченко поставил перед ними задачу: «Немедленно на крышу и установить на ней Знамя № 5». Минут через 20 Егоров и Кантария возвращаются со Знаменем. «В чем дело?» — гневно спросил Зинченко. «Там темно, у нас нет фонарика, мы не нашли люк на крышу» — ответил Егоров. Зинченко приказал Неустроеву обеспечить установку знамени на рейхстаге. Неустроев передал это приказание своему замполиту А.П. Бересту, так как абсолютно был уверен, что он его выполнит успешно. (Отважный, сильный, 100-килограммовый гигант под 2 м роста). Алексей берет отделение автоматчиков сержанта Щербины и вместе с этим сопровождением, Егоровым и Кантария со знаменем уходит. Тут же на втором этаже раздаются автоматные очереди и разрывы гранат. Завязался бой. Лестница в некоторых местах была разрушена. Они образовывали живую лестницу. Нижним был могучий Берест, ему на плечи становился Егоров, а на него Кантария и потом ему подавали Знамя. На крышу рейхстага Егорова и Кантария вместе со Знаменем Берест вынес буквально на своих плечах. Как руководитель операции, он на крышу рейхстага поднялся первым, чтобы выяснить обстановку для надежной установки Знамени. Только тогда он разрешил разведчикам и отделению Щербины подняться на крышу со Знаменем.

После установки Знамени Победы на крыше рейхстага, с нее **Берест Егоров, Кантария** и отделение Щербины троекратно салютовали Родине о выполнении почетного задания.

Таким образом, Егоров и Кантария в штурме Рейхстага не участвовали, не подползали они со знаменем к Рейхстагу, как говорят и пишут некоторые фальсификаторы в Интернете.

Парламентская миссия.

Алексей Прокофьевич Бересту в рейхстаге суждено было совершить еще один подвиг. Зажатые с двух сторон, гитлеровцы дрогнули и ретировались в подполье. Появился белый флаг – гитлеровцы вызывали на переговоры, но с условием, что с советской стороны должен быть генерал или полковник с полномочиями командующего фронта или армии. Комбат предложил Бересту пойти на переговоры «полковником». Берест был не только богатырского сложения, мог также свободно общаться, с достоинством держаться. Все это придавало ему внушительный вид. Берест побрился, надел трофейную кожаную куртку, офицерскую фуражку заняли у капитана Матвеева, наградами поделились. Встретивший их немецкий полковник заявил, что немецкое командование готово идти на капитуляцию, но при условии, что русские солдаты будут

года войны не для того, чтобы сдаваться: «Мы вас уничтожим!». Далее разговор проходил в кабинете коменданта рейхстага. В конце беседы немецкий генерал заявил, что они не сдаются, а один из вас останется у нас. Наш переводчик Прыгунов изъявил желание остаться в заложниках. Берест ему разрешил, а немецкого генерала предупредил, что за его жизнь отвечает своей головой. Парламентеры отправились в обратный путь. Автоматы и пулеметы смотрели им в спины. Надо отдать должное Алексею Бересту – он шел ровным неторопливым шагом, высоко поднимая голову. Уже когда они выбрались в вестибюль, немецкий офицер, сопровождавший их, выстрелил Бересту в спину, но промахнулся. Берест рывком развернулся и разрядил в него свой пистолет. Бой вспыхнул с новой силой. Берест не заметил, что в него сверху целились. Фаустпатрон попал в статую Вильгельма, и она разлетелась вдребезги. Бронзовая рука свалилась к ногам оглушенного Алексея. Сбоку выскочил эсэсовец. Берест нажал на курок пистолета, но обойма была пуста. Лейтенант схватил обломок бронзовой руки и наотмашь ударил немца. Но тут сзади еще один немец бросился к Бересту. Он вывернулся, и они схватились в борьбе лицом к лицу. Подбежал наш

зон Берлина во главе с его комендантом генералом Вейдлингом капитулировал.

В штурме рейхстага было четыре этапа: штурм подступов к нему, бой внутри, водружение Знамени Победы и парламентерство. Только один Берест участвовал во всех четырех этапах. Если забыть и штурм рейхстага, и водружение Знамени Победы, только это одно парламентерство Береста достойно Золотой Звезды Героя. Вот, что сказал об этом его командир Неустроев: «Да, это был подвиг и великая заслуга Береста в том, что он сохранил жизнь солдатам не только нашим, но и немецким. Мы бы запросили тяжелые минометы и просто сожгли бы немцев. Наверное, это был первый парламентер в Берлине и один из последних во Второй Мировой войне».

О награждениях.

Г.А. Жуков, просмотрев в мае 1945 года представления на награждения за штурм рейхстага и водружение Знамени Победы, распорядился, чтобы к званию Героя Советского Союза никого не представлять, пока не будет ясности в этом вопросе, кто же действительно достоин. В результате, «до выяснения» приказом по войскам 1-го Белорусского фронта 18 мая 1945 года всех соискателей за штурм рейхстага наградили орденами «Красного Знамени». В числе награжденных Береста по неизвестной причине не было. Военное руководство, чтобы как то себя реабилитировать, приказом по 3-й ударной армии от 19 мая 1945 года награждает его орденом «Отечественной войны 1-й степени».

Собственно, это была отложенная награда, к которой он был представлен еще до штурма рейхстага. Вот такая «справедливость» в нашей армии была. Как бы в пик Бересту, в тот же день Егоров и Кантария награждаются за водружение Знамени Победы орденами «Красного Знамени». Почему Береста отделили от Егорова и Кантарии сразу, еще в мае 1945 года? **Эта загадка истории и чудовищная несправедливость по отношению к А.Бересту.**

После демобилизации Берест работал в Ростове-на-Дону в разных организациях, но дольше всего на Ростсельмаше. Алексей Прокофьевич Берест по-

гиб в Ростове-на-Дону, спасая девочку от проходящего поезда. В Ростовской области его почитают как «Народный Герой». Его бронзовый бюст — на «Аллее Российской Славы» и находится в одном строю с Маршалом Победы **Г.А. Жуковым**. На открытии 22 декабря 2010 года в Москве на Поклонной горе мемориала «В борьбе против фашизма мы были вместе» среди выступавших только **Сергей Семенович Собянин** заявил, что **Знамя Победы водружали Берест, Егоров и Кантария**. В.В. Путин не упомянул никого. Авторы мемориала изобразили Береста во весь двухметровый рост, штурмующим рейхстаг, Егорова и Кантария — на верху памятника, символизируют уже водруженное Знамя Победы.

Мы ждем, когда же из уст **Президента России** на парадах Победы будет произноситься: **«Знамя Победы водружено Егоровым и Кантария под руководством лейтенанта Береста»**, как об этом гласит История.

Жена его не дождалась. Дождутся ли этого момента Ветераны, и присвоит ли ему Президент России звание Героя России???

В заключение следует добавить, что **Береста** представляли к присвоению **Звания Героя Советского Союза**, но кто-то на представлении наложил резолюцию: «Красное Знамя»...

Десятилетиями идут потоком хатайства руководству страны о восстановлении справедливости и присвоении А.П. Бересту звания Героя России (посмертно).

Статья подготовлена и печатается по документальной книге Ю.П. Галкина «Народный Герой – Алексей Берест».

Сочи. 16-18.09.2011. Выставка на Международном Экономическом Форуме. Бюст Береста

отведены с огневых позиций. Берест ему ответил, что если они хотят остаться живыми, то должны сложить оружие и подняться наверх, пройти через наши боевые порядки, как положено всем военнопленным. Напомнил, что немецкая капитуляция проходит не в Москве, а в Берлине, и, что он прошел четыре

боев с гранатой в руке, размахнулся и, промазав, стукнул замполита так, что у него на миг потемнело в глазах. От удара граната выскользнула из рук бойца и волчком завертелась у ног. Берест мгновенно оторвал от себя цепкие руки гитлеровца, и, чуть приподняв, пивырнул его на гранату. Она взорвалась под немцем, но острые ее осколки секанули лейтенанта по ногам. Его сапоги начали наполняться кровью, он опустился на пол. Бойцы перенесли его в приемную, уложили на диван и ушли. Берест зарядил пистолет и, преодолевая боль, на раненных ногах снова выбрался в зал. Было уже утро 2 мая 1945 года. Гитлеровцы снова выбросили белый флаг и стали выходить из бункера на поверхность сдаваться. Немецкий полковник, встретивший Береста в подполье, узнал его, подошел к нему и положил свой пистолет к его ногам, хотя в этот момент у него на плечах были погоны лейтенанта. Берест своего переводчика Прыгунова не нашел ни живым ни мертвым. 2 мая 1945 года немецкий гарни-

Работа над памятником маршалу **Василию Ивановичу Чуйкову** в Кузьминках началась задолго до его открытия 6 мая 2011 года. И если быть точным, работа эта и не мыслилась как памятник, ибо не было решительно ничего: не было определено место, не было конкретного задания, не говоря уже о заказе, не был определен заказчик, источник финансирования – было только желание, некий внутренний позыв. Это была, как говорят литераторы, «работа в стол» и именно поэтому, как мне кажется, памятник получился именно таким.

Существует в иконописи понятие – «намоленная икона». То есть сам процесс написания иконы подвержен строгим канонам, пишется обязательно с исполнением строгих ритуалов, в определенные дни, с соблюдением постов, молитвами... В итоге внешне неброское, скромное по размерам изображение наполняется необыкновенной силой воздействия, великим внутренним смыслом, таинством, благотворной и целительной, возвышенной аурой. Так же, как мне мыслится, можно оценить и работу ваятеля. Когда памятник продуман, прочувствован и выстрадан, много раз менялся и правился, когда он «намолен» — вся эта энергетика сохраняется в нем как некая внутренняя реальность, данность и это дорого стоит. Быть может, это звучит пафосно, но памятник в Кузьминках создавался именно так. И то, что он состоялся и существует, это многолетний труд и терпение, стеченье благоприятных обстоятельств и закономерных случайностей — словом всего, что человек верующий назвал бы чудом. А, как сказал философ, «чудеса происходят, когда рискуешь всем ради мечты, которую кроме тебя не видит никто».

У меня была эта мечта. Родившись в 1946 году, сразу после Победы, я был назван Александром – в честь Александра Суворова, крещен в Потсдамской церкви, им. Святого Александра Невского. Крещен тайно, ибо в те годы такие вещи, мягко говоря, не поощрялись; еще раз посетил этот Храм только в сентябре 2010 года, за полгода до открытия памятника (что это — случайное совпадение?). Первые 7 лет жизни в Германии, среди наших солдат-фронтовиков, окошного братства, тех, кого Юрий Бондарев назвал «самыми честными, чистыми и рыцарски-благородными людьми, которых он знал за всю свою жизнь». Рос в доме, где постоянно видел наших полководцев – командующих дивизиями, армиями и фронтами, друзей отца. Это было поколение великих воинов, которых мне посчастливилось увидеть не на трибуне, не в кинохронике и на страницах газет, а как реальных людей, на плечи которых История возложила непомерную ношу, великую миссию, которую они вынесли и выполнили с честью. И когда они один за другим уходили из жизни, быстро и незаслуженно забывались, когда не стало и моего отца, я понял, ради чего мне был дарован талант скульптора – донести до потомков их живой облик. И уже в 1985 году состоялась моя первая персональная выставка «Этих дней не смолкнет слава» посвященная 40-летию Великой Победы. В Доме Советской армии, три зала, более 40 скульптур, где был первый проект памятника командарму 62-й армии.

Но наступила перестройка, 1991 год, и вектор отношения к Великой Отечественной войне, ее героям изменился на прямо противоположный. Однако, утратив и низвергнув одних кумиров обще-

ВЕРА И ВЕРНОСТЬ

ство так и не нашло других. Страна жила отрицанием всего, являла собой пустыню, поросшую чертополохом, завезенным с чужих полей. Отчасти это можно было объяснить падением «железного занавеса», проникновением — даже не проникновением, а массовым десантом, духовной оккупацией мифами и ценностями, заимствованными на западе, востоке — где угодно, но только не у самих себя. Мы бездумно и безразлично сдали величайшие ценности и вместе с ними — самоуважение, достоинство, чувство гордости за деяния наших предков и так же пассивно, вяло и бездумно притянули разрозненные фрагменты чужих мифов, которые не могли заменить утраченного. В такой атмосфере отрицания, духовного ступора скульптура — искусство позитива, героики оказалось в глубоком кризисе, являя москвичам и миру то чудовищный по размерам и дурному вкусу монумент Петру Первому, то статую генерала де Голля... в то время как советским, так и российским полководцам места не находилось.

«Отечество — это не территория, а сумма подвигов!» Но подвиги, которым рукоплескал весь мир, Герои, их творившие, начисто вымараны из нашего сознания... Вся история России, и в особенности век XX — величайший по трагизму, насыщенный событиями планетарного масштаба, что дало А. Зиновьеву право говорить — «Москва не столица России, Москва — столица Истории», представляет собой в глазах нового поколения унылую, бесплодную свалку отживших иллюзий, обманутых надежд и героев не нашего времени. И если бы я не родился во времена, когда слова «Сталинград», «Берлин» являлись синонимами понятий «Честь и Слава», если бы в детстве меня не окружали люди, оставившие свои имена на поверженном рейхстаге, то я возможно бы смирился. Но человек жив памятью, а смирение перед лицом подлости означает предательство.

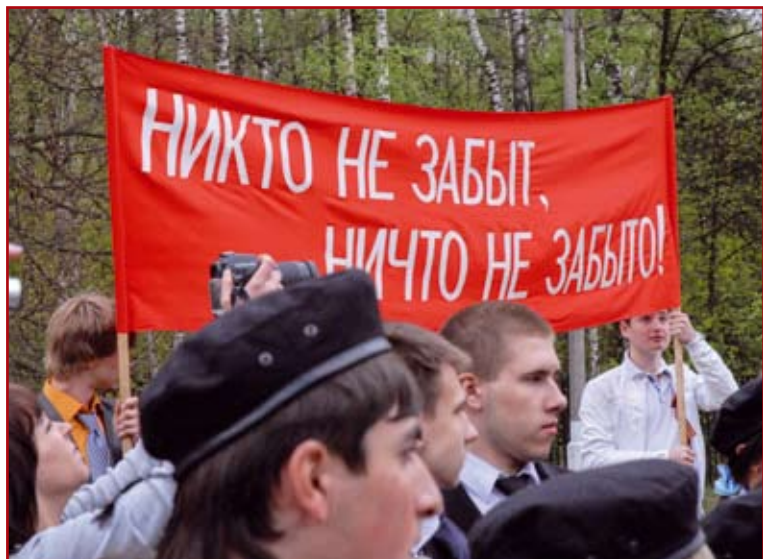
У нас, в нашей семье, хранится немало памятных вещей, оставшихся от отца. Завещание, написанное его рукой, с наказом похоронить его в Сталинграде, на Мамаевом Кургане и нигде больше. Его письма моей маме, с которой они были односельчане, хотя на него не раз писали доносы, что женился он якобы на польской княгине (первое — 1925-й год, последнее — 10 мая 1945 года из поверженного Берлина). Среди прочего — книга «Закалялась молодость в боях» о гражданской войне, где он в 19 лет командовал полком, получил два ордена Боевого Красного Знамени и тяжелое ранение в плечо на фронте против белополяков. На титуле этой книги надпись: «Моей внучке Кате, автор — твой дед». Всего он написал пять книг, первую еще в 1950-е годы о Сталинградской битве — величайшей победе нашего оружия и нашего духа, название которой «Начало пути». Потом были еще две книги о Великой Отечественной войне, о работе в Китае в 1940-41 годах, где он был глав-

ным военным советником Чан Кайши. Еще планировал и собирал материалы для книг о финской войне, работе в Германии после Победы, работе в разведке, гражданской обороне. Не успел.

Потрясающая энергия и работоспособность этого человека, которому Господь даровал сил, как казалось, достаточной на десятилетия. Удивительна его судьба — даже то, что мне известно. Гражданская война, учеба в Академии им. Фрунзе — два факультета, 15 лет работы в ГРУ, финская война, Китай, германский фронт, легендарная 62-я армия, путь от Сталинграда до Берлина, отмеченный двумя звездами Героя. Работа в Германии, заместитель, а затем Главком Группы войск, командующий округом, Главком сухопутных войск и — отставка. Не поладил с тогдашним Генсеком, вторгся в область политики, протестуя против губительной реформы армии, против губительной политики с Китаем. Начальник ГО СССР, структуры, призванной защищать людей, природу, саму жизнь, доверенную ему, солдату, который всю жизнь учился и учил других совершенно иным вещам. Последние 10 лет я видел его чаще, потому что, пока он работал, домой приезжал в основном, чтобы продолжать делать то, что не успел на службе с короткими перерывами на сон, редкими часами отдыха. И за эти 10 лет мне открылся другой, еще один Чуйков — любящий дедушка, суровый и мудрый отец. Человек, обладавший качествами, которых я в нем не подозревал — чуткий, порой сентиментальный. Глубоко ранимый, тонко чувствующий. Жестко страдающий от невыносимой боли в открывшейся через 60 лет ране, в часы бессонницы вспоминая своих солдат поименно, выбравший погост — братскую солдатскую могилу на главной высоте России грозного 1942 года — Мамаевом Кургане. Большевик с 1919 года, член ЦК, в партбилете хранивший православную молитву. «*О могицый, ночь в день преврати, а землю в цветник. Мне все трудное легким содей и помози мне.*» Эта молитва была с ним в Сталинграде, получил он ее от матери. И хотя это только семейное предание, я в него верю.

И теперь я делаю этому человеку памятник. Как вместить все это — человека, эпоху, в которую он жил? Роден говорил: «Скульптура подобна единожды высказанному слову. Надо, чтобы слово это было энергично». Выразить все, чем он жил, что вошло в прожитых им 82 годах в одно слово? Я уже сделал один памятник Чуйкову — там, в Сталинграде, на земле великой битвы, где каждый прожитый день считался как второе рождение. Не на могиле, ибо свято помнил завещание: «На могиле — никакого памятника», ибо какие памятники на братских могилах? Там он предстает в главной своей ипостаси, той, которую запомнила земля Сталинграда — воин, но не в разгар битвы, а на закате жизни, уже с грузом прожитых лет, вернувшийся чтобы отдать последний долг памяти, земле, своим солдатам.

звали саркастическую ухмылку, раздражение, а то и прямую агрессию. И я понимал, что еще несколько месяцев и памятника в Сталинграде могло не быть...

Но вот прошло 20 лет – выросло новое поколение, прошедшее лихолетье перестройки, прошли «лихие девяностые», десять лет нового тысячелетия. Новых идеалов, способных родить поколение пассионариев, так и не нашлось. Но нашелся человек, увидевший проект памятника Чуйкову и сказавший: «Да, это нужно, и мы это сделаем!» и за это ему великое спасибо. Человек этот был Сергей Михайлович Миронов, в то время Глава Совета Федерального Собрания РФ, лидер партии «Справедливая Россия». Через год памятник был открыт. Каким оно было, это «новое прочтение Чуйкова», как я к нему пришел?

Я часто думаю, что Бог милостив был к моему отцу до конца, призвав его еще до крушения страны, которую защищал, армии, в которой служил, идеалов, которым был предан. Для него, выходя из крепкой русской крестьянской семьи, на первом месте всегда были две вещи: семья и служба. О его службе в армии, службе Отечеству – надеюсь, еще не забыли. О том, каким он был в семье, мало кто знает, да и я осознал до конца, только когда его не стало. Он был женат один раз – редкость по тем временам, прожил со своей суженой 56 лет, любил ее безумно и так же отчаянно ревновал. Поводов для ревности мама не давала, но женщиной была очень красивой, и мужчины не оставались к ней равнодушны. Одевалась очень изысканно, держала себя строго, многие считали ее надменной, горячкой. В 1947 году, приехав с мужем в Париж на конференцию стран-победительниц, где журналисты назвали ее самой красивой и элегантной женщиной России, заявила: «Пусть генералы гордятся своими победами, а я всегда гордилась званием русской женщины и ни переразделась званием русской женщины и ни переразделась кем его не роняла!».

На звезде ордена Андрея Первозванного, высшего ордена Российской империи, ныне возрожденного, значится девиз: «За Веру и Верность». Эти два слова как никакие другие характеризуют отношения моих родителей. Вера и Верность... И они, эти два слова, наиболее полно передают сущность и самого Чуйкова. Какими бы не казались нам сейчас идеалы, которые исповедовал, он был им верен до конца, отстаивал до последнего, не стоял за ценой. И прилагал все силы, чтобы мы — его семья, окружающие его люди их ценили, их разделяли, им следовали. И вот так судил Бог, чтобы в конце жизни эти две линии его бытия — семья и служба, вера и верность переплелись, стали единым целым. Мне довелось жениться, когда отцу было уже 75 лет, и моя жена, человек новый, только недавно вошедший в нашу семью, рассказывала мне — его сыну — многое из того, что не знал даже я — так он был откровенен с ней, такую испытывал благодарность, что на склоне лет подарила ему радость — двух внуков. У нас сохранилась кинолента, снятая еще в 1978 году, когда видео еще не было. Там, на этой пленке вся наша семья и самое дорогое и трогательное — отец, держащий на коленях внуку Катю, нашу дочь, которой тогда не исполнилось еще и двух лет. Он читает ей книжку — русские сказки, она играет в доктора, лечит его. Вытирает платком лицо, слушает через трубочку, как бьется серд-

це, которому суждено биться менее четырех лет, гладит обнимающую ее руку, плечо, на котором под спортивным костюмом — фронтовая рана, полученная еще в 1920-м году, она и сведет его в могилу 62 года спустя.

**«Мы не от старости умрем —
От старых ран умрем...»**

Эта пленка, которую я часто смотрел, сюжет, который всегда казался бытовым, жанровым, со временем приобретал все более глубокий, символический смысл, как и фигура самого отца. Потому, понял я, такие люди, не остаются в прошлом, они принадлежат будущему, их деяния отзвучат в вечности. И то, чему он посвятил последние 10 лет жизни после отставки, можно назвать одним емким словом — проповедь. Проповедь о героизме и низости, великодушии и жестокости, величии времени, в котором он жил, величии людей, которые это время творили, жертвах на которые шли.

Очень часто великое, вечное познается и воплощается в малом, обыденном, задача художника — это увидеть и передать. Я просто передал то, что сам видел не раз, ибо войны я не видел. Видел отношение людей к Чуйкову и его — к людям. Молодых парней и девочек, которые, не осмеливаясь прикоснуться руками, расспрашивали отца о боевых наградах у него на груди. Пожилую женщину на харьковском перроне, упавшей перед ним на колени с криком: «Люди, глядите, тож наш батько, тож Чуйков!». Немцев, опубликовавших в некрологе текст его завещания с фотографиями Мамаева Кургана в Сталинграде с крушо набранными шапками: «Конец пути!». Людей — сталинградцев, стоящих под ледяным ветром на всем пути следования траурного кортежа, многих — на деревьях, на крышах остановившихся автобусов, и их крики: «Почему мы его не видим? Откройте гроб! Мы тоже хотим проститься с Чуйковым!». «Скульптура подобна единожды высказанному слову...»

И вот, вобрав и переосмыслив все это и еще многое другое, я почувствовал, что нашел это «слово». Автор сознательно отошел от традиционного и несколько шаблонного образа ветерана и полководца, где он представлен исключительно как воин, солдат и делает особый упор на проникновенный образ умудренного жизнью, годами и сражениями патриарха, беседующего с ребенком, который рассматривает и расспрашивает о его боевых наградах — свидетельствах героических боев за свободу и независимость нашего Отечества, за будущее этого ребенка — юного гражданина России. В руках маршала, привычных к оружию, — книга, источник знаний, он передает свои знания, опыт тем, за кого он воевал, в этом основная идея памятника». Эта цитата — часть пояснительной записки, которая прилагается к проекту памятника. Но понадобилось много лет, чтобы это «слово» воплотилось в бронзу, чтобы его услышали те, к кому оно обращено, кому служили Чуйков, его поколение Победителей. Повторилась история двадцатилетней давности, нынешние власть предержащие не хотели видеть отблеск былой славы, им приятнее реклама Макдональдса, финансовых пирамид и только добрая воля избранных, подвижников, помогли сотворить невозможное. Ничего не изменилось.

У меня есть еще много таких «слов», невысказанных, никем не услышанных. Посвященным героям былых сражений, той войны, солдаты которой еще живы, подвижникам войны нынешней — брани духовной. Ибо, хотя пушки гремят еще далеко, война за Россию продолжается. Я работаю, как завещал мне мой отец, и те, чей прах покоится рядом с ним.

Я чаю, что Господь даст мне силы воплотить в камне, в металле хоть часть из этих «слов».

А.В. Чуйков

Тот памятник мы открывали в 1990-м году, 8 мая. Тогда еще никто не знал, что государство СССР, выправившее Великую войну, сломившее «тысячелетний рейх», просуществовало немногим более года. Но это уже чувствовалось. Чувствовалось хотя бы потому, что памятник одному из дважды Героев — Советского Союза, маршалу — Советского Союза я делал более пяти лет. И не потому, что работал мало, а потому, что мешали всячески... Новое поколение жило другими ценностями, им уже вытравливали память о той эпохе, подвергли лоботомии, мозговой стерилизации. Слова «патриотизм, идеалы, героизм» вы-

недавно вошедший в нашу семью, рассказывала мне — его сыну — многое из того, что не знал даже я — так он был откровенен с ней, такую испытывал благодарность, что на склоне лет подарила ему радость — двух внуков. У нас сохранилась кинолента, снятая еще в 1978 году, когда видео еще не было. Там, на этой пленке вся наша семья и самое дорогое и трогательное — отец, держащий на коленях внуку Катю, нашу дочь, которой тогда не исполнилось еще и двух лет. Он читает ей книжку — русские сказки, она играет в доктора, лечит его. Вытирает платком лицо, слушает через трубочку, как бьется серд-

Справа - полный кавалер ордена Славы П.П. Невский

Фронтвые дороги Елены Чухнюк

Есть такие удивительные судьбы в истории России, которые стали символами эпохи, вобравшими в себя всю суть и дух своего времени. Одним из ярчайших примеров фронтвого поколения победителей является наша современница Елена Мироновна Чухнюк.

Родилась Елена Мироновна в небольшом селе Дьяковка, что Винницкой области. Ровесница революции, она с малых лет впитала в себя неуёмное стремление к высоким мечтам, большим делам и смелым поступкам.

А время по-своему кроило карту большой страны, шумело политическими процессами и комсомольскими собраниями, манило лозунгами и призывами к ликвидации безграмотности, участию в коллективизации, индустриализации, строительстве нового мира.

Крестьянской девчужке в сельской глубинке грезились великие стройки, новые города, широкие проспекты. И чудилось ей, что приезжает она в этот радостный новый мир на большой, красивой машине с удивительным названием Паровоз. Прокатиться на этом чуде техники стало для девочки заветной мечтой. Но знакомые остудили горячий пыл юного существа, рассказав, что пассажиров туда не пускают и что доступ на чудо-машину разрешён только для немногих избранных — машиниста и его помощников. С этого момента у маленькой целеустремлённой девчужки появилась конкретная цель: попасть в этот избранный круг.

Родители сначала посмеивались, думали, что у их дочки простая детская блажь, а когда поняли, что их маленькая Лена говорит об этом вполне серьёзно, подняли шум. «Не пушу на паровоз. Не женское это дело», — возмутился отец. Мать только вздыхала. А девчужка упорно рвалась в машинисты, не желая и слышать ни о каких женских профессиях. И как только появилась возможность, она немедленно поехала в Гомель, где жила старшая сестра, там поступила в железнодорожное училище и выучилась — таки на машиниста паровоза.

В Гомеле началась её трудовая биография. Паровозное депо Гомеля приветливо приняло юного машиниста в свой коллектив. На работу Лена мчалась как на крыльях: её мечта сбылась, она стала полноправной хозяйкой самого большого чуда в мире — настоящего паровоза! Величавая чёрная машина, столь недоступная посторонним, ей подчинялась беспрекословно. Хозяйка любила свой паровоз. Относилась к нему, как к родному существу: каждую свободную минутку Елена мыла, драила, начищала до блеска своего вороного железного коня. И стальная машина отвечала ей взаимностью: по мелочам не капризничала, часто не ломалась.

Для гомельских железнодорожников, как и для всей Белоруссии, боевые действия начались непосредственно 22 июня 1941 года. Всё утро гудели наши самолёты, летящие к границе, запад грохотал взрывами, периодически озаряясь всполохами огня, а потом над городом появились несущие смертоносный груз для всего живого самолёты с чёрными свастиками. Никогда не встречавшаяся с абсолютным злом девушка не сразу осознала, что мирная жизнь закончилась, и в силу вступили совсем другие законы. Пока она с удивлением разглядывала чёрные свастики, на головы мирных жителей, а заодно на станции и стоящие на путях железнодорожные составы, с неба посыпались бомбы. Этот миг запечатлелся в памяти навсегда. Мир рухнул, вместе с ним испарились восторженность и наивность, и в пламени пожара родилась новая Елена: смелая, решительная, мужественная.

Ещё не зная, что делать, она попыталась самостоятельно оценить ситуацию. Осмотрелась внимательно вокруг и увидела, как самолет с отчетливо выделяющимся черным крестом разворачивался в сторону станции. «Сейчас начнет бомбить», — пронеслось в голове, и она невольно вздрогнула: состав был нагружен боеприпасами. Мгновенно приняв решение, Елена схватилась за реверс. Паровоз окутался облаком пара, рванулся и стал быстро набирать скорость. Девчужка стремилась быстрее увести эшелон от станции, от большого скопления людей и важных грузов. По гулу разрывов бомб, по ударам осколков почувствовала, что бомбежка началась, и бомбы рвутся где-то рядом. Еще крепче нажала на регулятор, и поезд вырвался на перегон.

Однако немцы не желали упускать состав и погнались вслед. Елена быстро поняла, что надо применять хитрость. Чтобы сбить расчеты вражеских летчиков, она набирала скорость, потом резко тормозила. Сброшенные бомбы рвались то впереди, то позади поезда, не причиняя ему никакого вреда. Уничтожив весь боезапас, самолеты улетели.

Елена повела состав обратно на стан-

цию. Паровоз и вагоны во многих местах были пробиты пулями и осколками. Но весь груз остался цел. Это была первая личная победа машиниста Елены Чухнюк над безжалостным и опытным врагом. Отныне и она уже была опытным и обстрелянным бойцом Красной Армии.

Советские железнодорожники обслуживали фронт, проявляя поистине героическое мужество. Нередко в течение суток приходилось выдерживать по несколько налетов вражеской авиации. Машинисты работали без отдыха, сутками не отходили от реверса, урывая для сна лишь крохи времени на стоянках. Поврежденные вагоны исправлялись без отцепки, прямо в составе. Когда бомбы попадали в систему водоснабжения, Елена собирала людей, и они, передавая из рук в руки ведра, наполняли водой тендер паровоза.

Начало войны было особенно тяжёлым. Трудно железнодорожному составу скрыться от противника среди чистой степи или поля. Как-то под Орлом прицепила свой паровоз к составу с ранеными и уже собралась трогаться, как путеобходчик красным сигналом предупредил, что гитлеровцы перерезали дорогу. Но и город уже занят врагом. Что делать? Набрав самую высокую скорость, рванулась навстречу врагу и буквально в десятке метров от изумлённых такой наглостью немецких танкистов вырвалась из кольца. Град пуль и артиллерийские снаряды большого вреда эшелону не нанесли.

Коллеги и начальники её жалели, видели, как беззаветно и самоотверженно она носится на своём локомотиве на самых жарких направлениях. Как устаёт, изматывается и никогда не жалуется на самочувствие, неустроенность и усталость. Ей предлагали передислоцироваться в тыл, водить составы по Казахстану или Уралу — там тоже нужны профессионалы, но каждый раз она вспоминала своё родное село, родителей, которые находились на оккупированной территории, и про-

сила оставить её на фронте.

Во время Московской битвы каждый вечер Елена шла в рейс прямо на передовую, которая находилась совсем недалеко от депо: бои шли на подступах к столице. Машинисты вели составы в ночной тьме, без единого сигнала, под непрерывным обстрелом пушек и минометов. Железнодорожники спешили доставить на передовую пополнение, боевую технику, снаряды, а оттуда везли вглубь страны раненых. В декабре 1941-го Елене Чухнюк вместе со своими боевыми друзьями довелось испытать бурную радость от первых побед Красной Армии под Москвой. Они смогли общими усилиями защитить любимую столицу, и, значит, скоро смогут прогнать врага с родной земли. Она была в числе первых машинистов, которые повели свои локомотивы на запад по освобожденной подмосковной земле.

Летом 1942 года на железнодорожном транспорте начали формироваться паровозные колонны особого резерва. Е. Чухнюк вместе со ставшим ей уже родным локомотивом была зачислена в колонну № 4, которую в скором времени перебросили к Сталинграду.

«Несмотря ни на что, обеспечить подвоз боеприпасов и продовольствия возможно ближе к городу», — говорилось в приказе по колонне. Впоследствии Елена Мироновна часто вспоминала эту голую, выжженную огнем и солнцем ржавую степь. Прорваться через нее к скрытому густым дымом городу было почти невозможно. Но задача была поставлена — и они шли напролом. И прорывались. Вели свои эшелоны мимо стертых с лица земли станций, мимо горящих составов, изуродованных, сваленных под откос локомотивов. Сколько раз во время этих поездок ей приходилось делать вынужденные остановки, расцеплять состав, отводить в сторону горящие вагоны, пожарными приспособлениями сбивать пламя, несмотря на то, что каждую минуту мог произойти взрыв, грозящий гибелью!

Конечно, было очень страшно... Но она гнала от себя минутную слабость и вновь бесстрашно двигалась вперед. Каждую свободную минутку старалась использовать для ремонта израненных осколками снарядов подвижного состава. Пробоины в котле паровоза приходилось нередко заделывать металлическими пробками тут же, среди бушующего пламени.

От грохота разрывов бомб все члены бригады постоянно глохли. Объяснялись больше жестами. Однажды во время бомбежки осколком снаряда Елене сильно повредило ногу. Она перевязала рану, стала сильно хромать, но уйти с паровоза отказалась. Ведь в Сталинграде, куда она везла свои грузы, люди умирали, но не отступали!

Однажды она взяла состав с противотанковыми пушками, зенитными пулеметами и боеприпасами и помчалась к защитникам города. Проскочила один перегон, другой. На небе ни облачка. Жара в тот год была страшная. Вскоре высоко в небе появились вражеские самолёты: один разведчик, за ним другой. Раз появились разведчики, следует ждать бомбардировщиков. И через несколько минут они тут как тут.

Елена резко остановила поезд, а зенитчики, сопровождавшие эшелон, открыли сильный огонь. Бомбы легли впереди, метрах в ста от паровоза.

Самолеты стали разворачиваться для нового захода, но снижаться не решились: боялись пулеметов. Два раза они сбрасывали штук по десять бомб, и все впустую: накрыть поезд не удалось. Тогда они перестроились, между самолетами образовались большие интервалы.

Вдруг из-за облаков вынырнула тройка наших истребителей. Вражеские самолеты сейчас же враспышную, а один сразу рухнул недалеко от эшелона. Только проехали две станции, как снова появились вражеские самолеты. Теперь поезд подвергался атакам через каждые 20-30 минут. У одной станции загорелись два вагона, однако бригада успела потушить пожар в процессе следования, не отцепляя их. При очередном налете в куски развратило платформу с пушками. Осколками были убиты два пулеметчика. Что только не делали, чтобы снять платформу с пути! Гитлеровцы из пулеметов строчат, а железнодорожники, не обращая внимания на врага, орудуя тросами, рельсами. Кое-как платформу свалили, и состав вновь сцепили.

Ожидая, пока исправят путь, выдержали еще четыре налета гитлеровских самолетов. В движении поезд не так уязвим для противника. А когда состав стоит, опасность увеличивается многократно. Замерший на путях эшелон — легкая добыча для врага. К тому же укрыться негде: кругом голая степь, в которой не спрятаться. Когда путь был исправлен, поехали дальше. Не-

сколько перегонов проскочили удачно. На одной станции бригаду никто не встретил, нигде не было ни души. Землянка дежурного уничтожена прямым попаданием авиабомбы. В живых никого не осталось. На выходной стрелке лежал убитый стрелочник с сигнальными флажками в руке: погиб на боевом посту.

Лена ведёт состав дальше, туда, откуда доносится сплошной гул. Вновь привязываются два самолета, летят низко, непрерывно делая заходы. Осколками и пулями пробит тендер, пробоины в котле, разбито водомерное стекло. Кругом парит, в будке дышать нечем. Пришлось остановиться и отцепить четыре вагона. Едва Лена оттащила их на ветку, как в одном вагоне начали рваться снаряды. Тут сопровождающие эшелон зенитчики подбили одного стервятника. Он задымил и с черным хвостом пошел к земле.

На перегоне — опять налет. Десятка два черных воронок остались позади состава. Думали, проскочили благополучно, и вдруг снова пришлось остановиться: поврежден путь. Появляются путейцы и быстро засыпают воронку, меняют рельсы.

На следующем разъезде состав снова обстреляли. Загорелись сразу несколько вагонов. Начали шлангом водой из паровоза тушить огонь и спасли вагоны.

На следующую станцию въехать было невозможно — там рвались вагоны со снарядами. Наступала ночь, но от зарева было светло: горизонт от края до края пылал огнем. Проехали станцию уже глубокой ночью по вновь выложенной объездной дороге. Надо сказать, что во время войны Лена не уставала удивляться тому, как быстро солдаты укладывали и ремонтировали пути. Вскоре стала отчетливо слышна непрерывная канонада. Эшелон приблизился к конечному пункту назначения. Видеть, сколько счастья у защитников Сталинграда вызывают прибывшие орудия и снаряды, было радостно. Все понимали, что голыми руками победу над хорошо оснащённым врагом не одержать.

Выгрузились буквально за час. Бойцы работали не разгибаясь. А полковник, руководивший выгрузкой, поднялся на паровоз, пожал руку, обнял, поцеловал: «Спасибо тебе, дивчина, спасибо всем вам, железнодорожникам. Дни сейчас трудные. Приезжайте скорей ещё».

Обратно ехали немного быстрее, хотя воздушные

бандиты не оставляли ни на минуту. Одна бомба угодила прямо в тендер. Бросить ставший родным локомотив Лена не могла. Дорого тогда Родине стоил каждый паровоз. Сколько тогда машинистам приходилось видеть на откосах путей безжизненных, изувеченных машин! Пришлось на ходу латать развороченный тендер досками, просмоленным брезентом и своим ходом вести паровоз в подмосковное депо на ремонт.

Летом 1943 года Елена Чухнюк стала водить эшелоны на Курском направлении. Здесь гитлеровцы пыта-

лись создать плацдарм для своего контрнаступления. Стянули огромное количество боевой техники, танков. Советские железнодорожники тоже повезли туда войска, оружие, снаряды. Вскоре там развернулись жестокие бои. На одном из участков в глубоко эшелонированную линию нашей обороны вклинились фашистские механизированные части. Остановить их продвижение могли только наши тяжелые танки. И вот танковая бригада грузится буквально в считанные минуты. Е. Чухнюк приказано доставить эшелон непосредственно к месту прорыва гитлеровцев. Командир бригады смотрел на молодого машиниста с большим сомнением, ему не верилось, что эта хрупкая девушка сможет всего за час доставить танкистов к месту прорыва.

В пути эшелон семь раз попадал под бомбы гитлеровцев. Казалось, не прийти вовремя в указанный в маршрутном листке пункт. Кругом рвутся бомбы, свистят снаряды, а паровозная бригада всё уголька поддаёт, да скорость увеличивает. Наконец, добрались до нужной станции. Прибыли раньше запланированного.

Бой шел у самой станции. Мгновенно были откинута приставные площадки с платформ, и танки с ходу, один за другим ринулись в атаку. Гитлеровцы были отброшены от станции, а Лена повезла в тыл раненых.

А промозглой ноябрьской ночью 1943 года Елене дозволился из Москвы начальник колонны Н.П. Ломовцев. Вздволенным голосом он сообщил своей молодой соратнице, что Указом Президиума Верховного Совета СССР ей присвоено звание Героя Социалистического Труда. Сердце у юной героини заколотилось от радости и волнения. Значит, её самоотверженный труд высоко ценится Родиной, и значит, пока идёт война, она без устали будет водить поезда и составы на передний край битвы с врагом.

Впереди Героя — машиниста Елену Чухнюк ждали фронтовые дороги Украины, Белоруссии, Венгрии, Польши, Германии, а затем ударный труд на восстановлении народного хозяйства Родины.

Сегодня, спустя 65 лет после Великой Победы, Елене Мироновне даже не верится, что все это могло быть, и что всё это она выдержала.

Е. Носовец

член Редакционного Совета газеты «Вестник Героев»

Герой Советского Союза генерал-полковник **Юрий Федорович ЗАРУДИН** в годы войны служил в пехоте. Командуя взводом, ротой, батальоном, пробыл на переднем крае 730 суток. «На животе лежал, а спиной укрывался, небом грелся, а шилом брился», — говорит ветеран. Только крупных водных преград на его боевом пути в две тысячи километров было шесть, в том числе — Днепр, Березина, Неман, Нарев, Висла, Одер. Четырежды ранен, дважды контужен. Первую награду — орден Боевого Красного Знамени — командиру взвода младшему лейтенанту Зарудину вручили в 19 лет. Высшей награды Родины — Золотой Звезды Героя — Юрий Федорович удостоен в победном сорок пятом.

В июне сорок первого Юрий был курсантом Грозненского пехотного военного училища. О том времени сказал так: «Нас готовили к войне. Уже через неделю после зачисления мы совершили ночной 40-километровый марш в горы. Командиры учили по принципу «делай, как я», сначала действовать во всех видах боя как солдат, затем — как командиров. В итоге я не только был готов командовать взводом, но и мог показать любой прием, которым должен владеть боец. А проверенным принципом «делай, как я» руководствовался все годы своей службы».

Из Грозного Юрия Зарудина направили в Куйбышевскую область, где формировалась 58-я стрелковая дивизия. Принял взвод в стрелковом полку. Боевое крещение получил при защите столицы. Его взвод считался в батальоне одним из лучших. Так, с февраля 1942 года — в пехоте, на переднем крае. Убывал только по ранениям, чтобы вновь возвратиться на передовую. «Всегда

«Я БЕРЕГ СОЛДАТ!»

верил в победу, — говорит Юрий Федорович. — Иначе нельзя было сражаться. Настрой очень важен. Никогда не думал о своем спасении. Любил солдат, берег их. И они меня уважали и берегли. Начал войну с солдатами в окопах и блиндажах и закончил ее с солдатами в окопах и блиндажах. Если завтра атака, сегодня всех обойду, с каждым поговорю».

...Есть в Калужской области высота 269,8, более известная как Зайцева гора. Над могилами своих боевых друзей застыл в печали на ее вершине бронзовый солдат в плащ-накидке. Зайцева гора — одна из самых трагических страниц Великой Отечественной. В этом районе пытались соединиться наши войска, чтобы перекрыть фашистам прямую дорогу на Москву — Варшавское шоссе. Здесь в начале сорок второго, в боевых действиях участвовали десять стрелковых дивизий и три танковых бригады. К концу апреля соединения потеряли от 50 до 70 процентов личного состава убитыми, ранеными и пропавшими без вести. В боях погибли не менее 60 тысяч солдат и офицеров. Зайцеву гору за ожесточенные бои сравнивали со Сталинградом — не случайно же после войны ее стали называть подмосковным Мамаевым курганом. Еще долгие годы после войны трактористы отказывались здесь пахать землю: все вокруг было усеяно минами, а за плугом бесконечной белой лентой тянулись человеческие кости.

Именно в боях за Зайцеву гору 22 апреля получил тяжелое ранение ноги лейтенант Зарудин. Как вспоминает фронтовик, активно таял снег, и окопы были заполнены ледяной водой. Одежду сушить негде. Непрерывные обстрелы и бомбежки выматывали людей. В тех боях, как отметил Юрий Федорович, «только сильные духом могли выдержать такие испытания».

Раненого офицера сначала доставили в близлежащий город Мещовск, где в полевом госпитале хирург удалил из раны 18 осколков, затем перевезли в госпиталь, расположенный на базе подмосковного санатория Архангельский. Состояние Зарудина было тяжелое — началась гангрена. Стал вопрос об ампутации, но офицер не дал согласие. Спас его опытный хирург профессор Павел Михайлович Красин, ближайший сподвижник знаменитого Александра Васильевича Вишневого, который в годы войны предложил очень эффективные методы обезбоживания и лечения ран. На высоте оказался и опытный хирург Красин. Благодарность ему Юрий Федорович

пронес через всю жизнь. Тепло вспоминает ветеран и других врачей, медицинских сестер, которые, как он отметил, порой славали кровь прямо в операционной.

Ногу удалось спасти, однако еще четыре месяца ему пришлось долечиваться в госпитале. «Если бы пал духом, мне конец. Тысячи раз делал приседания и разработал ногу».

После госпиталя в Архангельском Юрия Зарудина направили на курсы младших лейтенантов Западного фронта в Ногинск, где он пробыл до мая 1943 года. За этот период пришлось трижды ложиться на лечение — вновь и вновь открывалась рана. Вскоре последовало новое назначение — в 885-й стрелковый полк 290-й стрелковой дивизии. Командир полка майор Михаил Григорьевич Хомуло — человек строгий, волевой, сразу же предупредил Зарудина о том, что предстоят тяжелые бои, и твердо

сказал: «Принимай роту».

Командуя ротой, Зарудин освобождал Белоруссию: «Воевал на территории четырех областей — Витебской, Могилевской, Минской и Гродненской. Восемь месяцев боев, дважды ранен. Считаю Белоруссию второй Родиной». Именно на белорусской земле отважный офицер был впервые представлен к высокому званию **Героя Советского Союза**. Это произошло в декабре 1943 года, когда полк занимал в Витебской области оборону восточнее деревни Хондоги. «Командир полка приказал взять к утру донимавший нас дзот. Это была серьезная огневая точка: пять накатов бревен, три амбразуры. Расстояние — метров 70-75...»

Не желая посылать людей в лобовую атаку, прикинул схему действий роты. План начертил угольком на газете: один взвод сосредоточит на дзоте огонь, второй и третий под его прикрытием справа и слева атакуют. Но, посоветовавшись с бывальыми солдатами и сержантами, внес изменения в свое решение. Дзот находился на возвышенности, подступы к нему были заминированы, вокруг — проволочные заграждения. И Юрий Федорович предложил подчиненным неожиданный ход: сделать подкоп. Один из бойцов, человек в годах, который воевал еще в финскую, сказал: «Стоящее предложение. Грунт — глина, на полметра углубимся, и лаз диаметром в метр соорудим за милую душу, чтобы можно на полусогнутых пробраться. Нужна неделя». Командир полка решение утвердил: «Все равно в обороне еще долго сидеть». Копали по ночам, грунт вытаскивали в тыл. Не одну тонну перетаскали. Чтобы ввести немцев в заблуждение, днем рыли небольшие траншеи — и впереди, и в тылу. Враг так ничего и не понял. Когда закончил работу, дзот уничтожили без потерь. Подобравшись к нему ночью, бесшумно сняли часового, забросали гранатами расчет, забрали оружие и ушли. Группу возглавлял Зарудин.

К утру была освобождена и вся деревня.

Вот как писал позднее о том бое в своих мемуарах «Время выбрало нас» генерал-полковник Михаил Хомуло: «Лейтенант Зарудин, командуя 8-й ротой, в этом ночном бою проявил не только личную храбрость и мужество, но и распорядительность, умение действовать дерзко, решительно. Его рота первой поднялась в атаку и первой ворвалась в деревню. Наступая в центре боевого порядка батальона, блокировала церковь и школу, где был штаб немецкого полка. Рота уничтожила около сотни немецких солдат и офицеров, взяла в плен около сорока человек, трех младших офицеров, одного майора — командира немецкого батальона».

К слову, о своем командире полка Юрий Федорович вспоминает с особой теплотой. «Михаилу Григорьевичу тогда было всего 24 года, грамотный был командир. После войны он десять лет командовал войсками округа, был заместителем главкома Сухопутных войск по боевой подготовке. Да и большинство командиров, с которыми меня сводила судьба, были умными, опытными людьми...»

После овладения Хондогами наступление продолжалось. 30 ноября Юрий Федорович вновь был тяжело ранен в ту же ногу. Пришлось провести в госпиталях более двух месяцев. «Лишь после войны, из книги Михаила Григорьевича Хомуло узнал, что в декабре сорок третьего был представлен к званию Героя Советского Союза. Но не получила за те бои ни ордена, ни медали...»

И после двух тяжелых ран Зарудин вернулся на передний край — в апреле 1944 года направлен в 459 стрелковый полк 42-й дивизии Западного фронта. Командовал полком полковник Михаил Козлов. Шла подготовка к операции «Багратион», которая продолжалась около двух месяцев. За бои по освобождению Могилевской области Юрий Зарудин был вновь представлен к высшей награде Родины. Вот строки из документа, датированного 7 июля 1944 года: «26 июня 1944 года тов. Зарудин в боях на высоте 192,2 своей ротой уничтожил до взвода немецкой пехоты, не имея своих потерь. Совместно с первой ротой отбил контратаку танков противника. В боях за деревню Жевань 24 июня 1944 года уничтожил немецкий гарнизон совместно с первой и третьей стрелковыми ротами. На поле боя осталось 80 убитых немцев. Своих потерь рота не имела. С ходу форсировав реку Бася, рота заняла первые траншеи немцев и, будучи в окружении, в течение 14 часов непрерывно отбила все контратаки танков и пехоты противника. Тов. Зарудин после форсирования впасть реки Днепр ротой занял немецкие траншеи и ружейно-пулеметным огнем прикрыл строительство переправы-моста через реку. Достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

Вот как дополнил этот документ ветеран: «В разгаре — Белорусская операция. Прорыв подготовленной обороны — трудная задача. Обычно накануне боя подходил к каждому солдату, обращался по имени и спрашивал: «Завтра атака — ты готов к бою?» Некоторые смущенно говорили, что есть страх, предчувствие гибели. Таких в роте набиралось 6-8 человек. Я — ротный, мне вести людей в бой, но этих людей оставлял в резерве, участие в атаке они не принимали, а продвигались вслед за ротой. Постепенно страх проходил, и они назавтра уже были готовы к выполнению любой задачи. Морально подавленный — в бою не жилец». Еще Юрий Федорович добавил, что никогда не поднимал руку на подчиненных, не оскорблял, и за всю войну, пока был взводным, ротным и комбатом, ни один из его бойцов и командиров не сдался в плен. Ни одного человека не оставил убитым или раненым на поле боя.

О том, как рисковал любой командир и боец, находясь на передовой, сказал так: «Солдат-пехотинец в бою в среднем проводил 11 суток. Потом погибал или попадал в госпиталь. Когда имешь дело с против-

с Героем России — А.Ф. Акимовой

ником, то профессионально обязан быть сильнее его по всем параметрам. Ты должен уметь вести бой: огонь, маневр, рукопашная схватка. Тогда выживешь! И морально ты призван быть выше врага, без этого ничего не получится. И еще нужен настрой на победу. Если все время будешь думать о смерти, пропадешь. Настрой важен, очень важен!».

Когда освобождали Польшу, комбат Зарудин получил приказ форсировать реку Нарев в районе городов Ломжа и Остроленко и захватить плацдарм. Стояла осень сорок четвертого. В книге прославленного советского военачальника Павла Батова нашел такие строки: «Нарев был последним естественным рубежом, прикрывавшим подступы к южным границам Восточной Пруссии и нижнему течению Вислы. С форсированием ее появлялась возможность обхода Варшавы с севера и северо-запада. Поэтому гитлеровцы вложили много труда в создание обороны на правом берегу реки. Аэрофотосъемка и агентурная разведка показывали, что на правом берегу подготовлены мощные инженерные сооружения. Оборона на Нареве состояла из трех позиций с развитой системой узлов сопротивления и опорных пунктов, усиленных инженерными препятствиями и заграждениями. Все населенные пункты на правом берегу реки были превращены в опорные пункты и узлы сопротивления с круговой обороной».

А вот что вспоминает о том форсировании Юрий Федорович: «Батальон должен был переправиться за реку на лодках, в каждой по десять человек. Как это сделать бескровно? Подобрал в 8-9 км от переднего края озеро и начал учить людей. Лодки опрокидывались, солдаты оказывались в воде, их спасали, но со временем мы научились бесшумно преодолевать водную преграду. От весел — ни одного всплеска. На форсирование я не взял даже тех, кто кашлял. Переправились через Нарев без единого выстрела. Батальон броском взял три траншеи. С нашей стороны — двое убитых и пятеро раненых. Сказалась подготовка...»

Напомним, что водных преград в биографии ветерана было шесть. Юрий Федорович даже процитировал строки Александра Твардовского: «Переправа, переправа... Темнь, холод, ночь, как год. Кому память, кому слава, кому темная вода — ни примет, ни следа».

Еще об одной странице своей боевой биографии рассказал фронтовик. За неделю до начала войны он впервые принял участие в рукопашном бое на состязаниях, проводившихся в республике, которая тогда называлась Чечено-Ингушской АССР. О рукопашном бое много знал от деда и отца — они воевали еще в Первую мировую. Запомнились их слова о том, что на той войне до рукопашного боя доходило нередко, и что немцы в таких схватках пасовали. Как показало время, навыки единоборства, полученные в училище, оченьгодились офицеру и его подчиненным. Сам Зарудин принимал участие во всех рукопашных боях, которые велись в населенных пунктах, лесу, траншеях и ходах сообщения, в любом бое время суток. «Был у меня такой случай: я впервые голыми руками убил фашиста, до этого все больше из винтовки и автомата. Прыгнул в траншею, а винтовка, ударившись обо что-то, отлетела в сторону. Поднял голову, а надо мной стоит высокий фриц с карабином в руке. У меня в руках ничего. Маузер достать не успею, опередит, гад, остается только нож, а он — в сапоге! Фриц, увидев, что я безоружен, ухмыляясь и перехватив двумя руками ствол, замахнулся на меня карабином. Но пока этот верзил замахивался, я, благо невысокий — 170 сантиметров, прошмыгнул за его спину и со всей мочи вонзил ему нож между лопаток. Нож вошел по рукоятку, еле вытаскивал. После того случая трое суток ходил со стучащими зубами — отходил от стресса».

И подчиненных, используя любую возможность, офицер учил премудростям единоборства с врагом. «Война показала, что без рукопашного боя никуда: как только ворвался в траншею, пошел по ходам сооб-

2007 год - во время открытия соревнований по армейскому рукопашному бою на «Кубок Героев»

щений, а там неудобно стрелять — вперемешку и свои, и чужие, только рукопашный и выручал! В ход шли лопата и приклад, нож и штык... Немец не мог устоять против русского в схватке, а союзники немцев — итальянцы, румыны — разве вояки? Трудно пришлось, когда с власовцами дрались. С гадкими предателями пришлось встречаться дважды. Особенно запомнил их на Одере, когда они отстреливали драпающих немцев, а сами стояли до последнего человека, пока их всех не перебили!»

Так и вели его подчиненные рукопашные бои до самого Берлина. Там, в городе, они шли в зданиях — за каждый этаж, каждый метр. Когда ему на глаза попались стихи Юлии Друниной: «Я столько раз видала рукопашный, раз наяву и тысячу во сне, кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне», Юрий Федорович удивился, насколько точно передано то, что пришлось пережить и лично ему.

День Победы майор Юрий Зарудин встретил в госпитале. Виною тому — Одер. «Не от ранения лечился, от простуды, — вздыхает Юрий Федорович. — Сопротивление врага было жесточайшим. Маршал Рокоссовский позднее признался, что разведка не сработала, недооценили противника. Одер широкий — три километра. Мы форсировали реку в районе города Шведт, юго-западнее Щецина. На знаменитых лодках ДД-10 шли. Немцы подпускают метров на 100, а дальше — фауст-патрон, и 10 человек в воде. Я двое суток просидел на островах Ост-вест на Одере, в окопах, полностью затопленных водой. Крепко простудился, температура зашкаливала. Так я оказался в армейском госпитале 49-й армии, в Витштоке, где и узнал, что война за-

вершилась...»

После Победы Юрий Федорович, как и многие фронтовики, взялся за учебу. С отличием окончил Военную академию бронетанковых войск. Служил на различных должностях. Четыре года командовал полком под Львовом. Именно об этом периоде службы прочитал в книге военного журналиста Александра Щелокова: «В Прикарпатском военном округе познакомился с командиром мотострелкового полка, Героем Советского Союза Юрием Федоровичем Зарудиным. Молодой, энергичный полковник делал все с таким нерастрченным азартом, что заражал им всех остальных. А через несколько лет мне вновь довелось встретиться с Юрием Федоровичем уже в другом месте, в другой обстановке. Полковник к тому времени стал командиром дивизии. Легкий на подъем, быстрый, он почти не сидел в штабе. Потому мы чаще всего виделись то на учениях, то на совещаниях. Офицеры говорили о своем командиве с уважением и за глаза называли его «Вперед!». Это было любимым словом командива и его внутренней командирской сущностью».

Юрий Федорович — выпускник Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. 11 лет прослужил Дальнем Востоке, где командовал дивизией, корпусом, армией. Оттуда был направлен в Ленинград на должность первого заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа. Шесть лет командовал Северной группой войск. В 1984 году новое назначение — первым заместителем главнокомандующего Южного направления в Баку, где по долгу службы ему пришлось бывать в Афганистане. С ноября 1985 по декабрь 1988 года — главный военный советник при

министре обороны Вьетнамской народной армии.

Юрий Федорович стоял у истоков создания в стране «Российской Ассоциации Героев», и был 15 лет членом ее Правления, он входит в коллегию Российского государственного военного историко-культурного центра при Правительстве РФ, возглавляет московский Фонд поддержки Героев Советского Союза — участников Великой Отечественной войны «Звезда».

Дают знать годы — ветерана тревожат старые раны, особенно та, что была получена в боях на Заячьей горе. На месте рубца образовалась язва, которая терзала ветерана целых восемь месяцев. Два месяца в госпитале, месяц дома, и каждый день жена, Тамара Федоровна, делала перевязки. Затем — снова госпиталь. Ветеран очень признателен врачам военного госпиталя имени Мандрыки, и, в первую очередь, начальнику 3-го хирургического отделения Александру Ивановичу Суханову, который с трудом, но вылечил фронтовика. Так напоминает о себе война.

А еще тревожит ветерана попытки бросить тень на солдата-победителя: «Плетут всякую ахинею, а мы в Германии вели себя достойно. Помню, взяли в Данциге дом, подготовленный к осаде на полгода, — продукты, вода, свет. В подвале около тысячи человек — женщины, дети, старики. Только открыли дверь, все — руки вверх. Две молодые немки несут поднос с украшениями, а за ними семенит старушка. Сержант Носовский, мой переводчик, переводит ее слова: мол, это мне подарок, чтобы пощадил их. Говорю: «Передай, мы здесь потому, что ваши к нам пришли в сорок первом. Мы пришли не грабить вас. Верните украшения людям». А дальше женщина спросила чуть ли не шепотом: «Вы коммунисты?» — «Да». — «Рога есть у вас?» Пришлось снять фуражку. Вот как обоблачивали людей. Выставил охрану, чтобы «моих пленников» никто не тронул».

...За плечами Юрия Зарудина — более полувека службы в армии. На груди — тесно от наград: Золотая Звезда Героя Советского Союза, два ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, три ордена Боевого Красного Знамени, орден Суворова III степени, ордена Отечественной войны I и II степени, два - Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах» и немало медалей. Но, как отметил ветеран, боевые награды ему вручали в госпитале, на передовой, в штабе, но ни в годы войны, ни после не вызывали в Кремль, даже для вручения Звезды Героя...

Владимир ГОНДУСОВ

Слева-направо: Герой России А.И. Шербаков, Герой Советского Союза Н.Т. Антошкин, Герой России В.А. Шаматов, Герой Советского Союза И.Ф. Зарудин, Герой России А.П. Андреев

В минуты высшего напряжения боя, когда вражеское кольцо уже сжалось так, что не оставляет другого выбора, в эфир летят полные мужества слова: «**Вызываю огонь на себя!**».

Один из тех, кто произнес их в годы Великой Отечественной войны — **Герой Советского Союза Борис Васильевич КРАВЦОВ**. Тогда, осенью сорок третьего, он не мог поступить иначе...

24 октября 1943 года усиленный батальон 185-го гвардейского стрелкового полка на понтонах форсировал Днепр и в ожесточенной схватке с врагом занял небольшую плацдарм на крупнейшем на Днепре острове Хортица.

Вместе с пехотой переправились и артиллеристы-корректировщики, и радисты во главе с начальником разведки артдивизиона гвардии старшим лейтенантом Борисом Кравцовым.

Остров Хортица — двенадцать километров в длину и около трех в ширину — известен, в первую очередь, тем, что именно здесь находилась знаменитая Запорожская сечь. Наши предки первыми оценили преимущества высокого и скалистого участка суши, подходы к которому с одной стороны преграждали днепровские пороги, а с другой — непроходимые плавни. Отсюда хорошо просматривалась, а значит, простреливалась водная гладь. Все это превращало Хортицу в естественную крепость.

В историю Великой Отечественной остров вошел тем, что именно здесь в самом начале войны была проведена одна из первых наступательных операций Красной Армии.

Фашисты заняли остров в августе сорок первого и с его высоких берегов хорошо просматривали расположенный неподалеку город Запорожье. Наши войска были поставлены в трудное положение. Как организовать эвакуацию, если заводы, улицы, вокзал и железнодорожные линии находятся под постоянным наблюдением и непрерывным артобстрелом противника?

Советское командование приняло ре-

шение: выбить немцев с Хортицы. Для успеха операции необходимо было собрать сведения о противнике. Но, чтобы попасть на остров, нужно преодолеть левый рукав Днепра в несколько сот метров шириной, а он просматривался, как на ладони?

И тогда офицеры попросили одного из мальчишек, переплывшего с Хортицы на наш левый берег, вернуться обратно и попытаться разведать огневые точки и боевые позиции немцев на острове. Ребятам, что жили на острове, это было сделать гораздо легче, чем самым лучшим разведчикам: на Хортице был поселок, жили бакенщики, перевозчики, и местные мальчишки, естественно, не вызывали у немцев особого подозрения. Прекрасно зная все тайные тропы острова и его многочисленные плавни, ребята справились с заданием, и на другой день наша артиллерия уничтожила фашистский штаб, расположенный в здании бывших детских яслей, и скопление войск в Широкой балке.

После этого мальчишки стали получать новые задания. Они не только вели разведку, но и распространяли листовки, резали линии связи, помогали переправиться на наш берег раненым красноармейцам, оставшимся на острове после того, как он был захвачен немцами, переправляли на захваченный правый берег Днепра связных, направленных в партизанские отряды. А в одну из ночей ребята переплыли на остров, неся все необходимое в привязанных к головам шапках. В точно назначенный час рядом с вражескими огневymi точками вспыхнули костры. По ним и ударила наша артиллерия. Благодаря их помощи наши войска освободили остров от врага, смогли полтора месяца удерживать Запорожье. У города появилась возможность эвакуировать заводы.

Большинство юных героев погибли. Об их подвиге был снят художественный фильм «Я — Хортица».

Прошло два года, и с тяжелыми боями 14 октября наши войска освободили Запорожье. Дальнейшим наступательным действиям серьезно мешал враг, засевший на Хортице. Гитлеровцы имели на острове сильные укрепления, которые предстояло брать, форсируя глубоководную в своем нижнем течении реку.

Пока войска готовились к новому наступательному броску, подтягивая тылы и подвозя боеприпасы и продовольствие, артиллерийские разведчики пребывали в напряжении. Борис Кравцов внимательно изучал остров.

— Пристроившись на чердаке поврежденного бомбежкой шестиэтажного дома, до рези в глазах всматривались в холмистую территорию острова, покрытую рощами и кустарниками местность, в уцелевшие и полуразрушенные строения, — вспоминает фронтовик. — Наносил на карту ориентиры, огневые точки и оборонительные сооружения врага, набрасывал цветными карандашами панораму видной части острова и правого берега реки.

Борис Васильевич отметил, что у него всегда получалось быстро схватывать и запоминать всю панораму местности: дома, холмы, рощи, отдельные деревья, овраги, речушки. «Я неплохо рисовал, и меня частенько просили на бумаге изобразить панораму переднего края противника. Делал это цветными карандашами, в нескольких экземплярах — командирам огневых взводов, начальнику штаба, да и себе оставлял...»

На исходе 24 октября Кравцов доложил командиру артдивизиона капитану Ламину о том, что удалось увидеть и засечь. Прокомментировал: «Здорово фрицы зарылись в каменистую землю. Укрепления основательные, берега высокие скалистые».

А вскоре снова последовал вызов в

«Вызываю огонь на себя!»

штаб дивизиона, где Ламин поставил Кравцову задачу: «Приказано форсировать Днепр и произвести высадку на Хортицу. Ты с группой разведчиков пойдешь вместе со штурмовым батальоном. Будешь корректировать огонь артиллерии».

Выступать предстояло в 21.00.

Понимая, на что идут подчиненные, командир дивизиона, будто извиняясь, добавил: «Мы поддержим вас. Дай только координаты».

Да и Кравцов понимал: выжить один шанс из ста. Но приказ есть приказ.

К берегу вышли, когда над Днепром опустилась ночь. На небе ни звезд, ни луны — полная темнота! Лишь изредка с вражеской стороны взлетали в небо, освещающая берег, ракеты, да время от времени по черной, как смола, водной глади скользил мощный луч прожектора.

— Переправлялись скрытно, немцы нас не обнаружили — это мы чувствовали. Но когда наш понтон сел на мель и мы стали прыгать в воду и бежать к берегу, враг открыл ожесточенную стрельбу...

Но внезапность нападения сделала свое: гитлеровцы спешно отошли в глубину острова. Ударная группа на небольшом участке завладела их траншеями, захватив даже оставленную при бегстве пушку. Разведчикам пехотинцы обрадовались: «О, длинно-рукие прибывали! (так в шутку называли артиллеристов). Вот это дело!»

— В немецком блиндаже, в котором обнаружили даже фашистские наградные знаки с бланками анкет, мы оборудовали наблюдательный пункт. Володя Мозгунов, лучший радист дивизиона, светловолосый рязанский парень, который буквально нянчил радио, как самую заветную вещь, и потому она работала у него безотказно, связался с командиром дивизиона. Я сообщил наши координаты. Ориентиром выбрал большой дуб, который был хорошо виден с левого берега...

Не успел Кравцов доложить обстановку, как ночную тишину разорвало протяжное завывание вражеских мин. Координаты минометов противника немедленно были переданы на левый берег. Заговорила наша артиллерия. Огневые точки противника были накрыты, но немцы имели превосходящие силы и бросили их на то, чтобы выбить десант с острова.

Ожесточенный минометный и пулеметный огонь по нашим позициям не прекращался в течение всей ночи, и потому Кравцову постоянно приходилось корректировать огонь левобережных батарей, помогая пехоте отбивать наседающего противника. Всю ночь в эфире звучали его команды: «Взрыватель осколочный, заряд полный, буссоль двадцать шесть... уровень, прицел... Два снаряда, огонь!», «Шесть снарядов, беглый огонь!», «Уровень меньше ноль-ноль два...»

— За ночь, — вспоминает Борис Васильевич, — восемь атак отбили. Командиры были в траншеях вместе с пехотинцами, я — у входа в блиндаж, чтобы наблюдать, где взрываются снаряды. То и дело прося: «Огонька, огонька добавьте!», и они добавляли».

На рассвете фашисты обрушили на десант новый минометный шквал и утром вражеские автоматчики прорвались сквозь заградительный огонь.

— Положение было чрезвычайно напряженным, — вспоминает Борис Васильевич, — патроны на исходе, гранат мало.

А впереди еще было несколько часов светлого времени, ведь помощь могла прийти только с наступлением темноты. Это были томительно долгие часы. Мучила жажда. От пыли и дыма нечем было дышать. Боеприпасы берегли и по возможности противника подпускали на расстояние прицельного выстрела. Чтобы уберечь солдат от ранения в голову при артобстрелах, открыли «лисьи норы» — круглые углубления в стенке траншеи. Когда начинался интенсивный орудийно-минометный обстрел, солдаты засовывали в «норы» головы. Это в какой-то мере помогло сбереечь людей.

Отовсюду доносились крики: «Рус, рус, сдавайся! Рус капут!» Совсем близко пробежал немец, другой. Кравцов, увидев, что за блиндажом устанавливают пулемет, почти в упор из пистолета застрелил одного из врагов. Второму удалось убежать. На блиндаж посыпались гранаты.

Немецкое кольцо сжималось все плотнее, и Кравцов отчетливо слышал шуршание песка — фашисты подползали сзади и справа. Ряды артиллерийских разведчи-

ков редели.

— Понимая, что вот-вот с нами будет покончено, посмотрел на бойцов. Они были готовы кинуться рукопашную. И только у одного из нас было действующее в полную силу оружие — рация. Гляжу на Мозгунова: брови сдвинуты, весь ушел в свои наушники. Тут и закричал я: «Передавай! Мы окружены. Цель — наш НП, огонь на меня! Огонь на меня!».

Мозгунов будто и ждал этого. С азартом подхватил команду, словно она приносила ему радость избавления, а не смерть. На том берегу вначале подумали, что не правильно поняли эти отчаянные слова. Радист левого берега переспросил. Кравцов кричал им: «Оглохли, что ли, твою мать?!» и так далее, ну, как обычно на фронте в таких случаях. И тут у самого входа рванула граната, взрыв ранил его в левую руку и повредил радио. Мозгунов поднял ее, повертел и бросил. Теперь уже не повторить команду. А огня-то нет. И тут все услышали звук летящих на излете снарядов. Наших, с левого берега. Все согнулись в три погибели. «Первый залп — перелет, второй — недолет, а третий — прямо по блиндажу. Немцев смыло, как грязь с крыши проливным дождем. И нам досталось. В потолке образовалась дыра и на нас рухнули бревна, груды песка и земли...»

Очнувшись, Кравцов понял, что завален обломками. С трудом высвободил руки. Тяжело ворочаясь и кряхтя, выта-

пид из-под балок ноги. Медленно приподнялся, попытался отряхнуться. Во всем теле была слабость. И тут же до его слуха донесся стон из дальнего угла. Это был Мозгунов. Бросился туда и стал судорожно разбирать завал. К счастью, радист получил лишь небольшие повреждения головы и ноги. Наскоро перевязал, как мог, раненого, ползком потащил его на правый фланг, к своим. А там по проводной связи попросил соединить его с дивизионом. Когда услышал в трубке знакомый голос, прокричал: «Я — Кравцов. Говорю вам — Кравцов! Что? Погиб? Как видите, жив. Так, пустяковая царапина. Ну, да ладно. Принимайте координаты. Нас снова атакуют...» И пошло привычное: заряд полный... прицел... четыре снаряда, беглый огонь!

Смелчаки удерживали завоеванный на острове плацдарм до прибытия подкрепления. К ночи на Хортицу высадился крупный десант. Началась эвакуация раненых. Самостоятельно могли передвигаться лишь три десятка человек. С запавшими глазами, в разорванном, пропахшем потом и порохом обмундировании они подбадривали «тяжелых».

На острове навечно остались более двадцати офицеров и почти 200 рядовых и сержантов, но тем боем за плацдарм на Хортице они отвлекли значительные силы противника с тех участков, где готовились форсировать Днепр главные силы. Кравцов из своей небольшой группы потерял двоих.

В окровавленной рубашке, в гимнастерке с оторванным рукавом, пришел он

в штаб. Командира дивизиона не было, и он доложил начальнику штаба Сычеву, что задание выполнено. «Ну, Боря, я рад, — обнял его Аркадий Мартынович. — Теперь быстро к фельдшеру, а потом отсыпаться. Молодец. Помоги удержать плацдарм».

После двухнедельного лечения Борис Кравцов вернулся в строй. Впереди предстояли не менее ожесточенные бои за правобережье Днепра.

К тому времени он воевал уже полтора года, с весны сорок второго. Окончил Одесское артиллерийское училище, которое было переведено к тому времени в город Сухой Лог Свердловской области:

— Двухлетнюю программу курса «артиллерийская инструментальная разведка» предстояло освоить за восемь месяцев. Учился добросовестно, жадно. Дисциплина и исполнительность были высочайшими. Понимали: война не потерпит недоучек. Направили меня на Юго-Западный фронт, командиром взвода топографической разведки артдивизиона. Шло лето 1942 года. Настроение в войсках было довольно унылое. Оборонительные бои, сплошные неудачи. Мы пытались атаковать, но безуспешно. В конце мая немцы нанесли мощнейший контрудар и отгнали нас на восточный берег Северского Донца. Там произошло мое боевое крещение. «Мессеры» летали на высоте 10-20 метров и расстреливали отступающих с бреющего полета. Горела техника, стонали раненые. Случалось, немецкие танки опережали наши колонны параллельным курсом. Они шли к Сталинграду, не обращая на нас внимания. Наверное, думали, что мы и так никуда не денемся...

Фронтовик, который чудом уцелел в той «мясорубке», вспоминает, что иногда в селах и хуторах он встречал красноармейцев без оружия. Слышал от них, что воевать с такой силой бесполезно и лучше добровольно сдать в плен...

По словам ветерана, сначала он чувствовал себя довольно робко. Услышав вражеские выстрелы, быстро падал, прижимал голову к земле. Но быстро осваивался с обстановкой.

Все подчиненные были старше юного лейтенанта:

— Среди них, например, было три бывших директора школы, еще трое бывших учителей, а все командиры отделений имели за плечами несколько лет службы, в общем, люди опытные и в житейском плане, и в военном деле. А мне-то всего девятнадцать... Впрочем, смущение быстро прошло и появилось взаимопонимание.

Со временем подразделение артиллерийского полка, завершив тяжелый маршбросок, расположилось восточнее хутора Ягодный Сталинградской области. Впрочем, никакого хутора к тому времени не было, вместо домов только черные трубы торчали, как кресты на кладбище.

В тех местах и встретили артиллеристы суровую, со снежными заносами, зиму. Окопавшись в балке продуваемой всеми ветрами степи, в плохо оборудованных, в один накат блиндажах, подолгу сидели без дров и даже подчас без питьевой воды. За 25 километров, по обледеневшей и заснеженной дороге, с трудом доставлялось на передовую все необходимое — от боеприпасов до дров. В этих условиях ди-

визия готовилась выступить против 11-й пехотной румынской дивизии.

Взвод лейтенанта Кравцова делал свое дело: засекал огневые точки, командные пункты и расположение боевой техники противника.

— Здесь я по-настоящему понял, — вспоминает Борис Васильевич, — что такое артиллерийская разведка: нередко приходилось быть и впереди пехоты, за передним краем. Иногда ползли за боевое охранение метров двести вперед. До вражеских окопов ближе, чем до своих. Донесет, скажем, войсковая разведка, что огневая точка врага вон, около тех кустов, а мы обязаны это перепроверить. Я должен поймать ее в стереотрубу или бинокль, сообщить координаты и корректировать огонь наших батарей. У нас рация с собой, и мы даем координаты по радио. А бывало, что и по телефону. Иногда так близко от немца расположишься, что слышишь его речь, подаваемые команды. Выдвинешь стереотрубу, замаскируешь тряпкой, чтоб не отвечивала, и смотришь: ого! Вот он где свой пулемет пристроил, фашист!

А потом было особо памятное не только для Кравцова утро 19 ноября 1942 года. Оно выдалось тихое, с легким морозцем, с жиденьким туманом в низинах и балках. И вдруг воздух засветился и содрогнулся. Это ударила наша артиллерия, вся разом, да так, что задрожала земля, посыпались стекла. В этой канонаде звучали и орудия дивизиона капитана Ламина. И били они по тем самым целям, что обнаружили и засекали разведчики, «глаза и уши». Как вспоминает Борис Васильевич, у многих

ле и узнал о том, что указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 марта 1944 года «за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом мужество и героизм» ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В июне 1944 года гвардейца артиллериста признали инвалидом 2-й группы и демобилизовали из армии. Так, разом рухнули все его мечты о военной академии. 22-летний Герой Советского Союза вернулся в Москву. Почти четыре месяца получивал раны. Даже работать не мог. Проживал с матерью. Война отняла у него отца — Василий Алексеевич пропал без вести еще в 1941 году. Осенью 1944 года поступил в Московский автодорожный институт, однако из-за обострившейся болезни учебу вскоре пришлось оставить. И вновь полгода вынужденного безделья. Болезнь отступала медленно. В сентябре 1945 года, когда боли немного поутихли, он все же поступил в Московскую юридическую школу. Позднее окончил Всесоюзный юридический заочный институт и сделал блестящую карьеру юриста. Начиная членом линейного суда Московско-Окского бассейна и, как отмечают в книге «От первого прокурора России до последнего прокурора Союза» Александр Звигинцев и Юрий Орлов, «дела разбирал дотошно, пытаясь вникнуть в самую их суть. В каждом подсудимом старался видеть прежде всего человека. Особенно сжималось его сердце, когда перед судом представляли бывшие фронтовики. В таких случаях он чрезвычайно бдительно разбирался во всех де-

Слева направо: М.П. Одинцов, П.Ф. Зарудин, Б.В. Кравцов

на глазах были слезы.

А война для него закончилась 31 декабря 1943 года: осколком разорвавшегося рядом снаряда его тяжело ранило в бедро правой ноги: «Накануне мы получили подарки с тыла. Наша дивизия заняла хутор Владимирский. Я лег в хате спать и думал: «До Победы вряд ли дожить, убьют. Лучше б ранило! А куда? Лучше б в ногу». И что Вы думаете? Ранило в бедро, на следующий день! В пяти метрах от меня разорвался снаряд. Удар был настолько сильным, что создалось впечатление, что это был удар тяжелым бревном. Упал как подкошенный. Всю стену хаты изрешетило осколками, в меня попал один от нее, перебил кость бедра и в ней остался. До сих пор не понимаю, как меня не убило?».

К счастью, к офицеру быстро подбежала батарейный санинструктор Аня Бровкина — маленькая, хрупкая девушка. Она перетащила Кравцова в безопасное место и перевязала раненую ногу. В 12 часов ночи он лежал на операционном столе в госпитале города Запорожья. Врач поздравил его с новым, 1944 годом и приказал медсестре дать нарков.

В течение длительного времени Борис Васильевич лечился в госпиталях Запорожья, Славянска и Ленинкана. В госпита-

лях. Даже в тех суровых условиях, когда известный указ от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», жесткий и беспощадный, значительно усилил наказание за воровство, он не боялся оправдывать лиц, совершивших преступления под давлением тяжелых жизненных обстоятельств».

В 1971 году Борис Васильевич назначен Прокурором РСФСР и на этом высоком посту профессионально и мужественно боролся с беззаконием и произволом, защищая, в первую очередь, простых людей. С 1984 по 1989 годы Кравцов возглавлял министерство юстиции СССР. В настоящее время заслуженный юрист России, почетный сотрудник прокуратуры, действительный член Академии военно-исторических наук, почетный гражданин городов Каменск-Шахтинский и Дербент входит в правление Клуба Героев Советского Союза, Героев России и полных кавалеров ордена Славы.

С 1993 года является советником по вопросам законности в Гильдии российских адвокатов. А еще — заядлый рыбак и любитель путешествий.

Великую Отечественную войну Александр Михайлович ФАДИН закончил капитаном. К тому времени грудь гвардейца украшали ордена Боевого Красного Знамени, Александра Невского и Отечественной войны II степени. «Высокие награды, что там говорить. Грех было жаловаться», отметил ветеран. Да разве мог мечтать о таких знаках отличия паренек из деревенской глубинки Горьковской (ныне Нижегородской) области. Когда началась война, ему было всего 16 лет. О том, как он в столь юном возрасте попал на фронт, и начался наш разговор.

— Патриотизм для каждого из нас не был пустым звуком. Когда началась война, я учился в речном училище. В военкомат пошел уже на следующий день. Центральную площадь заполнили тысячи людей, мужчин и женщин разных возрастов — все это были добровольцы. Узнав, сколько мне лет, военком сказал: «Знаешь, парень, иди и продолжай учиться, у нас есть, кого призывать». Через месяц опять отправился в военкомат. Послушав друга, прибавил себе два года. Прошел медкомиссию. Зачислили во 2-е Горьковское автомоторное училище. Представляете, в то время велосипед был роскошью, доступной не каждому мальчишке, а тут — мотоцикл! Но сначала нас учили ездить именно на велосипеде.

Зима 1941 года выдалась очень суровой — 42–45 градусов. Мерзли и на полевых занятиях, и в классе. Одеты мы были довольно легко: буденовский шлем, хлопчатое обмундирование, шинели, кирзовые сапоги с теплыми портянками, летнее нательное белье и варежки с одним пальцем. И хотя готовили нас основательно, командиром мотоциклетного взвода стать так и не довелось. Училище преобразовали в танковое. Мы, молодежь, кричали: «Ура!» Те, кто постарше и воевал на Халхин-Голе и Финской, освобождал Западную Украину и Белоруссию, говорили: «Чему радуешься? Будете гореть в этих железных коробках».

Весной 1943 года я успешно сдал экзамены. Первым в училище начал стрелять с ходу и продемонстрировал это комиссии. Когда вернулся на исходную, ко мне подошел полковник, пожал руку и подарил свои часы. Больше никто из курсантов с хода стрелять не рискнул. 25 апреля 1943 года мне присвоили звание «лейтенант». Получил, как и другие, с завода новый Т-34. Потом нас эшелонами отправили в район Курской дуги. Попал в 22-ю гвардейскую танковую бригаду 5-го гвардейского танкового корпуса Воронежского фронта. Это было накануне величайшего танкового сражения в истории Великой Отечественной.

— Там и произошло Ваше боевое крещение?

— Да. Мне, молодому офицеру, не нюхавшему пороха, не могло и привидеться, что попаду в такую мясорубку под Прохоровкой, где лоб в лоб сошлись на одном поле полторы тысячи танков. Думал только о том, чтобы не затеряться и не наскочить на соседний танк, и потому перед каждым выстрелом выглядывал из люка. Был азарт: поймать в прицел танк противника и уничтожить его, но поразить первый вражеский танк удалось только во второй половине дня. Чуть позже подловил на ходу бронетранспортер и вцепил ему два осколочно-фугасных снаряда. Здорово получилось! Потери у нас были ужасными: за первые сутки из 63-х танков в бригаде осталось всего 18. Мы уничтожили восемь «тигров», две «пантеры» и штуки четыре средних танков...

Для меня наступление закончилось 16 июля, когда наш танк получил два попадания и загорелся. К этому времени в бригаде оставалось четыре или пять исправных танков. Из шестидесяти двух человек — выпускников училища, пришедших вместе со мной в корпус, после четырех дней наступления осталось только семь. Как тут было не вспомнить

Командир «тридцатьчетверки»

слова, услышанные еще в училище, что «будем гореть в этих железных коробках».

— При освобождении Киева Ваш танк ворвался в город одним из первых. Как это произошло?

— Утром 5 ноября в наше расположение приехали комбриг и начальник политотдела. Экипажи танков и самоходок выстроились перед машинами. Была поставлена задача: овладеть городом. Ставка требовала освободить Киев к 7 ноября. Комбриг особо подчеркнул, что те экипажи, которые первыми ворвутся в город, получат звания Героя Советского Союза.

Каждый мечтал, что будет первым. Но до этого надо было еще дожить, ведь предыдущие две попытки очистить столицу Украины от фашистов оказались безуспешными: город оцетинился тысячами вражеских стволов и мощными укреплениями.

И вот наступило утро. Взмыли в небо красные ракеты. Вперед! Когда в танк садишься — переживаешь, даже руки трясутся. Но выстрел сделал — и успокоился. Когда увидел щит с немецкой надписью «Киев», даже сердце защемило! По иронии судьбы, чтобы попасть в город, нам пришлось преодолевать ров, вырытый его защитниками от немцев в 1941 году. Это оказалось не так-то просто: нужен был огромный разгон. Мы выжали из двигателя максимум, резко опустились в ров, а вылезти на противоположную сторону не могли. Тогда я решил преодолевать ров задним ходом — с училища запомнил, что тяга задним ходом сильнее. Так и преодолели ров.

Пока рвались к центру города, уничтожили два вражеских танка, самоходное орудие, несколько станковых пулеметов и не один десяток гитлеровцев. Но досталось и нам. Сначала почувствовали удар и танк, будто наскочив на серьезную преграду, на мгновение остановился и снова пошел вперед, резко сдавая в левую сторону. Механик кричит: «Командир, перебита правая гусеница!» Однако мы смогли наехать на пушку, которая в нас выстрелила, двух немцев придавили, остальные разбежались.

На ремонт гусеницы рабочим траком ушло около часа. И все это — под вражеским огнем. Догнали своих, и с ходу в бой! На одной из улиц люди вышли из подворотни. «Вы русские?» — «А вы кого ждали? Немцев уже здесь нет, конечно, русские». — «Спасибо, спасибо, спасибо!» И выносят три бутылки водки. Я говорю: «Какая тут водка?!» А механик: «Лейтенант, молчи, молчи!» и куда-то бутылки засунул в ящики. Мол, обмывать же будем. Отмечать победу и впрямь было некогда: повсюду шли уличные бои. На одном из перекрестков огнем вражеской самоходки был подбит головной танк нашего батальона. Объятый пламенем, он резко свернул вправо и врезался в один из угловых домов. Я развернул башню своего танка и всадил снаряд в борт самоходки.

Когда вывернули на Крещатик, стало жутко: ни одного целого здания. Недалеко остановился легкий танк Т-70. Вылезает офицер в шлеме и спрашивает: «Советико?» По-знакомились. Оказались, что тезки, только этот Александр из чехословацкой бригады, которой командовал полковник Людвиг Свобода, впоследствии президент страны. Они воевали в составе нашего корпуса и вместе с нами освобождали Киев.

Так вот, встреча на руинах Крещатики имела продолжение. 7 апреля 2010 года вместе с Президентом России Дмитрием Медведевым группа ветеранов вылетела в Братиславу на празднование 65-й годовщины освобождения Словакии. Меня тоже пригласили, я ведь те места освобождал, командовал там ротой, прямо в Братиславе по центральной улице прошел, преследуя немцев. Нас должны были наградить высшей наградой страны — орденом Двойного Белого Креста. И Медведев привез ордена Дружбы награды для словацких фронтовиков. Перед церемонией нас начали знакомить. И вдруг седой словацкий полковник мне говорит: «Александр? Киев, 43-й год. Это я, Александр!» Это был тот самый танкист, которого я встретил на Крещатике. Тепло обнялись. Весь зал аплодировал.

А тогда, в сорок третьем, мы получили задачу двигаться в направлении города Васильков. Однако, преодолевая небольшую речку, наш танк увяз. Двигатель к тому времени был так изношен, что выбраться самостоятельно мы не смогли. Тягач нас вытаскил. Ремонтники пытались восстановить мой танк, но после недели безуспешных трудов объявили, что танк не подлежит ремонту в полевых условиях. Так закончились для меня бои за Киев. К тому времени командование батальона представило меня и еще шесть командиров Т-34 к званию Героя Советского Союза. Документ дошел до Военного совета 38-й армии, но командарм Константин Москаленко и член Военного совета Алексей Епишев приняли решение о награждении меня орденом Боевого Красного Знамени.

— К героическому званию Вас ведь представляли дважды...

— Это произошло во время знаменитой Корсунь-Шевченковской операции. Наши войска тогда окружили восемь дивизий и три бригады, в общем, сделали немцам второй Сталинград. Но и выдохлись тогда. Это был конец зимы сорок четвертого. Ранняя оттепель, морозящий сырой снег превратили дороги в болота. Подвоз боеприпасов, горючего и продовольствия осуществлялся на лошадях, поскольку машины все застряли. Танки еще как-то двигались, а мотострелковый батальон отставал. Пришлось просить население — женщин и подростков, — которые от села к селу несли на своих плечах по одному снаряду или вдовоем тачиле ящик с патронами, увязая чуть ли не по колено в грязь.

В тех боях мы потеряли восемь танков. К моменту, когда нам приказали сосредоточиться в районе деревни Дашуковка, в бригаде остался один танк — мой. Когда противник выбил наши части из Дашуковки и практически прорвал кольцо окружения, командир корпуса Герой Советского Союза генерал Алексеев поставил задачу командиру бригады Жилину закрыть брешь. Тот сказал: «Да у меня один танк». — «Вот этим танком и закрой».

Представляете? То есть одному танку с поддержкой пехоты нужно было выбить немцев из деревни, закрыть трехкилометровую брешь и держаться до подхода основных сил. Но выхода другого не было, и потому я приказал экипажу выбросить из танка, что не нужно было для боя, и догрузить боеприпасов. Таким образом, шел в бой с двумя боекомплектами снарядов: 150 вместо штатных 77. Минут за 20 танк подготовили к бою. Провожать нас вышло все начальство.

Подъехав к изгибу оврага, откуда было ближе всего к деревне, стали медленно спускаться по его склону. Выход был только один: преодолеть овраг и начать атаку на южную окраину Дашуковки. Легко скатились вниз, однако подняться на противоположную сторону нам не удалось. Добравшись с ходу до половины противоположного ската, танк с большой скоростью скатился обратно вниз. Мы сделали несколько попыток подняться, и всякий раз танк срывался вниз. Очень затрудняла наш подъем гололеда. За рычагами был гвардии старшина Петр Дорошенко, опытейший механик-водитель. Ему было за тридцать, на груди три ордена — Отечественной войны I и II степени и Красной Звезды, медаль «За оборону Сталинграда», но и он ничего не мог сделать. Выбившись из сил, я вспомнил, как преодолел ров под Киевом на задней передаче. Развернули танк задом и всем его экипажем, втроем, начали толкать вверх, уцепившись за выступ лобового листа брони. Если бы 28-тонная машина скатилась вниз, от нас бы ничего не осталось... Но, к счастью, преодолели.

На окраине деревни меня ждал командир 242-го стрелкового полка. Представился, сказал, что я молодец, что преодолел такой глубокий овраг: «Смотри, вон двигаются огоньки. Это идут немецкие автомашины. Думаю, что несколько подразделений противника уже прошли по дороге. На этом участке собраны остатки моего полка — примерно рота. Вам необходимо, используя ночь, поддержать атаку моей пехоты...»

Остановив танк в десяти метрах от стрелков, осмотрел лежащих на снегу бойцов, вооруженных винтовками. Только у некоторых были автоматы. Было их человек 50-70.

Поставив прицел на ночную стрельбу, сначала распра-

вился с пулеметными точками. Видя это, пехота поверила в меня и пошла в атаку. Ведя огонь с ходу, врываются в деревню и расстреливаю убегающих из домов, мечущихся у автомашин немцев. Мало кому удалось уйти. В общем, задачу выполнил — взял под прицел дорогу.

И тут из-за роши выдвигается колонна автомашин с пехотой. Немцы, в отличие от наших водителей, ночью ездили с включенными фарами. Определив дальность, бью в первую автомашину. В одно мгновение мой снаряд превращает ее кузов в огненный шар. Перевожу прицел на последнюю, одиннадцатую, автомашину, которая после моего выстрела подпрыгнула и, вспыхнув, развалилась на части. И тут на дороге начался кошмар. Идущий в колонне вторым бронетранспортер рванул в обход первой горевшей автомашины и сразу же сел днищем в грязь. Остальные автомашины пытались съехать с дороги направо и налево и тут же зарывались в грязь. От моего третьего выстрела, а он последовал не более чем через шесть-восемь секунд, вспыхнул бронетранспортер. Местность осветилась, как днем. Были видны в отблесках пламени бегающие фигуры фашистов, по которым я выпустил еще несколько осколочных снарядов и полностью короткими очередями разрядил диск из спаренного с пушкой танкового дегтяревского пулемета.

Так и удерживал с пехотой деревню более пяти часов до подхода главных сил бригады. В том бою экипаж уничтожил три танка, один бронетранспортер, два миномета с расчетами и 12 пулеметных точек.

Командир бригады вышел встречать меня на крыльцо, обнял, поцеловал, сказал: «Спасибо, сынок» и ввел в хату, где я рассказал о выполнении приказа. Выслушав меня, командир бригады сказал, что командование представляет меня к званию Героя Советского Союза, механика-водителя Петра Дорошенко — к ордену Ленина, заряжающего сержанта Фетисова, к нашему прискорбию, посмертно — к ордену Отечественной войны I степени, радиста-пулеметчика сержанта Елсукова — также к ордену Отечественной войны I степени.

— **В этом страшном бою, с одним танком против такого количества немцев, Вы боялись?**

— Да что вы, какой там страх?! В такие «горячие» моменты разве есть время бояться? Я вот что скажу: если бы мы боялись смерти, не было бы всех наших героев и не было бы Победы.

— **Это в Дашукровке Вы сбили немецкий самолет?**

— Там как-то из-за рощицы, что находилась левее нашей позиции, через дорогу выскочил самолет. На фронте мы его называли «капрони» — итальянского производства, типа нашего У-2. Он развернулся и на высоте 50-70 метров полетел вдоль оврага, что был левее деревни, на противоположном склоне которого я уничтожил группу немецких офицеров. Стал за ним наблюдать. Развернувшись, самолет опять полетел вдоль оврага в нашу сторону. Так и курсировал вдоль этой линии. Зная примерно расстояние между столбами, рассчитал его скорость. Она была небольшой, порядка 50-60 км/ч. Когда самолет в очередной раз пролетел мимо нас, решил: если он развернется, попытаюсь его сбить. Даю команду зарядить осколочным снарядом. Самолет разворачивается, я рассчитал, что до него метров 800, поднял пушку на 12 градусов, взял упреждение. Выстрел! Снаряд угодил ему прямо между крыльев, и самолет переломился и уткнулся в лес. Экипаж заголосил от радости: «Самолет сбили!» А механик говорит: «Сколько у меня было командиров танка, но такого меткого, как вы, не было!» Как выяснилось после, это был единственный случай за всю войну.

— **Родители знали о Ваших боевых делах?**

— У родителей, Михаила Александровича и Марии Антоновны, в течение полувека бережно хранился экземпляр «Арзамасской правды» от февраля 1944 года. Там была опубликована заметка под заголовком «Наш славный земляк», перепечатанная из газеты «Красная армия» 1-го Украинского фронта. «Шел бой. От его исхода зависело, замкнем мы в кольцо окружения группировку противника или ему удастся прорваться. На одном из участков надо было во что бы то ни стало задержать контратакующего противника до подхода нашего подкрепления. Эта задача была поставлена экипажу танка, командиром которого был гвар-

дии лейтенант Фадин. Ровно в 6 часов утра танк вышел на выполнение боевого задания. За ним двинулись пехотинцы. Умело маневрируя на местности, танкисты подавили 12 пулеметных точек, сняли вражеского пулеметчика, засевшего на мельнице, и разгромили два минометных расчета. Враг дрогнул. Пехота поднялась в атаку. Танк, извергая огонь, ворвался в село. Два немецких средних танка попытались спасти положение. Командир тридцатьчетверки с ходу первым выстрелом зажег один из них. Второй, не приняв боя, отошел. Теперь все село было во власти танкистов. На дороге вытягивалась колонна немецких автомашин — она была расстреляна. На пути встретился бронетранспортер — он был поднят гусеницами. Из-за леса выскочил транспортный самолет, шедший, видимо, на выручку окруженным, он был сбит прямым попаданием из танковой пушки, когда разворачивался для посадки.

Село опустело. Танк курсировал на его окраине, вызывая врага в поле, ведя огонь по опушке леса. Бой длился третий час. Еще одну победу одержал советский танк. Немцы выставили против него двух «тигров», а один танк пошел в обход. Даже в этой неравной схватке командир тридцатьчетверки действовал с холодной выдержкой опытного воина. Головной «тигр» был пригвожден к месту метким выстрелом. За первым снарядом в цель пошли еще три, чтобы зверь не ушел. «Тигр» пылает, горит и советский танк. Пробит его мотор. Прямым попаданием вырван спаренный пулемет. Убит башенный стрелок. Ранены три остальных члена экипажа. Поддерживая друг друга, они уходят с поля боя. В соседнем селе командир танка сдает раненых в медсанбат и шагает дальше. «Приказ выполнен», — докладывает он на командном пункте.

— **Понятно, что речь идет о бое в деревне Дашукровка и о Вашем ранении?**

— Да, как раз в тот момент, когда сбил самолет и высунулся из люка. В меня стрелял снайпер, пуля попала в броню люка и отскочила в шею. Но в той заметке написано, что в нас стрелял «тигр». Это не так: в нас выстрелила самоходка «фердинанд». Все члены экипажа получили ранения, а башенный стрелок Фетисов погиб. Мне пришлось вытаскивать из танка механика-водителя Петра Дорошенко и, взвалив на плечи, нести на себе. На его фуфайке проступали все увеличивающиеся в размерах семь красных пятен. До крайних хат оставалось где-то 20-30 метров, когда у меня в глазах потемнело и силы оставили меня.

Оказав первую медицинскую помощь Петру, медики взяли за меня. Пинцетом медсестра подцепила небольшой осколок, который наполювину вошел в область шеи. Затем попросила меня встать, но я не смог. К вечеру нас с Петром отправили в тыл. Его отвезли в госпиталь для тяжелораненых, а я, пройдя через ряд прифронтовых госпиталей, оказался в городе Тараща в госпитале для легкораненых, который был развернут на скорую руку, был плохо оборудован и грязен. Раненые лежали в приемном отделении на грязном полу, и никто о них не заботился. Я сразу же решил отсюда выбираться. Командир бригады дал мне отпуск и долечивался я уже дома, в Арзамасе.

— **За годы войны Вам пришлось сменить несколько грозных машин. Разумеется, менялись и экипажи. Вы всех своих подчиненных помните?**

— Практически всех, с кем воевал больше недели. Первый экипаж был таким: механик-водитель — старший сержант Василий Дубовицкий, 1906 года рождения, бывший в 1936 году личным шофером «всесоюзного старосты» Михаила Ивановича Калинина. Когда я его стал спрашивать, как его сюда занесло, он ответил: «Лейтенант, там все в карточке записано». Больше так ничего и не сказал. Командир орудия — младший сержант Голубенко, 1925 года рождения, и радист-пулеметчик — младший сержант Василий Вознюк, одессит, 1919 года рождения. Сдружились быстро, экипаж понимал меня с полуслова. Воевал со мной механик-водитель Василий Семилетов, который также был значительно старше меня. Уже через двое суток боя мы сдружились. Позднее воевал с уже названными Дорошенко, Фетисовым, Елсуковым. Когда мне разрешили самостоятельно сформировать экипаж, без ложной скромности скажу, что люди просились ко мне. С тяжелым сердцем теряя я каждого из них.

— **Можно ли привыкнуть к смерти на войне?**

— Никогда. Видел много смертей. Как-то ко мне подъехал танк командира 2-го взвода Кости Гроздева, ему надо было спрятаться за другую хату и бить, а он ко мне жметесь. И вот вражеский танк врезал ему. Башню сорвало, и она отлетела на крышу соседнего дома. Костя выскочил... вернее, выскочила верхняя часть туловища, а нижняя в танке осталась. Руками по земле скребет, глаза хлопают. Такая вот смерть...

Как-то к моему танку подбежал совсем юный солдатик. Крикнул, что слева за оврагом какие-то немецкие офицеры рассматривают наши позиции в бинокли. Сказав это, повернулся, чтобы отойти от танка, вдруг покачнулся и упал навзничь. Взглянув в триплекс, я увидел, как из его затылка вытекает струйка крови. Приказал механику: «Петя, сдвигай танк задом». Я развернул башню, и в прицел увидел четыре фигуры, лежащие на снегу сразу за оврагом метрах в четырехстах от меня. Видимо, группа офицеров во главе с генералом, у которого воротник шинели был оторочен лисой, проводила рекогносцировку местности и моей позиции. Крикнул: «Фетисов, снаряд на осколочный!». Фетисов отвернул колачок, доложил: «Осколочным готово!». Я прицелился, и снаряд разорвался точно в середине этой группы. Я сразу увидел не менее полусотни фигурок в белых халатах, бросившихся со всех сторон спасать раненых. Вот здесь я и отыгрался за пареня-солдата, выпустив в них пятнадцать осколочных снарядов.

— **Вас ведь тоже не раз смерть обдавала ледяным дыханием?**

— По моим подсчетам, раза четыре на волоске был. Иногда спасала случайность. Однажды «тигр» с расстояния один километр дал по мне выстрел. Он бы меня убил, но болванка зацепилась за рукоять оставленной с осени и вмерзшей в землю сохи, изменила траекторию полета, пролетела в нескольких сантиметрах от башни моего танка. Поверло! Если бы они по мне все саданули, от меня бы мокрого места не осталось.

— **Как сложилась Ваша судьба после Победы?**

— Весть о Победе встретил в Вене в должности заместителя командира роты 20-й гвардейской танковой бригады. Но война для меня тогда не кончилась. Сначала был Парад Победы, а потом, в должности командира танковой роты, участвовал в разгроме японской Квантунской армии. Пришлось преодолевать на боевых машинах горные хребты Большого Хингана, громить врага на огромных просторах Маньчжурии и при овладении Порт-Артуром.

Потом была служба в должностях командира танкового батальона, заместителя начальника штаба и начальника штаба танкового полка, заместителя командира танкового полка, офицера отдела боевой подготовки штаба Гражданской обороны Минобороны СССР. В 1964 году переведен на службу в Военную академию бронетанковых войск на должность начальника строевого отдела академии. Позднее получил назначение на должность преподавателя кафедры тактики, в которой проработал до 1975 года. В том же году защитил диссертацию по своей специальности, стал кандидатом военных наук. Решением высшей аттестационной комиссии в 1981 году мне было присвоено ученое звание доцента, а затем — профессора Академии военных наук. В 1976-1978 годах находился в служебной командировке в Сирии, где организовывал подготовку офицеров танковых войск. Все эти годы занимался военно-научными исследованиями в области оперативного искусства и тактики, развития бронетанковой техники, подготовки научных кадров. Написал сам или в соавторстве более 40 военно-научных работ.

— **Как же вы стали Героем России?**

— Это произошло благодаря Совету ветеранов 6-й гвардейской танковой армии. Фронтвики и ходатайствовали о присвоении мне звания Героя России. Ходатайство прошло все положенные инстанции, и ни одна из них не усомнилась в наличии правовых оснований для такого решения. Потом появился Указ Президента от 6 сентября 1996 года. Честно сказать, я в тот день почувствовал себя помолодевшим лет на пятнадцать.

Беседу вел Владимир ГОНДУСОВ

ВОЗДУШНЫЕ АСЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

12 февраля 2011 года ушёл из жизни легендарный лётчик **Иван Евграфович Фёдоров**. Незадолго до его кончины в конференц-зале Министерства иностранных дел Российской Федерации состоялся торжественный вечер в честь этого выдающегося авиатора — ветерана войны и дипломатической службы — Героя Советского Союза.

Так случилось, что об этом наиболее ярком и талантливом из настоящих воздушных асов мы знаем гораздо меньше, чем о других лётчиках-героях. Но вся история его жизни и деятельности является сама по себе настоящим чудом и, это уж точно, свидетельством невероятного везения в мире авиации.

К моменту вступления в войну 1941-45 гг. у лётчика Ивана Евграфовича Фёдорова уже было более пяти тысяч часов налёта, в то время как у лётчиков Александра Покрышкина и Ивана Кожедуба на двоих не было и полутора тысяч часов. Интересно и то, что к званию Героя Советского Союза заслуженного лётчика-испытателя и в то же время боевого лётчика Ивана Фёдорова представляла четырёхжды. Один раз этому помешала большая потасовка между лётчиками, моряками и танкистами, возвратившимися после боёв в Испании, в Доме приёмов Красной Армии, что был недалеко от метро «Динамо», после которого Фёдоров был назван доброжелателями из НКВД одним из её зачинщиков.

Второй раз помешало то, что на представлении генерала Громова не поставили свои визы его заместитель Юмашев и начальник штаба Дагаев.

Третий раз представление на Героя было зарублено маршалом Коневым,

1941 год

обвинявшим тогда авиаторов в том, что они не поддержали должным образом сухопутчиков в наступлении на вверенном ему участке фронта.

Всякий раз как будто кто-то свыше отводил от Героя заслуженную награду, не позволяя, как позже шутили лётчики, «забронзоветь».

Лишь в 1948-м году эту брешь сумел пробить авиаконструктор Семён Александрович Лавочкин, начавший личную встречу со Сталиным фактически с восторженного и восхищённого рассказа об этом удивительном лётчике-испытателе, «научившим летать», как тогда говорили, 297 типов различных самолётов. Сталин тогда прервал его на полуслове: «Что ты хочешь?». Авиаконструктор чётко ответил:

— Присвоить ему Героя!

На что Сталин в свойственной ему манере, затянувшись трубкой, ответил одобрителем кивком, как бы сказав: «Считай этот вопрос решённым и давай к следующему вопросу».

На самом деле, Сталин с 1937 года очень хорошо знал этого пилота-виртуоза, близкого к маршалу Ворошилову и бывшего другом его любимца — лётчика Валерия Чкалова. Именно тогда Фёдорову принадлежал своеобразный рекорд на показательных полётах — 34 фигуры высшего пилотажа, которые Фёдоров выполнил в небе за три с половиной минуты. Полное восхищение и даже замешательство он вызвал тогда даже у присутствовавших там иностранных лётчиков и авиаконструкторов. То, что выписывал в воздухе на самолётах Иван Фёдоров, другим лётчикам было неподвластно. Именно он, как никто другой, обладал редким природным даром истинного пилота в купе с высочайшим лётным мастерством.

Но знал Сталин и о его славе первого воздушного хулигана, которому, как истинному Мастеру пилотажа, прощались многое.

Когда двенадцатилетний беспризорник Иван, сын казаков Донецкого округа Войска Донского Денисовых, впервые увидел самолёт, он решил, что именно это и станет делом всей его жизни. И что он сделает всё возможное, чтоб стать лучшим в этом деле. Об этом юный Иван думал и на рабфаке, и в школе ФЗУ, и в Луганском пединституте, и работая помощником машиниста маневренного паровоза...

И мечта сбылась: в 1929 году он поступил в Луганскую школу ОСАВИА-ХИМа. Чуть позже, в 1932 году, окончил Луганскую военную авиационную школу...

И вскоре стал вначале младшим лётчиком, а затем сразу командиром звена в строевой части ВВС в Житомире.

В 1937-м году, когда уже вовсю шла война в Испании, Фёдоров был на чествовании в Кремле в числе лучших советских соколов. Оказавшись рядом с Ворошиловым и Сталиным, он улучил момент и обратился к ним:

— Разрешите отбыть на Пиренейский полуостров показать возможности советских боевых самолётов? Хочу показать настоящий русский характер в боях.

Маршал Во-

рошилов, зная о только что состоявшейся встрече Сталина с «Пассионарией» — Долорес Ибаррури, добро на это дал.

В Испании он с первых дней активно начал сбивать на нашем И-16 фашистские самолёты и однажды сбил двух ястребов-крестоносцев на глазах у Долорес, лидера испанских коммунистов. Восхищённая боевым мастерством русского пилота Ибаррури после его приземления пятнадцать минут тискала, обнимала и не выпускала Ивана из объятий, назвав его «красным дьяволом».

За умения, навыки, безоглядную смелость и решительность в выполнении фигур высшего пилотажа, абсолютную уверенность в себе и, конечно же, уникальные природные способности и ценил его Лавочкин.

— Ну, куда я отпущу этого чертяку? — объяснялся он как-то в конструкторском бюро после возвращения Фёдорова из китайского города Урумчи, где выпускались самолёты по нашей лицензии. — Слишком уж хорош этот испытатель в своём деле.

Фёдоров всегда был яркой, независимой в суждениях и вполне самостоятельной личностью, человеком удивительной души, искромётного чувства юмора и мужественного, открытого сердца. Он был прекрасным собеседником, неунывающим весельчаком-анекдотчиком и бесконечно влюблённым в небо человеком.

Многим памятен случай, когда на сравнительных полётах в преддверии решения о запуске в производство одного из истребителей (либо ЯК-1, либо ЛаГГ-3), в присутствии комиссии, созданной по поручению Сталина и под руководством первого секретаря Горьковского обкома ВКП(б) Родионова, произошло невероятное. На первом самолёте, Яке, показал возможности пилотирования Иван Фёдоров, на следующем, уже на ЛаГГ, полетал, что называется, блинчиком другой пилот — Павленко. Комиссия переглянулась, и согласно качнула головами, мол, всё ясно.

Заметив это, Фёдоров по простоте душевной обратился к комиссии:

— ЛаГГ-3 тоже очень хороший самолёт, с отличными пилотажными характеристиками. Разрешите лично продемонстрировать?

И показал такое, что даже не мог на «Яке». Возвращаясь со второго показа, заметил, как недобро смотрит на него обладающий непререкаемым авторитетом авиаконструктор Яковлев, чей самолёт он показывал первым. А что касается особо доверительных отношений Яковлева с Верховным, то это ни для кого не было секретом.

А Фёдоров один за другим писал рапорты на фронт, а когда ему в строгой форме категорически запретили это делать, снял со своего мотоцикла глушители и начал на этой грохочущей взрослой игрушке раскатывать по коридорам конструкторского бюро и горьковского опытного завода. Затем не раз делал это и перед дверью Лавочкина, и перед дверью в квартиру военкома, когда всё уже начало зависеть лишь от него. И был случай, газавал так аж до трёх утра.

В 1941-42 годах Фёдоров, будучи лётчиком-испытателем КБ Лавочкина в городе Горьком, так и не добившись со-

гласия на отправку его на фронт, угнал экспериментальный самолёт с новым вооружением — ЛаГГ-3. Угнал, дезертировав, так сказать, в действующую армию.

Прощаясь с конструкторами КБ Лавочкина, Фёдоров на сверхнизкой высоте трижды выполнил фигуру высшего пилотажа, именуемую мёртвой петлей, каждый раз пролетая в нижней точке фигуры под пролётом речного моста над Окой, почти касаясь поверхности воды. Когда он пошёл на четвёртую петлю, зенитчики по приказу свыше открыли массированный огонь по месту предстоящей области петли, и лётчик вынужденно ушёл от четвёртой фигуры. И по «компасу Кагановича», т.е. по линии железной дороги, полетел в сторону города Калинина, нынешней Твери.

— О чём я думал тогда, подлетая к аэродрому Мигалово Калининского фронта, — вспоминал с улыбкой Иван Евграфович. — Что от наказания мне никак не уйти! Угнал с завода экспериментальный облегчённый самолёт ЛаГГ-3 - нарушитель! Мёртвые петли

1938 год

сделал под мостом в Горьком — нарушитель! Посланных на перехват двух истребителей так заматал пилотажем, что один едва не разбился — нарушитель! Как оценить этот поступок? Где поставить запятую в знаменитой фразе «Казнить нельзя помиловать».

За тот проступок Фёдоровым занялось ведомство Берии. Но за него заступился, и таким образом спас его от неминуемой расправы, знаменитый командарм и тоже прославленный лётчик Михаил Громов, командовавший в то время под Калинином 3-й воздушной армией. И вскоре приказом Сталина была создана на Сталинградском и Калининском фронтах (впервые в мировой военной практике!) штрафная авиационная эскадрилья. По документам она значилась как штрафная авиационная группа при штабе 3-й воздушной армии, и параллельно — при 21-м авиаполку.

Лётчика Фёдорова отправили в эту штрафную группу, назначив не кем-нибудь — командиром, так как он был опытным боевым лётчиком ещё по Испании. Одним из отличий штрафной группы было то, что лётчикам-штрафникам, равно как и их командир, сбитые немецкие самолёты не засчитывались. Фёдоров командовал штрафниками с 18 августа по 30 сентября 1942

года. А с 1 октября он возглавил 157-й истребительный авиаполк, который ему было поручено создавать уже лично из отборных асов. С декабря 1942 года известный лётчик уже командовал 256-й истребительной авиационной дивизией Калининского фронта.

Излюбленным боевым приёмом по уничтожению самолёта противника был такой. Когда фашист заходил ему «в хвост» для открытия огня, Фёдоров резко брал штурвал на себя и уходил на мёртвую петлю, чтобы, перевернувшись в воздухе вниз головой, сверху с ходу открыть огонь по тому, кто несколько секунд назад считал его своей лёгкой добычей. И этот боевой приём почти всегда Ивану удавался. Такого рода головокружительный победный пируэт был подвластен лишь настоящим воздушным акробатам, а не тем, кто самонадеянно считал себя таковыми. Выписывать возможно допустимые пируэты — было рутинным, повседневным трудом для настоящего лётчика-аса, которым и был по праву, и по судьбе наш герой — Иван Фёдоров. И выполнял он этот труд с истинным упоением, считая себя именно для этого и рождённым.

Командир так называемой «поющей эскадрильи», прототип главного героя известного фильма «В бой идут одни старики», дважды Герой Советского Союза генерал авиации Виталий Попков позже вспоминал, что за семь дней пребывания в его эскадрильи старший лётчик-инструктор Иван Фёдоров сбил на глазах у свидетелей семь фашистских самолётов. За семь дней — семь самолётов! А бывало, и не раз, что за день в одиночку он сбивал несколько самолётов.

Множество свидетелей, включая и начальника особого отдела фронта, видели, как, например, 23 сентября 1942 года Фёдоров лично сбил в воздушном бою два Юнкерса и вслед за ними шесть Мессершмитов: восемь летающих вооружённых машин за один неравный бой. Мессеры один за другим приближались к самолёту лётчика-виртуоза, как ягнята на заклание. И каждый раз его новый воздушный пируэт, превращённый в настоящий боевой приём, был абсолютно непредсказуем для них, как и для тех, кто наблюдал за боем с земли.

Официально Фёдоров сбил не так уж много самолетов, но кто возьмётся доказать, что все сбитые самолёты ему записывались. Да, собственно не в этом дело. Дело в том, что Фёдоров был лучшим асом советских ВВС, что нисколько не умаляет заслуг Ивана Покрышкина и Ивана Кожедуба, которым тоже не все сбитые самолёты засчитывали. Такая подлая практика была в советских ВВС.

Фёдоров, как говорят, великодушно

делился не только опытом своих побед с менее опытными лётчиками своего звена или ведомыми, но и самими победами, как бы выписывая им аванс на будущее и предоставляя своего рода фору.

Да и то победами этими можно было поделиться, как, впрочем, и записать их себе в актив, лишь в случае подтверждения их с земли не менее чем тремя свидетелями: кинокамер, включающихся в момент нажатия гашетки, как это было на немецких самолётах, на наши самолёты не устанавливали. Считали, что хлопотно, дорого, да и незачем. Сбивать самолёты — это ведь непосредственная обязанность военных пилотов. Этим, кстати, и объясняется тот факт, что у лучших немецких асов было в активе более двухсот сбитых самолётов (по числу моторов на самолёте), а у наших — 61 (Кожедуб) и 59 (Покрышкин).

Иван Фёдоров много раз в одиночку вступал в бой с множеством самолётов врага, при этом непременно их сбивая. Сам же, будучи не раз ранен пулями и осколками фашистских снарядов, ни разу ни в одном воздушном бою сбит не был. Случай абсолютно уникальный в мировой истории авиации. Лётчик от Бога — называли Ивана Фёдорова те, кто хорошо его знал.

Около шестидесяти долгих лет жил без неба и без штурвала лётчик Иван Фёдоров. В марте 1954-го года, когда пилоту было всего сорок лет, врачи строго запретили ему летать по медицинским показаниям. Но и за эти девять послевоенных лет лётчик успел много. В числе первых он начал испытывать отечественные реактивные самолёты. С сентября 1945 по сентябрь 1954

года старший лётчик-испытатель ОКБ Лавочкина Иван Фёдоров провёл испытания реактивных самолётов Ла-150 (1946-1947), Ла-150М, Ла-150Ф и Ла-156 (1947), Ла-174 и Ла-174ТК(1948)... В 1947 году поднял в небо и провёл испытания первого отечественного самолёта со стреловидным крылом Ла-160. В 1948 году поднял в небо и провёл полные испытания реактивного истребителя Ла-15. 11 мая 1948 года первым в истории сумел покинуть с парашютом реактивный самолёт без помощи катапульты. 26 декабря 1948 года во время испытаний самолёта Ла-176 первым достиг скорости звука в полёте со снижением. В 1949 году, работая уже в ОКБ-1 в г. Дубна Московской области, поднял в небо и провёл испытания опытного самолёта немецких конструкторов 140-Р... Чуть позже вошёл в состав лётного экипажа самолёта-носителя при первых испытаниях атомной бомбы.

Всего за свою лётную карьеру как лётчик-испытатель Фёдоров облетал 297 типов самолётов. Он первым выполнил все фигуры высшего пилотажа на реактивных самолётах и первым испытал все виды вооружения на них.

Восемь боевых орденов, Звезда Героя Советского Союза и множество медалей украсили грудь непревзойдённого воздушного аса. В его биографии было много трагического и, казалось бы, просто невероятного. Но об одном случае лётчик вспоминает особо.

— Как правило, — рассказывает Иван Евграфович, — у меня на испытаниях одновременно было 8-10 самолётов, порою непохожих один на другой. В воздухе я находился больше, чем на

земле. Иногда летал до 20 часов в сутки. А однажды случилось несчастье. Шли испытания стреловидной машины Ла-15. На высокой скорости самолет так затрясло, что мне показалось, будто черепная коробка отвалилась и летит рядом со мной. Машина не слушалась рулей. Сбросил газ. Самолет клюнул, лег на крыло и, снижаясь, стал увеличивать скорость. Мне деваться некуда: надо покидать машину. Но она не была оборудована катапультной. Сбросив фонарь, ногами оттолкнувшись от пола кабины, резко повернул лицо назад (чтобы не выдавило сопротивлением встречного воздуха глаза и не разорвало рот) и оказался на крыле у фюзеляжа. Меня намертво прижало к крылу. Вновь собрался с силами и локтями, коленями стал отжиматься от самолета. Меня потянуло назад и сильным рывком швырнуло в сторону хвоста, чуть не размозжив о стабилизатор. Самолет исчез с моих глаз. А я, сделав небольшую затяжку, раскрыл парашют. И тут заметил, что с меня сорвало комбинезон вместе со Звездой Героя. На высоте около 5000 метров оказалось так холодно, что я успел обморозить живот, руки, ноги, лицо.

Разговорить Ивана Евграфовича порой бывало очень тяжело. Его всегда отличали невероятная скромность и сдержанность. Когда ему как-то сказали, что он великий лётчик, он отмахнулся и ответил:

— Да нет. Серов — вот это был настоящий Великий Лётчик! С большой буквы, можно сказать...

После выхода в запас в 1954 году длительное время Иван Евграфович работал в системе Министерства иностранных дел, преподавал дипломатам гражданскую оборону и другие специальные дисциплины, состоял в Особом отделе министерства. С 1961 по 1964 год находился в заграничной командировке в Тунисе, работал там в Посольстве СССР.

Несколько дней назад Ивана Евграфовича Фёдорова не стало... Одиннадцать дней не дождал этот выдающийся лётчик до своего 97-летия. Сегодня мы склоняем головы перед его памятью и скорбим вместе с его родными и близкими.

Как никто другой он сумел превратить мальчишескую мечту в яркую искромётную быль.

Самой Судьбе он в полной мере смог доказать, что и в обычной жизни есть то, что можно превратить в Легенду!

Низкий поклон ему!

И огромное человеческое спасибо за эту невероятную удивительную жизнь, которую он смог превратить в настоящий Подвиг с большой буквы.

Подполковник Д. КУЗНЕЦОВ

СТАЛИН

После завершения войны в Европе оставался единственный очаг агрессии и войны — Япония. Сталин в своей военно-политической стратегии исходил из того, что Советский Союз должен выполнить неукоснительно свои обязательства, данные им союзникам на Ялтинской и последующих конференциях. Участие СССР в разгроме японского милитаризма сокращало число возможных жертв как со стороны союзников, так и с японской стороны, в том числе мирного населения. Во-вторых, советский лидер вполне резонно полагал, что вклад Советской России укрепит ее международные позиции и станет немаловажным фактором при решении послевоенных проблем на Дальнем Востоке. А это имело большое значение для решения территориального вопроса, а также для развития отношений с Китаем. Таким образом в одно целое сливался целый комплекс факторов, лежавших в основе решения Сталина вступить в войну против Японии.

По мере того, как все более реальной становилась перспектива военного поражения Японии, ее правящие круги взяли курс на то, чтобы хоть в какой-то степени улучшить отношения с Советским Союзом. Эта линия была следующим образом сформулирована в правительственном курсе.

«Позиция империи по отношению к Советскому Союзу. Империя до последней возможности будет избегать войны с Советским Союзом и, обеспечивая поворот к лучшему в дипломатических отношениях между обеими странами, будет заботиться о том, чтобы не допускать вышадос с нашей стороны по отношению к Советскому Союзу, не давая поводов для того, чтобы позиция Советского Союза по отношению к Японии стала жесткой, но в то же время придерживаться решительной линии при законных требованиях империи.»

Японские правящие круги всеми мерами стремились предотвратить возникновение войны между Японией и Советским Союзом и обеспечить поворот к лучшему в японо-советских дипломатических отношениях. В то же время, увидев удобный момент, они намеривались оказать содействие заключению мира между Германией и Советским Союзом. Дальнейшее развитие событий на театрах военных действий со всей убедительностью показало, что приведенные выше установки японских правящих кругов не имели под собой реальной почвы и отражали скорее пожелания и иллюзорные надежды, нежели реальные расчеты.

Огромную роль в поражении Японии сыграли налеты союзной авиации на японские города и промышленные объекты, в частности на Токио. Последствия оказались потрясающими. Моральный дух гражданского населения резко упал после налета на Токио: из городов бежало свыше 8,5 млн жителей. В результате резко сократилось военное производство, и это произошло в

Финал Второй мировой войны: разгром Японии

тот момент, когда военная экономика Японии находилась почти на пределе своих возможностей.

В это время начался более реалистичский анализ и общей международной ситуации. Так, стали более трезво оценивать позицию СССР в предстоящий период. Японские правящие круги пришли к выводу, что весьма сомнительно, что Советский Союз в случае развития неблагоприятной обстановки для стран оси в Восточной Азии и Европе будет твердо придерживаться нейтралитета в отношении Японии. И тем не менее с упорством маньяков японские милитаристы держали курс на продолжение войны и строили иллюзии относительно будущего.

Поскольку Германия оказалась в тяжелом положении, нейтральная позиция Советского Союза по отношению к Японии становилась сомнительной. Возрастали трудности и в деле обеспечения военного сотрудничества с сателлитами Японии в «Великой Восточной Азии». Среди широких кругов японского населения стало проявляться, хотя и не открыто, чувство тревоги в отношении перспектив войны. Ожили антивоенные пацифистские тенденции среди придворных кругов. Понимая всю бесперспективность войны против объединенных наций в целом, в особенности в условиях перспективы разгрома гитлеровской Германии и завершения военных операций в Европе, японские правящие круги стали весной и летом 1945 года усиленно зондировать почву относительно возможности заключения мира на выгодных для Японии условиях.

Летом и осенью 1944 года в Японии особые надежды возлагались на переговоры с Советским Союзом. Первоначально Токио выдвигал идею японского посредничества в целях содействия заключению сепаратного мира между СССР и Германией, а также проведения переговоров с Москвой по широкому кругу вопросов японо-советских отношений. Предполагалось даже послать специальную миссию в Москву во главе с бывшим премьером Тодзио. Из Москвы пришел ответ: СССР отказал в приеме специальной миссии Японии. В связи с таким положением Высший совет по руководству войной Японии определил следующий образом позицию в отношении Советского Союза: на время отложить вопрос о посылке специальной миссии, но в удобный момент вновь возобновить переговоры; стараться разрешить все имеющиеся проблемы в отношениях с Советским Союзом.

Примерно в то время, когда в Токио вынашивали планы путем дипломатических маневров как-то компенсировать свои военные поражения и подготовить почву для заключения мира на условиях, которые были бы выгодны Японии, из Москвы поступил ясный и недвусмысленный сигнал. 6 ноября 1944 г. И.В. Сталин произнес речь, которая явилась неожиданным ударом. Дело в том, что прежде в официальных выступлениях обеих сторон избегали упоминать о делах партнеров, а на сей раз Сталин впервые в своей речи коснулся японского вопроса и назвал Японию агрессивным государством.

Но тем не менее Токио продолжал питать иллюзии относительно возможности заключения выгодного для себя мирного договора. Достаточно сказать, что японцы установили связь с главой американской разведки в Европе А. Даллесом. В июне 1945 года американцам было передано японское предложение о заключении мира. Японские мирные условия заключались в следующем: изменение термина «безоговорочная капитуляция», неприкосновенность императора, сохранение конституции, международное управление Маньчжурией, оставление Кореи и Тайваня за Японией. Как явствует из этих условий, японский милитаризм не собирался всерьез идти на уступки. Из Вашингтона был получен ответ: США желали бы сохранить в неприкосновенности императорский режим, но

так как возражали другие страны (СССР, Франция и Китай), они хотели бы не фиксировать этого в письменном виде. Американцы считали, что японская конституция должна быть изменена. США не возражали против переговоров, рекомендуя начать их до вступления Советского Союза в войну. Некоторые круги в Соединенных Штатах Америки считали, что японцы должны пойти с японцами сепаратным путем.

Рассматривая коренные причины катастрофического положения, в котором оказалась Япония в 1945 году, необходимо отметить и такой важный фактор как роль национально-освободительного движения в странах, оказавшихся под Японской оккупацией. Разглагольствования японцев о «зоне совместного процветания», которое якобы несло с собой установление власти японцев, на деле обернулось жесточайшими преследованиями и карательными акциями против населения оккупированных стран. Токио стремился использовать недовольство населения своим колониальным положением (от Англии, Голландии, Франции и т.д.), делал ставку на те силы, которые стремились вообще освободиться от прежней колониальной зависимости. С этой целью даже было создано марионеточное правительство Индии, полностью контролировавшееся японцами. Однако эти расчеты в конечном счете не оправдались. Японская оккупация оказалась во много раз худшим злом, чем даже господство старых колонизаторов. Вполне естественно, что во время Второй мировой войны усилилось национально-освободительное движение и во многих странах Юго-Восточной Азии. Во Вьетнаме, в Бирме, на Филиппинах и в Малайе были созданы специальные вооруженные силы — армии и партизанские отряды, которые вели успешную борьбу против японских оккупантов.

Советско-японские отношения в период войны были наполнены фактами прямого нарушения японской стороной пакта о нейтралитете. Можно сказать, что фактически Япония открыла второй фронт против Советского Союза. Так, в 1942 году японское командование сосредоточило в прилегающих к СССР районах армию в 11 000 тыс. человек, т.е. 35% всей армии, 2/3 танковых сил и т.д. Она вплоть до битвы за Берлин снабжала Германию секретной разведывательной информацией о Советском Союзе.

В свете всего сказанного вполне естественным и закономерным явилось решение Советского Союза 5 апреля 1945 г. денонсировать пакт о нейтралитете. «Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР», — говорилось в заявлении Советского правительства. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. В связи с этим Советское правительство заявило, что «при таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным».

В феврале 1945 года на Крымской конференции трех держав Советский Союз подписал соглашение, которое придало этому обещанию нашей страны юридическую силу. Соглашение в пунктах, касающихся Японии, гласило: «Руководители Трех Великих Держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии:

1. Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).

2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., один из пунктов:

а) возвращения Советскому Союзу юж-

ной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Главы Правительств Трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией».

И это обещание было выполнено, как говорится, с избытком. Советский Союз вступил в войну с Японией не через 6, а через 3 месяца после краха фашистской Германии. Некоторые историки утверждают, что, мол, вступление СССР в войну уже мало чего меняло в ситуации. Однако американские военные реально планировали операции против Японии и на 1946 год. Так что бесспорным фактом является то, что вступление СССР в войну не только решающим образом ускорило ее завершение, но и сберегло жизни многих тысяч солдат союзников. Не следует забывать, что Япония к августу 1945 г. еще располагала серьезной военной мощью в лице Квантунской армии, которая позже была разгромлена советскими войсками.

Как свидетельствуют убедительные исторические факты, союзное военное командование считало, что война с Японией продлится еще долго. Это утверждали многие политические и военные деятели США и Англии. Так, Черчилль заявил в палате общин 16 августа 1945 г. (уже после атомной бомбардировки Японии), что невозможно определить, сколько времени потребуются для подавления сопротивления в собственности Японии. Военный министр США Г. Стимсон тоже считал, что операции по овладению Японией могут быть длительными и весьма напряженными. В памятной записке Трумэну 2 июля 1945 г. он писал: «Если мы осуществим высадку на одном из главных островов и начнем захватывать Японию, японцы, по всей вероятности, станут сопротивляться до последней капли крови... В результате мы понесем огромные потери и будем вынуждены оставить Японию...» Поэтому Стимсон ставил вопрос: «Нельзя ли, не прибегая к насильственной оккупации Японии, принудить ее вооруженные силы к безоговорочной капитуляции?» Считая это возможным, военный министр предлагал сделать Японии соответствующее предупреждение.

26 июля 1945 г. правительства США, Англии и Китая направили Японии ультиматум, вошедший в историю под названием Потсдамской декларации. В ней излагались условия, на которых Япония должна была капитулировать: устранение власти и влияния милитаристов, оккупация указанных союзниками пунктов, ограничение японского суверенитета островами метрополии, возрождение и укрепление демократических тенденций в стране, наказание военных преступников, ликвидация военной промышленности и другие. Одним из важнейших требований являлась безоговорочная капитуляция всех японских вооруженных сил. В декларации, в частности, говорилось: «Полное применение нашей военной силы, подкрепленной нашей решимостью, будет означать неизбежное и окончательное уничтожение японских вооруженных сил и столь же неизбежное полное опустошение японской метрополии».

Пришло время для Японии решить, будет ли она по-прежнему находиться под властью тех упрямых милитаристских советников, неразумные расчеты которых привели японскую империю на порог уничтожения, или пойдет по пути, указываемому разумом».

Потсдамская декларация была выработана без участия СССР. Несмотря на это, ее содержание в полной мере соответствовало интересам Советского Союза, который присоединился к декларации 8 августа 1945 года. Представляется важным отметить один важный факт: Сталину удалось добиться того, что инициатором решения, со-

гласно которому Япония после поражения должна была понести определенные территориальные потери, был не Советский Союз, а США. Именно они в ряде документов, подписанных в ходе Второй мировой войны, настаивали на этом. Наиболее полно программа послевоенного урегулирования с Японией, принципы, на которых должна была базироваться политика союзников в отношении Японии после войны, были сформулированы в Потсдамской декларации.

Японское правительство отвергло Потсдамскую декларацию. Принимая решение продолжать войну, правительство Японии рассчитывало на раскол антифашистской коалиции. Для этого японские представители вели секретные переговоры с США и Великобританией. Они добивались сохранения императорской власти после войны. Правительство Трумэна, по существу, ответило на это согласием. Лишь отказ Японии принять требование безоговорочной капитуляции привел к тому, что переговоры с США не принесли желаемых результатов. Одновременно правящие круги Японии хотели использовать Советский Союз как мирного посредника между США и Японией, но безуспешно. Сталин на Потсдамской конференции проинформировал делегацию США и Великобритании о дипломатических маневрах Японии. Попытки расколоть антифашистскую коалицию вновь потерпели крах.

Черчилль в связи с предстоящим вступлением Советского Союза в войну против Японии занимал скорее отрицательную, нежели положительную позицию. Он исходил из того, что новое оружие делает ненужным участие Советской России в войне. Таким путем он стремился, по возможности, сузить или свести к минимуму договоренности, принятые ранее. Он боялся усиления влияния Советской России на Дальнем Востоке.

Достаточно привести соответствующие рассуждения английского премьера на этот счет:

«Кроме того, нам не нужны будут русские. Окончание войны с Японией больше не зависело от участия их многочисленных армий в окончательных и, возможно, затяжных боях. Нам не нужно было просить у них одолжений. Через несколько дней я сообщил Идену: «Совершенно ясно, что Соединенные Штаты в настоящее время не жаждут участия русских в войне против Японии». Поэтому всю совокупность европейских проблем можно было рассматривать независимо и на основании широких принципов Организации Объединенных Наций. Внезапно у нас появилась возможность милосердного прекращения бои на Востоке и гораздо более оптимистичные перспективы в Европе. Я не сомневался, что такие же мысли рождались и в голове у моих американских друзей. Во всяком случае, не возникало даже и речи о том, следует ли применить атомную бомбу. Возможность предотвратить гигантскую затяжную бойню, закончить войну, даровать всем мир, залечить раны измученных народов, продемонстрировав подавляющую мощь ценой нескольких взрывов, после всех наших трудов и опасностей казалось чудом избавления».

Здесь, кроме всего прочего, поражает та легкость, с которой Черчилль рассуждает о необходимости применения атомного оружия в войне против Японии. Его, конечно, не слишком заботили соображения морали, не терзали мысли о колоссальных жертвах среди мирного населения Страны Восходящего солнца.

Нало отметить, что Сталин трезво оценивал произошедшие на мировой арене изменения, в том числе и применительно к вопросу об участии СССР в войне на Дальнем Востоке. Он понимал, что ставка исключительно на применение атомной бомбы отнюдь не дает абсолютную гарантию союзникам в том, что Япония чуть ли не медленно капитулирует. Здесь, как говорится, все еще было покрыто мраком неопределенности, и правительство Соединенных Штатов Америки не желало идти на риск.

Именно поэтому оно и рассматривало вступление СССР в войну как позитивный фактор, дающий Вашингтону неоспоримые гарантии скорого окончания войны.

Летом 1945 г. правительство США приняло решение использовать в войне против Японии атомную бомбу. Была ли в этом военная необходимость? Нет! Ведь уже было совершенно очевидно, что Япония находилась накануне капитуляции, что ее судьба была предрешена как ходом Второй мировой войны, так и предстоявшим через несколько дней вступлением в войну СССР. Первую бомбу американцы взорвали над Хиросимой 6 августа 1945 г. 9 августа американцы сбросили вторую атомную бомбу на приморский город Нагасаки.

Вступление Советского Союза в войну с Японией было вполне логичным и справедливым решением. В этой связи приведем мотивировку, которая содержалась в акте Советского Союза об объявлении войны: «Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому Правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира».

Верное своему союзническому долгу, Советское Правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года. Советское Правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после её отказа от безоговорочной капитуляции.

Ввиду изложенного Советское Правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9-го августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией».

Более чем миллионная Квантунская армия, личный состав которой воспитывался в духе фанатической преданности императору и ненависти к Советскому Союзу, представляла собой серьезную военную силу. К тому же она располагала многочисленными бактериологическими средствами, которые предназначались для применения в массовом масштабе, и опиралась на заранее подготовленный во всех отношениях плацдарм на территории Маньчжурии и Кореи.

Для тех, кто считал судьбу Японии уже предрешенной, сошлось на то, как английский премьер оценивал военный потенциал Квантунской армии: «Вряд ли можно назвать японский фронт в Маньчжурии слабым, хотя, конечно, советские войска, изготовившиеся к наступлению на Дальнем Востоке, превосходили силы противника, оборонявшиеся в этом районе. Японские войска в Маньчжурии, Кореи, на Южном Сахалине и Курильских островах насчитывали 49 дивизий, общей численностью свыше 1 млн человек, а с учетом местных формирований — 1,2 млн человек, 6640 артиллерийских орудий, 1215 танков. В Маньчжурии был создан мощный стратегический плацдарм. Протяженность полосы укреплений составляла 800 километров и насчитывала более 4500 дотов. Сухопутную группировку японских войск поддерживали около 2 тыс. самолетов. Группировка советских войск насчитывала свыше 1,7 млн человек, около 30 тыс. орудий и минометов, 5250 танков и САУ, более 5 тыс. боевых самолетов».

9 августа Советские Вооруженные Силы на Дальнем Востоке атаковали Квантунскую армию с суши, воздуха и моря. Боевые действия войск развернулись на фронте протяжением свыше 4 тыс. км. Тихоокеанский флот вышел в открытое море, перерезал морские коммуникации, использовавшиеся Квантунской армией для связи с Японией, и своими военно-воздушными силами нанес мощные удары по портам в Северной Корее.

За 23 дня советские войска наголову разбили японскую Квантунскую армию и освободили Северо-Восточный Китай,

Северную Корею, Южный Сахалин и Курильские острова. Враг потерял за это время свыше 677 тыс. солдат и офицеров, из них убитыми около 84 тысяч. Советские войска захватили большие трофеи. Таких больших потерь японская армия не несла ни в одной из предыдущих операций ни против китайцев, ни против американцев. Это было самое крупное поражение японских империалистов в ходе всей Второй мировой войны. Общие потери Красной Армии составляли около 32 тыс. человек. Наступление Вооруженных Сил СССР на Дальнем Востоке — это подлинно молниеносный удар, закончившийся полным окружением всей Квантунской армии и уничтожением ее по частям.

Было бы грубой исторической ошибкой недооценивать роль и значение вступления Советского Союза в войну против Японии. Наш вклад в дело победы над Японией очевиден и бесспорен. Однако по этому поводу до сих пор бытуют две неправильные точки зрения. Одна из них, которой на протяжении ряда лет придерживались в Советском Союзе, приписывает нашей стране решающую роль в победе над японским милитаризмом. Так, например, В.Н. Евстигнеев в своей работе «Разгром империалистической Японии на Дальнем Востоке» утверждал: «Исторические факты свидетельствуют о том, что победоносные боевые действия советских сухопутных сил в Маньчжурии и Кореи и военно-морских сил в Охотском, Японском и Жётом морях решили исход войны с империалистической Японией и обеспечили ликвидацию очага мирового фашизма на Востоке».

Нисколько не преуменьшая значение и роль Советского Союза в победе над Японией, едва ли есть достаточные основания приписывать нашей стране главную заслугу в этой победе. Не менее ошибочна и точка зрения, согласно которой наша роль в достижении победы злонамеренно отрицается или же крайне преуменьшается. Бесспорным фактом является то, что вступление СССР в войну сократило ее сроки в весьма значительной мере, что было благом для всех, в том числе и для самих японцев. В противном случае продолжение, ставшей уже бессмысленной войны, принесло бы Японии новые страдания и разрушения.

Своеобразную точку зрения на причины поражения Японии во Второй мировой войне высказывает «Британская энциклопедия». Согласно этой точке зрения центральную роль в решении капитулировать сыграли не атомные бомбардировки США и не вступление Советского Союза в войну. Эту роль сыграли военно-морская блокада японских островов, в результате которой страна была обречена на экономический крах, а также осознание японским руководством того факта, что без экономических связей со своими колониями продолжение войны являлось бессмысленным актом. Бомбежки лишь довели до сознания японского народа неотвратимость поражения. В «Британской энциклопедии» подчеркивается, что японская сухопутная армия представляла собой мощную силу, и, отличие от военно-морского флота и авиации, серьезно не пострадала и готова была к продолжению войны.

9 августа 1945 г. премьер-министр Японии зачитал заранее подготовленный проект заявления следующего содержания: «Японское правительство принимает условия, выдвинутые совместной декларацией трех держав от 26 июля, понимая их в том смысле, что они не содержат требования об изменении установленного государственными законами статуса японского императора». Затем премьер-министр дал разъяснения. Судзюки сказал, что Высший совет на сегодняшнем заседании решил принять условия капитуляции, если: а) она не затрагивает императорской фамилии; японские войска, находящиеся за пределами страны, демобилизуются после свободного их отвода с занимаемых территорий; в) военные преступники будут подлежать юрисдикции японского правительства; г) не будет осуществлена оккупация с целью гарантии.

Итак, Япония, приняв условия Потсдамской декларации, признала себя побежденной. В этой войне потери Японии в людях составили 2 млн 600 тыс. человек. Это было невиданное за всю историю Японии поражение. Причем следует иметь в виду, что со времени маньчжурского конфликта решающую роль в Японии играли военные, и прежде всего представители армии, которые занимали особое положение. В последний период войны такое положение занимал военный министр генерал Анами. Возвратившись в свою резиденцию, военный министр Анами написал свое последнее обращение к войскам и на рассвете 15 августа покончил с собой. Покончили с собой и другие видные японские военачальники.

2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» был подписан Акт о капитуляции Японии. В нем говорилось: «Настоящим мы заявляем о безоговорочной капитуляции союзным державам японского императорского генерального штаба, всех японских вооруженных сил и всех вооруженных сил под японским контролем вне зависимости от того, где они находятся».

Подписание Акта о капитуляции означало конец войны с Японией и конец Второй мировой войны. Это было великое событие для всех народов мира. Оно открыло принципиально новую страницу в истории Японии. В определенном смысле была поставлена точка и в истории развития японского милитаризма. Цена, которую заплатил японский народ за агрессивную политику своих правящих кругов, была весьма велика. Она оставила неизгладимый след в сознании всего японского народа.

В связи с победоносным завершением войны на Дальнем Востоке Сталин выступил с обращением к народу. Он охарактеризовал вкратце всю историю развертывания японским милитаризмом агрессивных действий против России, а затем и против Советского Союза. Перечень оказался внушительным. Капитуляция Японии стала закономерным финалом ее политики агрессии и захватов чужих территорий. Советский лидер подвел всему этому итог. Поражение Японии явилось финальным аккордом Второй мировой войны. Сталин сказал, обращаясь к своим согражданам:

«Это означает, что наступил конец второй мировой войны. Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всем мире, уже завоёваны... Это означает, что южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии».

Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжёлые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира».

Итак, в Советском Союзе началась новая глава развития. Новый этап начался и в государственной и политической деятельности Сталина. Перед страной, а значит и перед ее лидером, встали новые задачи, решение которых требовало колоссального напряжения сил и энергии. Наступил мир, но не наступил покой в мире. Старые проблемы сменились новыми, порой не уступавшими по своей сложности и трудности тем, которые решались прежде. Сталин. Он мог бы с полным на то правом повторить слова А. Блока: «И вечный бой! Покой нам только снится...»

Вся дальнейшая политическая судьба Сталина служит как бы подтверждением справедливости этих крылатых слов великого русского поэта.

А.П. КАПЧЕНКО

кандидат исторических наук,

автор 3-х томов:

«Политическая биография Сталина»

ОСТРЫЙ ВОПРОС

В ознаменование 60-летия с момента окончания Второй мировой войны в ряде стран Азии прокатилась волна антияпонских выступлений...

По контрасту с теми сердечными отношениями, которые имеет Германия со своими соседями в Европе, многие азиатские страны, оккупированные Японией во время Второй мировой войны, продолжают обвинять Японию за то, что она не компенсировала их потери (в т.ч. и людские). На воскресенье 15 августа 2005 г. приходится дата — 60 лет со дня радиобращения императора Хирохито к японскому народу с просьбой «выносить невыносимое» и принять поражение в войне. В этот же день группы антияпонски настроенных манифестантов провели акции протеста в Гонконге, Сеуле, Маниле и Тайване. Китайские власти усилили охрану японских представительств в Пекине и Шанхае. Группы граждан Северной и Южной Кореи провели совместные акции протеста против искажения истории и возрождения национализма в Японии.

Критики утверждают, что в Японии существуют силы, которые готовы пересмотреть историю, что видно из школьных учебников, и исказить роль Токио во Второй мировой войне, в ходе которой в Азии погибли миллионы людей, в т.ч. три миллиона самих японцев. Политики правящей партии (2005 г.) также настроены на пересмотр конституции, в соответствии с которой Япония лишилась права иметь свою армию.

Коичуми (*бывший премьер-министр Хуничио Коичуми — занимал должность с 2000 до 2004 гг.*) поблел под напором критики со стороны азиатских стран во время ежегодного визита в святилище Яцукуми в Токио, где почитают военных, погибших за родину, включая и военных преступников. Некоторые консервативные политики настаивали на том, чтобы Коичуми пренебрег давлением из-за рубежа и посетил святилище Яцукуми в дату годовщины окончания войны. Но премьер-министр отказался, имея в виду предстоящие в сентябре этого года выборы. Он предпочел присутствовать на церемонии в зале военных искусств в Токио с императором Акихито для того, чтобы почтить память погибших во время войны.

В своей речи перед императором Коичуми не использовал слово «оправдание». Однако в сообщении для печати, опубликованном несколькими часами ранее, говорилось: «Япония причинила огромный ущерб и страдания многим странам, особенно народам Азии своей политикой колонизации и агрессии. Принимая покорно эти факты истории, мы вновь выражаем наше глубокое угрызение совести и чувство вины».

Святилище Яцукуми, которое по сути является музеем ревизионистов, посетили в этот день около 100 000 чел. Под летним солнцем в обнимку собирались группы японцев; некоторые из них были одеты в старую униформу времен Второй мировой войны; под императорскими знаменами они распевали военные песни, вспоминая те времена, когда Япония была сильной военной державой. Не менее 47 парламентариев и двух членов кабинета Коичуми посетили в этот день святилище Яцукуми. Согласно опросу общественного мнения, проведенному газетой «Майниччи», 43% японцев считают, что война была плохой, 29% считают, что война была неизбежной, и 26% — не имеют определенного мнения.

Время от времени вопрос о принадлежности четырех Курильских островов (Итурупу, Кунашир, Шикотан и Хабомаи) возникает на страницах японских газет, хотя с момента окончания Второй мировой войны прошло уже 66 лет. Как пра-

Русские Курилы. Прошлое, настоящее и будущее.

Фрагмент из документа № 5 «Карта Иркутского Наместничества состоящая из 4 областей, разделенных на 17 уездов». 1796 год.

вило, японские политики обращаются к этой теме в тех случаях, когда требуется отвлечь внимание нации от внутренних проблем. Активно используется эта тема и в ходе предвыборных кампаний, а также для того, чтобы в сознании рядового обывателя сформировался негативный имидж России. Дело доходит до того, что сомнению подвергается право Президента Российской Федерации Д.А. Медведева посещать эти территории. Что лежит в основе этой активности? И почему эта тема до сих пор является серьезным раздражителем не только в формате двусторонних отношений, но и привлекает внимание других держав?

Процесс открытия и освоения Курильских островов ведет свое начало с 1697 г., когда в результате экспедиции В. Атласова к России была присоединена Камчатка.

Менее чем за 40 лет русские достигли южных Курильских островов (экспедиция М. Шпанберга), а в 1768 г. было основано первое русское поселение на о. Итурупу. Тогда же местное население — айны — стали платить русским дань. Одну за другой посылали русские императоры экспедиции к северу и югу от островов, на которых проживали «мохнатые курильцы» (так они были названы в Указе Екатерины II от апреля 1779 г.).

Важным фактором определения границ и зон влияния между Россией и Японией стал договор, подписанный генерал-адъютантом Е.В. Путятинным в 1855 г. (Симодский трактат). Его подписание совпало с Крымской войной, что значительно ослабило позиции России, кроме того, Англия и Франция пытались оказать давление на Россию в ходе этих переговоров. В результате Путятину не удалось удержать контроль над островом Итурупу, и граница была проведена южнее острова Уруп.

Следующим важным докумен-

том является Портсмутский мирный договор, подписанный по итогам русско-японской войны 1904-1905 гг., по которому южный Сахалин был передан Японии. Позиции России осложнились событиями, связанными с революционными волнениями в Петербурге. Граф Витте, который возглавлял русскую делегацию на переговорах в Портсмуте, сделал все возможное, чтобы сохранить за Россией хотя бы северную часть Сахалина, но современники, обескураженные итогами русско-японской войны, не оценили его усилий, и дали ему унижительное прозвище — «граф полу-сахалинский».

Революция 1917 г. и гражданская война в России были использованы Японией для интервенции в районе Дальнего Востока. Японский десант был высажен во Владивостоке

в апреле 1918 г. и охватил территории Амурской, Приморской, Забайкальской областей и Северный Сахалин). Ущерб, нанесенный экономике оккупированных территорий, выражался в астрономических цифрах: леса было вывезено 650 тыс. куб. м. (без учета Сахалина); ежегодно в Японию вывозилось 100% улова лососевых, 75% улова сельди, общие убытки рыбной отрасли составили 4,5 млн руб. золотом. Из Забайкалья и Приморья было

угнано 2000 вагонов (ущерб Забайкальской ж. д. составил 3,25 млн руб. золотом). Из 549 судов, числившихся в 1918 г. в составе русского гражданского флота на Дальнем Востоке, к 1922 г. осталось 301, а из 227 речных судов — только 96. Общие убытки водного транспорта Амура составили свыше 14 млн руб. золотом. Не упустили японские власти возможности присвоить и то золото, которое было вывезено из Казани в Омск (часть золотого запаса России). Япония получила более 43 тонн золота.

С особой жестокостью японские власти действовали на Сахалине: сразу же после оккупации было введено военное гражданское управление, русские законы не имели никакой силы. Все учреждения были обязаны передать свои дела японской администрации. Введено обязательное для всех празднование дня рождения японского императора. Населенные пункты и даже улицы были переименованы и получили японские названия. Кроме того, только за 1920 г. (по японским источникам) с Сахалина было вывезено угля 239 тыс. т., леса — 30 тыс. куб. м., нефти — 22 тыс. т. Общие убытки за 5 лет превысили 10 млн руб. золотом.

Эти действия оккупантов вызвали резкий отпор со стороны населения и армии молодой республики. Известна фраза В.И. Ленина, который внимательно следил за событиями на Дальнем Востоке и категорически отказывался идти на территориальные уступки Японии: «Владивосток далеко, но ведь город-то наш».

В 1925 г. в результате успехов Красной армии оккупанты были изгнаны с Дальнего Востока и Северного Сахалина. Однако Япония никак не хотела смириться с утратой таких богатых территорий и в 1938-1939 гг. пыталась добиться реванша, спровоцировав военные действия в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол. Эти попытки были отбиты совместными усилиями СССР и Монгольской Народной Республики. Вместе с тем Япония сохраняла большой воинский контингент (Квантунская армия численностью почти 1 млн чел.) в непосредственной близости от границ с СССР. Эта группировка представляла реальную угрозу, поэтому руководство СССР пошло на подписание пакта о нейтралитете между Японией и Советским Союзом 13 апреля 1941 г. Кроме того, это позволило СССР избежать войны на два фронта, а также привлечь на защиту Москвы осенью 1941 г. несколько дальневосточных дивизий.

В конце войны представители СССР,

На фотографии — императорская семья оказывает честь жертвам войны (г.Токио).

Япония просит прощения за ущерб, нанесенный во время II мировой войны (газета «Эль паис», 16 августа 2005 г.) — перевод Т. П. (Специалисты сразу отмечают, что они демонстрируют самый низкий, а значит — уважительный поклон).

США и Великобритании в ходе Ялтинской конференции обсуждали вопрос послевоенного устройства мира. Обсуждался и вопрос о будущем Японии. Была достигнута договоренность, что через 2-3 месяца после окончания боевых действий в Европе, Советский Союз предпримет активные боевые действия против Японии на стороне США и Великобритании. В соответствии с Потсдамской декларацией от 26 июля 1945 г. «японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю и Сикоку и менее крупными островами».

Ответ на вопрос о статусе Курильских островов содержится и в ряде двусторонних соглашений. В частности, статья 2 Сан-Францисского мирного договора, подписанного 8 сентября 1951 г., констатирует тот факт, что «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 года».

Выступая в парламенте 18 октября 1951 г. премьер-министр Японии Сигэру Йосида заявил: «Согласно положению, содержащемуся в Сан-Францисском договоре, Япония отказалась от суверенитета и правооснований на Курильские острова, Сахалин и другие. Следовательно, я думаю, что в отношении того, как с ними поступать, Япония не имеет теперь права вмешиваться». С аналогичным заявлением выступил и официальный представитель японского правительства в парламенте, заведующий договорным департаментом МИД Японии Кумао Нисимура 6 октября 1951 г. «Поскольку Японии пришлось отказаться от суверенитета на Курильские острова, она утратила право голоса на окончательное решение вопроса об их принадлежности. Так как Япония по мирному договору согласилась отказаться от суверенитета над этими территориями, данный вопрос, в той мере, в какой он имеет к ней отношение, является разрешенным». (Цит. по сборнику «Русские Курилы. История и современность», изданном в 2002 г. группой ученых и политиков — специалистов по данной проблеме в составе: В.К. Зиланов, А.А. Кошкин, И.А. Латышев, А.Ю. Плотников, И.А. Сенченко).

Казалось бы, на этом можно было поставить точку, но есть и другие публикации, причем не только в японской, но и российской печати. Еще в 1993 г. вышла книга Б.Н. Славинского «Советская оккупация Курильских островов (август-сентябрь 1945 г.). Документальное исследование». Спустя три года появилась его новая книга «Ялтинская конференция и проблемы «северных территорий». Современное документальное переосмысление». М., 1996. Смысл этого «переосмысления» автор видит в том, что сначала надо уступить Японии два острова, а потом еще два. Но такой подход означает пересмотр итогов Второй мировой войны. Ссылки на то, что в «эпоху Горбачева» Советский Союз «предоставил восточноевропейским государствам политическую независимость и право распоряжаться своей судьбой» и процесс «перестройки» неплохо было бы распространить и на азиатском направлении, также выглядят по меньшей мере не корректно. Во-первых, потому что процесс преобразований в странах Восточной Европы зависел не только (и не столько) от желаний М.С. Горбачева, а был результатом тех внутренних процессов, которые происходили в обществе. Дисбаланс между политикой и экономикой послужил основой кризисных явлений в этих странах, возникли оппозиционные структуры (такие как «Солидарность» в Польше и др.). Но кризис (в т.ч. за счет падения мировых цен на нефть) затронул и Советский Союз. Он уже не мог исполнять функции «старшего брата» и оказывать безвозмездную помощь

Документ № 24. Карта «Новые владения и полная карта Японии» издана в Японии в 1910-х гг. Источник: АВПРИ, ф. Японский стол, д. № 966, л. 27

странам социалистического лагеря. Во-вторых, с Японией нас никогда не связывали столь тесные и дружественные отношения, как с бывшими союзниками по СЭВ и Варшавскому договору. В исторической памяти русского народа представление о Японии скорее ассоциируется с песней «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг» и образом самурая, чем с веткой цветущей сакуры. На изменение имиджа (что является залогом проникновения на рынок той или иной страны) Япония не жалует ни денег, ни сил. И в этом смысле проблема «северных территорий» является дополнительной преградой на пути выстраивания добрососедских отношений с Россией.

Будучи весьма ограниченной по территории и запасам ресурсов Япония, в течение столетий вела активную завоевательную политику. Достаточно посмотреть на карты тех государств, которые Япония хотела бы себе подчинить, чтобы понять масштаб этой активности. **Не менее впечатлительными являются методы, которые использовали самураи в отношении населения завоеванных территорий. Так, во время одной из многочисленных войн против Кореи японцы у всех пленных (около 50 тысяч человек) отрезали уши и сложили из них огромную гору, рассчитывая на то, что вернувшись домой и показавшись в «таком виде» своим родным и детям, у корейцев напрочь отпадет в дальнейшем желание противостоять «таким ужасным и непобедимым» японцам... Вряд ли такой «акт» можно назвать «жестом доброй воли».**

С другой стороны, та же нехватка ресурсов послужила причиной формирования таких особенностей национального японского характера, как трудолюбие, умение довольствоваться малым, любовь к окружающей природе, уважение к опыту предшествующих поколений, безусловное подчинение властям. Характерной чертой современной Японии стала ориентация на передовые технологии, высокую культуру производства, что позволяло стране в течение многих лет удерживать место одного из

мировых лидеров.

Оборотной стороной прогресса является рост внешнего долга (в 2000 г. он составил 141,5% от ВВП и продолжает расти), а также старение населения — по числу людей в возрасте старше 80 лет Япония занимает первое место в мире. Особенно заметен этот процесс в сельской местности — там число людей в возрасте старше 65 лет превышает половину проживающих граждан. Вместе с тем японцы — патриоты своей родины, они составляют 98% населения страны, что является одним из самых высоких показателей в мире.

Серьезной проблемой для Японии является обеспечение населения продовольствием. В связи с тем, что сельскохозяйственные угодья занимают всего 18% площади, высокие урожаи могут быть достигнуты только за счет применения химикатов и использования ручного труда (т.к. средний размер частного хозяйства не превышает 1,4 га и там трудно использовать технику). Спецификой национальной кухни является употребление большого количества риса, а также рыбы и морепродуктов (в среднем 200 граммов в день — самый высокий показатель в мире). Поэтому доступ к зонам рыболовства имеет для японской экономики важнейшее значение. В погоне за китами японские суда доходят до Антарктиды и там осуществляют их лов, несмотря на запрет международных организаций и акций со стороны «Гринпис». Свои действия японцы объясняют тем, что добывают китов в научных целях. Однако потом блюда из китовых туш появляются в самых дорогих японских ресторанах.

Отсюда понятен экономический ракурс подхода Японии к проблеме Курильских островов, т.к. зона рыболовства в случае их закрепления на островах, расширится многократно. Японские суда ведут там незаконный лов и в настоящее время, фактически бок о бок с российскими судами, многократно превышая квоты, предоставленные российской стороной. И дело не в том, что российские пограничники не справля-

ются со своими обязанностями, а в том, что нашим рыбакам зачастую не выгодно доставлять улов на родину, т.к. на это уходит много топлива и времени. В связи с нехваткой рыбоперерабатывающих предприятий приходится ждать очереди и в порту доставки. Поэтому добытую рыбу выгоднее прямо в море продать японцам. Такая ситуация наносит не только экономический вред стране, но и создает все предпосылки для коррупции.

Не менее важным является и стратегический ракурс японских претензий на Южные Курилы. По оценкам военных, передача островов Японии будет означать превращение Охотского моря во внутреннее море РФ и фактически закроет выход нашего флота в Тихий океан. Эта перспектива может приобрести реальный характер в контексте тех изменений, которые претерпела оборонная стратегия Японии в последние годы. Согласно статье 9 Конституции, принятой в 1947 г., «Японский народ навсегда отказывается от войны». В соответствии с японо-американскими соглашениями Соединенные Штаты получили возможность разместить на территории Японии свои военные базы, несмотря на то, что после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в японском обществе были сильны антиамериканские настроения. Однако присутствие американских войск многими японскими политиками преподносилось как позитивный фактор по двум причинам: Япония находилась под американским «ядерным зонтиком» (что могло, по их мнению, служить гарантией ненападения со стороны КНР и СССР), а также позволяло сэкономить значительные средства на содержание армии, закупки боевой техники и другие расходы.

Однако в условиях «холодной войны» было принято решение о создании Японских Сил Самообороны, которые призваны носить только оборонительный характер, и поэтому не могут располагать баллистическими межконтинентальными ракетами, авианосцами и стратегическими бомбардировщиками. Но и при таких ограничениях Японские Силы Самообороны являлись одной из наиболее современных и технически оснащенных армий мира. Новый этап их модернизации начался в 2007 г., после того, как Японское Оборонное Агентство было преобразовано в Министерство обороны. Несмотря на то что в процентном отношении Япония тратит на вооружение всего 1% ВВП, суммарный показатель достаточно внушителен: в 2009 г. он составил 46,3 млрд долл. Активно идет и процесс переоснащения японских вооруженных сил: на смену морально устаревшим образцам бронетехники, самолетов и кораблей приходят суперсовременные модели.

С целью постепенного вывода своих вооруженных сил из режима изоляции японское руководство санкционировало их участие в миротворческих миссиях ООН, а также в событиях в Ираке 2004-2006 гг. Эти действия вызвали повышенную озабоченность со стороны КНР и КНДР, которые усмотрели в них попытки возрождения японского милитаризма.

Заметно активизировались и усилия японской дипломатии по вопросам реформы ООН с целью добиться места в Совете Безопасности. Однако это чревато ни мало, ни много как пересмотром итогов Второй мировой войны, поскольку в Совет Безопасности вошли только представители стран-победителей (каковыми ни Япония, ни Германия не являлись). В этом же контексте находится и вопрос о принадлежности Сахалина и Курильских островов, которые не «оккупировали», а открыли и освоили поколения русских первопроходцев!

Т. Петрова,
кандидат исторических наук

1786 год. Записка графа А.Р. Воронцова и члена Коллегии иностранных дел действительного тайного советника графа А.А. Безбородко Екатерина Вторая о правах России на острова и земли, открытые русскими мореплавателями в Тихом океане, и необходимости объявления об этом морским державам.

«Северо-западный берег Америки с островами, около онаго находящимися, и другими грядками, оттоле до камчатки и от сего полуострова до Японии простирающимися, открыт из давних времен одними российскими мореплавателями, в чем и свидетельствуют поденные их записки, из коих для сведения составленный тем же генерал-майором Соимоновым экстракт при сем всеподданнейше подносится.

Но как по общепринятому правилу на неизвестныя земли имеют право те народы, которые первое открытие оных учинили, как то в прежния времена и по сыскании Америки обыкновенно делалось, что какой-либо европейский народ, нашедши неизвестную землю, ставил на ОНОЙ свой ЗНАК, а римскаго исповедания государям римские папы к большому утверждению щедро давали свои на то буллы, в чем и все доказательство права к завладению заключалось, то вследствие сего неоспоримо должны принадлежать России:

1-е. Берег американский, от 55 21 широты на север простирающийся, обойденный капитанами Берингом, Чириковым и другими российскими мореходами.

2-е. Все острова, около сея матерья земли и полуострова Аляски находящиеся, как-то: найденный Берингом и Куком названный Монтаго, Свят Стефана, Св. Далматия, Евдокийския, Шумагины и другия, заключающиеся между курсом сих мореходцов и матерюю землею.

3-е. Все острова, оттуду к западу грядою лежащая под названием Лисьих и Алеутских, и другия, к северу простирающиеся, ежегодно российскими промышленниками посещаемыя.

4-е. Гряда Курильских островов, касающаяся Японии, открытая капитаном Шпанбергом и Вальтоном.

... Но как всех оных в неизвестности бывших островов к державе величества принадлежность, основанная на праве первого их россиянами открытия, произведенного с великими издивениями как от стороны казенной, так и частных подданных ваших, которые, поощряясь весьма многими от тамошней мягкой рухляди прибытками, далее и далее в открытиях своих упывали, доселе еще никоим образом от правительства явственною не учинена, то и нужно, по мнению нашему, чтобы о присвоении России тех островов с высочайшаго вашего повеления объявлено было чрез российских министров при дворах всех сормких европейских держав, что сии открытия земли Россией не могут иначе и признаваемы быть, как империи вашей принадлежащими.

Гр. Александр Воронцов,

Граф Александр Безбородко»

(Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века, М., 1989. С. 229, 232.)

КАК ЭТО БЫЛО

Соглашение

Руководители Трех Великих Держав — Советский Союз, Соединенные Штаты Америки и Великобритания — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии:

1. Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);
2. Восстановления принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 году, а именно:
 - а) возвращения Советскому Союзу южной части о.Сахалина и всех прилегающих к ней островов;
 - в) интернационализация торгового порта Дайрена с обеспечением интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;
3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Главы Правительств Трех Великих держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

И. Сталин, Ф. Рузвельт, Уинстон С. Черчилль. 1945 год, 11 февраля. Опубликовано в газете «Известия» 12 февраля 1946 года.

В ноябре 2011 года министр иностранных дел России **Сергей Лавров** в очередной раз официально подтвердил позицию Российской Федерации, что «Курилы были, есть и будут нашей территорией в соответствии с теми решениями, которые были приняты по итогам Второй мировой войны». Касаясь Сан-Францисского договора, министр, в частности, заявил: «Все разговоры про какие-то другие документы — декларация Сан-Франциско (которую Советский Союз не подписал) — не имеют никакого значения. Есть Устав ООН, в котором все написано просто и понятно и черным по белому».

И.В. Сталин. 2 сентября 1945 года. Обращение к народу.

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Сегодня, 2 сентября государственные и военные представители Японии подписали акт безоговорочной капитуляции. Разбитая наголову на морях и на суше и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных Наций, Япония признала себя побежденной и сложила оружие.

Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия — на западе и Япония — на востоке. Это они развязали Вторую мировую войну. Это они поставили человечество и его цивилизацию на край гибели. Очаг мировой агрессии на западе был ликвидирован четыре месяца назад, в результате чего Германия оказалась вынужденной капитулировать. Через четыре месяца после этого был ликвидирован очаг мировой агрессии на востоке, в результате чего Япония, главная союзница Германии, также оказалась вынужденной под-

писать акт капитуляции.

Это означает, что наступил конец Второй мировой войны.

Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всем мире, уже завоеваны.

Следует отметить, что японские захватчики нанесли ущерб не только нашим союзникам — Китаю, Соединенным Штатам Америки, Великобритании. Они нанесли серьезнейший ущерб также и нашей стране. Поэтому у нас есть еще свой особый счет к Японии.

Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году, во время русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать тем самым выгодное положение для своего флота. И она действительно вывела из строя три первоклассных военных корабля России. Характерно, что через 37 лет после этого Япония в точности повторила этот вероломный прием в отношении Соединенных Штатов Америки, когда она в 1941 году напала на военно-морскую базу Соединенных Штатов Америки в Пирл-Харборе и вывела из строя ряд линейных кораблей этого государства. Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на востоке все

выходы в океан — следовательно, также все выходы к портам Советской Камчатки и Советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток.

Но этим не исчерпываются захватнические действия Японии против нашей страны. В 1918 году, после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к Советской Стране Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и опираясь на них, вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила Советский Дальний Восток.

Но и это не все. В 1938 году Япония вновь напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока, с целью окружить Владивосток, а в следующем году Япония повторила свое нападение уже в другом месте — в районе Монгольской Народной Республики, около Халхин-Гола, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать нашу Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России.

Правда, атаки Японии в районе Хасана и Халхин-Гола были ликвидированы советскими войсками с большим позором для японцев. Равным образом была успешно ликвидирована японская военная интервенция 1918-1922 годов, и японские оккупанты были выброшены из районов нашего Дальнего Востока. Но поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет жда-

ли мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции.

Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии.

Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира.

Поздравляю вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы, с великой победой, с успешным окончанием войны, с наступлением мира во всем мире!

Слава вооруженным силам Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Китая и Великобритании, одержавшим победу над Японией!

Слава нашим дальневосточным войскам и Тихоокеанскому военно-морскому флоту, отстаившим честь и достоинство нашей Родины!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!

Пусть здравствует и процветает наша Родина!

Правда. 3 сентября 1945 года

ПОДВИГ

«Мастер меткого пушечного огня — истребитель танков» — так говорили на фронте об Алексее Волошине. Он подбил 22 танка, 2 тигра, самоходное орудие «Фердинанд». Герой Советского Союза, кавалер многих орденов, 25 медалей и высшей награды США — «Серебряная Звезда» — таков полковник в отставке Алексей Прохорович.

Алексей Прохорович Волошин родился на богатой черноземной земле — Тамбовщине. У родителей было семеро детей — жили в достатке — только работай, да собирай урожай — не ленись. Так жили все селяне, добывая хлеб насущный своим трудом.

В 1921 году этих трудяг-средняков, вырастивающих хлеб, подвергли проразверстке, приравнявая их к «кулакам». Началось знаменитое Тамбовское восстание. Маршал Тухачевский приказал подавить мятеж, применив против крестьян, загнанных в леса, отравляющий газ...

Мать Алексея рассказывала, как прибежавший, испуганный отец закричал: «Собирай в дорогу детей — бери самое необходимое и бежим! Кавалеристы Тухачевского скачут по деревне и поджигают дома!» Бежали под Киев к материнной родне под Синявку, где в свое время отец познакомился с матерью, когда возвращался с Первой мировой войны и увез ее на свою Родину — Тамбовскую землю. После десятилетки Алексей поступил в Одесский институт водного транспорта на механический факультет. Окончив три курса, летом с одноклассниками поехали на заработок в Молдавию собирать виноград. Однажды сидели вечером, беседовали. «Вдруг, слышим — по радио голос Молотова — началась война! Это было 22 июня 1941 года в 12.00 дня». Затем выступил сам Сталин: «Братья и сестры, к вам обращаюсь я, друзья мои...» Голос у него дрожал... Не раздумывая, поспешили в военкомат! Военком направил нас в Одесское артиллерийское училище. Это училище артиллерии большой мощности — 203 и 280 мм калибра! Нас, курсантов, повели колонной на северо-восток. За два дня прошли 50 км, тащили до Николаева две 203 мм гаубицы, а это очень мощное орудие. До Запорожья шли нормально и, вдруг, началась бомбежка!

В этой бомбежке Алексея ранило, правда, ранение было легкое, а 13 марта 1942 года Алексея ранило вторично — во время артобстрела и его отправили в госпиталь в Сталинград. После возвращения, в апреле, направили в части резерва Главного командования (РГК). Его назначили командиром взвода управления батареи 1104-го арtpолка, который

Легендарный артиллерист

был направлен в 62-ю армию, западнее Калача на Дону. Немцы сверху, с противоположного берега бросали мины в нас и строчили из пулеметов. Старый вояка, начштаба, посоветовал нам выламывать куски плетня и укладывать все свое обмундирование и огнестрельное оружие. Алексею на этот раз повезло — он остался невредимым, правда, потери были большие: ранило командира батареи, после чего Алексея назначили вместо него. Первый танк Алексей подбил в июле 1942 года в районе станции Абганерово. Командир полка Цыганков, на радостях, посадил его в машину и повез похвастаться полковнику Янсевскому, начальнику артиллерии 64-й армии. Тут было со снарядами для 152-мм гаубиц в полку. Приходилось проводить полную подготовку, чтобы попасть наверняка, но зато при попадании во вражеский танк 100-килограммовый снаряд сбивал с него башню на расстоянии 50 метров. В 64-ой армии танковая бригада имела 6-й номер и офицеры посмеивались: 6-я танковая, в которой только 6 танков...

64-я армия в августе 1942 года под натиском частей гитлеровцев стала отходить к Сталинграду через Тунгуту и Тундутово в Бекетовку. Немецкие войска (танки и пехота) стали окружать 64-ю армию, свободной от них оставалась лишь горловина возле Тунгуты. И все-таки наши бойцы нашли выход, проскочили в Бекетовку и укрепились в ней. Трудное время было для солдата в это время — на всю батарею в запасе было полмешка манки и несколько седелок. Как ни было стыдно, но просили у крестьян хлеба не только в 1942-м, но и в 1943 году. Памятен был день для Волошина, когда сражались за Мамаев Курган — значимая на карте высота 103,5 м. Эта высота давала обзор всего города и большого участка Волги. За этот обзор и сражались — ведь кто больше и дальше видит, тот и лучше стреляет. Мамаев Курган был взят, но потери были очень большими... Дивизию НКВД брали на подкрепление в обскороленную тяжелыми боями 62-ю армию, где было всего 9000 человек... У немцев было многократное превосходство в живой силе и технике.

23 августа 1942 года, после прорыва немцев в районе хутора Верпячий, их передовые отряды вышли к соседней части Сталинграда. Встретили их наши огнем 282-й Стрелковый полк. В первый день было подбито 70 немецких танков! Так были выбиты превосходящие силы фашистов. Волошин в то время командовал батареей на реке Царица. При очередном налете «Юнкерсов» (бомбы они бросали с высоты 299 м) Волошин был ранен в ногу выше колена. Перевязала его местная девушка, сняв с головы белую косынку. Она была совсем молодая, почти подросток, но не испугалась крови, которая била из его раны ключом. От осколочной глубокой раны и потери крови Алексей потерял сознание.

14 сентября 1942 года с группой раненых Алексей был на левом берегу Волги, куда их успели переправить на пароме. Доктор, увидев перевязанную ногу и бедро по истечении суток, сказал, что если не ампутировать ногу, то будет гангрена и мучительная боль, а затем наступит смерть... Алексей Прохорович ответил, что не даст ампутировать ногу, а лучше застрелиться! Хирург рискнул и сумел удачно провести операцию, причем — без общего наркоза!!! Боль была нестерпимая, наркос был местный. Через неделю Волошин погрузили на санпоезд и направили в Саратов. В вагоне было душно, и один раненый попросил Алексея поменяться с

ним местами, чтобы он перелез к окну — подышать свежим воздухом. Только раненый примостился, как началась бомбежка и первым крупным осколком ему угодило в грудь... Он умер мгновенно у всех на глазах... В этот раз судьба для Алексея была благосклонна! Кто может угадать свою судьбу на войне? Из Саратова тягелобольного Волошина отправили в глубокий тыл — в Томск, где он пробыл в госпитале 3 месяца.

После выздоровления — бить фашистов, но еще в госпитале узнал, что наши войска под Сталинградом окружили и взяли в плен 300 000-ю армию Паулюса со всеми его превосходящими силами! Сталинград был освобожден! Под Курском, на рубеже Кромы — Поньры 181-я стрелковая дивизия в составе 13-й армии сдерживала яростные атаки фашистов и 12 июля перешла в наступление. Волошин поддерживал огнем своей батареи и батальон 271-го стрелкового полка и подбил 3 танка. Его командир полка, А.П. Дикой, узнав об этом, бросил в бой другие батальоны. Это стало началом большого успеха 181-й дивизии. Комдив бросил в бой другие батальоны. Это стало началом большого успеха 181-й дивизии. Комдив, когда узнал об этом успехе — подъехал к Волошину на коне, спешившись — «Молодец, командир! К ордену Ленина за это тебя представлю!». После разгрома немцев на Курской дуге уже 13-я армия генерала-лейтенанта А.П. Туосова продолжала стремительное наступление на запад — а направлении Сумы, Конотоц, Борзна, Чернигов.

20 сентября 1943 года вечером командарму Пухову позвонил Сталин и сказал: «Товарищ Пухов, завтра Москва будет салютовать доблестным войскам 13-й армии, освободившей областной центр Украины — древний город Чернигов». И положил трубку... Ночью бесшумно штурмовой батальон 271-го стрелкового полка, сопровождаемый всей полковой артиллерией, которой в то время командовал Волошин, и саперами — вошли в город с юга. В четырехчасовой схватке артиллерии Волошина удалось подбить пять танков, защитив от них пехоту. Приказ Верховного Главнокомандующего был выполнен. Чернигов был взят!

Комполка Дикой представил Алексея Прохоровича к высшей награде Родины — званию Героя Советского Союза! Не успели перевести дух, как началась контратака Манштейна против армии левого крыла Центрального Фронта. Немцы стремились сбросить две наших армии, 13-ю и 60-ю, в Днепр.

Атаку немцы начали в 6 утра 28 сентября 1943 года. В этом бою артиллеристам Волошина удалось поджечь 5 танков, в том числе 2 «Тигра»! Это благодаря смелке Волошина, который придумал тактику — стрельба двумя пушками по танку! Во второй половине дня командир полка приказал Волошину перебросить четыре 76-мм противотанковых пушки на помощь 292-му полку на южную окраину Кольбань. В этой схватке Алексей подбил еще 6 танков!!! День 28 сентября для Алексея Прохоровича был воистину «золотым». Он со своими артиллеристами уничтожил 11 танков! **За это событие командир представил Волошина ко второй Золотой Звезде! Нужно заметить, что первую Золотую Звезду Героя ему вручили в апреле 1944 года, а вторую он так и не получил...** Представление, видимо, затерялось где-то в армейских канцеляриях...

Часто Алексея Прохоровича спрашивали, как ему удалось подбить за войну 22 танка, да еще и самоходное устройство «Фердинанд». Оказывается,

весь секрет заключается в том, чтобы близко подпустить танк противника, т.е. эффект ближнего боя, но это не каждому дано!

После этих боев удачно наступали в Западной Украине и Белоруссии. Прошли Овруч, Ровно. Благополучно форсировали реки Горвень и Случ, вышли к Случку и Рожнице, но на этом рубеже встретили упорное сопротивление противника. Вот в этих местах и увидел Волошин самоходную артиллерийскую установку по прозвищу «Фердинанд». Эта самоходка представляла собой четырехстенный стальной домик-крепость на танковых гусеницах. Со всех сторон этой кочующей крепости была броня в 200 мм, а пушка, как на знаменитом «Тигре» — 88 мм. И ходит эта чудо-пушка вправо, влево и вверх — везде на 15 градусов. Как опытный офицер, Волошин поставил перед собой задачу — уничтожить во чтобы это ни стало это чудовище! Пушки передвигали в потемках на руках, с помощью матушки-пехоты — незаметно, а в бою с близкого расстояния перебили гусеницы самоходки, а после под нее подбросили 2 круглые противотанковые мины.

В 1944 году началось наступление на Новгород-Волынский, что на Западном Буге. И тут-то был ранен Волошин в пятый раз за войну! Что-то фортуна отвернулась за последнее время от Алексея Прохоровича. На Курской Дуге попало пять пуль шрапнели в руки и лицо, теперь касательное ранение в живот, но довольно-таки глубокое... Во фронтовом госпитале наскоро зашили, а после перевезли в Киевский госпиталь. Врачи долго не отпускали Волошина. Он просил врачей, чтобы его направили в Москву. Ему не отказали и дали направление в столичный госпиталь. По прибытии в Москву на Киевский вокзал у Алексея Прохоровича началось кровотечение, и его с вокзала доставили в госпиталь. Там его навестили ответственные товарищи и объявили ему, что в Кремле ему должны вручить **Золотую Звезду Героя Советского Союза**.

В 1944 году произошло знаменательное событие: Президент США Рузвельт решил вручить высшую награду своей страны — орден «Серебряной Звезды» — четырем советским младшим офицерам: артиллеристу, пехотинцу, танкисту, саперу, отличившимся в боях против гитлеровского вермахта и представленным ранее к нашей награде «Золотая Звезда». Сапер был награжден посмертно — он не дожил до этого торжественного дня... Подписан был Указ Президентом США Ф.Д. Рузвельтом 12 июня 1944 года, а в октябре 1944 года А.П. Волошина пригласили в Кремль, в Свердловский зал, где находились представитель американского президента Гоккинс, посол США Гарриман и военный атташе, а также Всесоюзный староста М.И. Калинин, секретарь Президиума Верховного Совета СССР Горкин и другие.

В конце поздравительной речи Гарри Гоккинс, советник и специальный помощник президента США, объявил о подарке президента: каждому награжденному — автомобиль «Шевроле»! Подарок «Шевроле» никто тогда не получил... все перешло в Фонд обороны.

24 июня 1945 года легендарный артиллерист Герой Советского Союза А.П. Волошин был участником исторического Парада Победы и ему было доверено нести Знамя Военной академии имени М.И. Дзержинского, которую в свое время, он, по предложению Главного маршала артиллерии Н.Н.Воронова, окончил на отлично!

В. Крылов

Георгий Константинович МОСОЛОВ родился 3 мая 1926 года в г. Уфе. Российский лётчик-испытатель, полковник, заслуженный лётчик-испытатель СССР (1967), заслуженный мастер спорта СССР (1961), Герой Советского Союза (1960). Окончил среднюю специальную школу ВВС в Казани (1944). В Советской армии с 1944 года. Окончил Чугуевское авиационное училище лётчиков (1948) и работал там же инструктором-лётчиком. Окончил также Школу лётчиков-испытателей (1953) и Московский авиационный институт (1959). В 1953-66 гг. в ОКБ А.И. Микояна лётчик-испытатель, старший лётчик-испытатель. Проводил лётные испытания первых экземпляров опытных самолетов и модификаций, а также первых опытных экземпляров реактивных двигателей, систем радионавигации, перехвата и вооружения.

11 сентября 1962 года во время испытательного полета на опытном самолете-истребителе Е-8 с опытным двигателем Р-21-300 (конструкция Мейхвертшвила) на высоте 13 000 м. и скорости V 2200 км/ч в результате разрушения самолета и двигателя катапультировался на скорости M=1,7 и высоте 10 000 м. Разрушение самолета и нештатно сработавшая опытная катапультная установка нанесли тяжелейшие травмы головы и конечностей, которые не позволили в дальнейшем продолжать лётную работу. После выздоровления до 1969 года работал в ОКБ А.И. Микояна. Ведущим конструктором установил 6 мировых рекордов скорости и высоты полёта (из них 3 абсолютных) на самолётах Е-66, Е-66А и Е-166. Награжден тремя медалями А. де Лаво (ФАИ) — 1959, 1961, 1962. и золотыми медалями Федерации спорта СССР. Награжден двумя орденами Ленина (1957, 1960), орденом Красной звезды (1961), медалью «За боевые заслуги» и другими (18 медалей). Живет в Москве, работает консультантом Генерального конструктора Российской самолетостроительной корпорации «МИГ».

МЫ РАЗНЫЕ, МЫ РАВНЫЕ!

Реквием по Харьковскому Высшему Военному авиационному училищу лётчиков.

Когда Президент SETP (Международная ассоциация лётчиков-испытателей) господин R.Sandberg объявил о присвоении мне звания «Honorary Fellow SETP» (Почетный член международной Ассоциации лётчиков-испытателей-экспериментаторов) и вручил Диплом и знак Ассоциации с бриллиантом 793 (так значилось по результатам регистрации) участники 52-го мирового Симпозиума SETP стоя приветствовали одного русского в роскошном зале заседаний Grand California Hotel в американском Лос-Анжелесе.

Я был растроган таким вниманием международной авиационной элиты лётчиков-испытателей всех поколений. В немногочисленном списке почетных членов SETP я оказался среди таких известных, как Игорь Сикорский, Чарльз Линдберг, Жаклин Кокран. Уже потом, переживая случившееся, я думал о том, кому и чему я обязан такой чести.

Ответ был прост: учителям на разных этапах жизни и товарищам, на ошибках и советах которых я приобретал и накапливал знания и опыт. И такими были прежде всего учителя теории и практики лётного дела в Чугуевском военном авиационном училище лётчиков. Попал же я в ЧВАУЛ не случайно, мог поехать в Уральское, штурмовое Ворошиловградское, бомбардировочное в Энгельсе, но выбрал после окончания в 1945 году 10-й ВАШПО в Волчанске именно его, потому, что оно было истребительным и потому, что в нем учились и работали инструкторами Иван Никитович Кожедуб, Виталий Попков, Андрей Боровых, ставшие впоследствии моими близкими друзьями.

Чугуевское училище, как и весь город Харьков, было разбито, если не дотла, то весьма основательно. Но после Волчанских казарм, где вообще не было ни окон, ни дверей, здесь были оконные проемы, заделанные кирпичом. Наступали холода 1946 года, и в огромной казарме с 2-х ярусными кроватями и двумя 200-литровыми бочками, приспособленными для топки дровами, было не столько тепла, сколько дыма. На заиндевевших стенах можно было наблюдать отблески света коптилки, изготовленной из гильзы снаряда, на тумбочке дневального. Здесь нам предстояло отдыхать после напряженного трудового дня в классе УЛО (учебно-лётного отдела) и полетов на аэродроме.

8 часов пребывания на старте в мороз и ветер доставали и снаружи (хотя постоянно горела бензиновая АПП) и внутри. Питание для наших растущих 19-ти летних организмов было явно не-

достаточным. Есть хотелось всегда. И потому мы постоянно обменивали причитавшийся по нормам сахар и махорку на кукурузники (такие лепешки из кукурузы) у местных жителей, которым тоже жилось не сладко.

Частенько работали на восстановлении Харьковского тракторного завода и авиационного технического склада, создаваемого по плану тыла авиации.

Но все это не сломило наш дух, и каждый был готов на любые лишения — лишь бы летать.

Мы шли на полеты, как на праздник, жадно ловили указания инструктора, командира звена и были готовы сделать для них что-либо необходимое в их личной, семейной жизни (поколоть дрова, перенести какие-либо тяжелые вещи и т.п.). Мы любили их, а они нас — курсантов и отдавали себя нам сполна.

В теоретическом комплексе многие преподаватели вернулись недавно с фронта, и у них было чем поделиться

относительно знаний и опыта. В такой обстановке мы постепенно делали лётчиками. Жили как друзья и работали как товарищи. Среди нас были курсантами и товарищи постарше, некоторые с фронтовыми наградами. Но понятия о «ледовщине», этого отвратительного явления в современных военных коллективах, мы не имели. Царила обстановка помощи и дружбы на полетах, в быту и в свободное время, когда можно было сходить в клуб на танцы, пообщаться с местными девчатами. Перед ними было стыдно ходить в обмотках или гетрах, которые доставались нам как помощь союзников, а потому те, кто имели сапоги, охотно делились с другими. И на танцах, под «Рио-Риту» мы выглядели, если не гусарами, но уж точно «гордыми соколами». Девчата чувствовали это и через годы становились боевыми подругами на всю жизнь.

Нелегка была дорога в небо. На грунтовом лётном поле у Каменной Яруги трава уже давно была выжжена, и взлетающий Ла-7 надолго оставлял облако пыли. К концу полетов мокрую спину можно было скрести скребком, но прежде нужно было почистить самолеты. Моторы гнали масло до хвоста и хотя запрещалось отмывать бензином, мы терли фюзеляжи бензиновыми тряпками голыми руками летом и, ох как вспомнить, — зимой.

А в училище налаживалась послевоенная структура — появились помощники командира полка по строевой подготовке, солдафоны из пехоты. Им надо было вести нас после полетов и техподготовки в казармы строем и с песнями. А нам лишь бы дотянуть ноги — не до песни. «Запевай!» — командует майор в красных погонах, а у нас пылы полный рот. «Запевай!» — снова командует он — молчок. «Левое плечо вперед, на стадион — бегом марш!» И опять «Запевай!» — молчим. После нескольких кругов не выдержал Юра Труфанов. Вышел из строя и сказал: «Прекратите издевательство, люди устали, и я Вам это говорю как коммунист коммунисту. Мы еще встретимся с вами на парткоме». Таким солдафонам «давали ума» замполиты. У нас был подполковник Иванов — отец и старший товарищ для всех нас. Я до

сих пор, спустя 60 лет с любовью вспоминаю его имя и храню фотографию с доски почета, где он улыбается нам, дескать, терпите ребята, мы не дадим вас в обиду.

Постепенно налаживался и казарменный быт. Мы набирались знаний от преподавателей. Осваивали навигацию и штурманское дело, ведь истребитель, он же и штурман. Самолет и мотор знали по косточкам. Мотор АШ-82ФН с плунжерными насосами мы знали досконально. Потом такого же принципа насосы использовались и в реактивных двигателях. А много лет спустя, готовясь к рекордам высоты, мне от полета к полету приходилось оценивать регулировку насоса, доводить ее до ума и я всегда помнил, что истоки этой работы — в годах учебы в училище. Спасибо ему — училищу.

Наша общеобразовательная подготовка была достаточно высокой. Мы все окончили спецшколы ВВС. Все дисциплины мы схватывали, как говорится, на лету и частенько между собой обсуждали. Особенно по аэродинамике, воздушной стрельбе и бомбометанию. Иногда кто-нибудь подсовывал вопрос вроде «а что, скольжение винта полезно или вредно?». В разговор подключались все, кто был поблизости. Любили по радио слушать музыку. К тому времени в искусстве появились новые имена — Ирина Архипова и Галина Карева, покорившие наши сердца. Впоследствии они стали моими друзьями. Из любви к искусству некоторые участвовали в художественной самодеятельности. Их освобождали от караульной службы. Зато нам приходилось другой раз «через день на ремень». Я не любил ходить в караул. Стоишь ночью в сырых валенках, в тулупе и вглядываешься в темноту, чтобы не пропустить не столько диверсанта, сколько проверяющего.

Пожалуй, только в Уразово, где охраняли стоянку самолетов, было интересно разглядывать И-16е, на которых нам предстояло лететь. Тем более что на одном из УТИ-4 была надпись: «На этом самолете летал инструктором Иван Кожедуб». С этого аэродрома он и сделал свой первый боевой вылет, оказавшийся не вполне удачным.

Жаль, что конец свой этот самолет-реликвия нашел на ржавой свалке. Позор! А стоять бы ему на гранитном пьедестале на гордость всем проходившим мимо.

Зато после караула было приятно оказаться в нашей землянке, на нарах, где мы спали и жили в тесноте, да не в обиде. В землянке было всегда тепло,

пахло портянками и мужским потом, но это нас не смущало. Вечером света не было, а потому травил байки, а ча- стенько и пели. Запевал, бывало, Па- шка Черкасов, и поплыла песня вместе с бродягой, Байкал переехавшим. Не было ни ссор, ни хулиганства. Вспоми- нали голодные-холодные, военные со- роковые и они, казалось, были и давно и недавно. А мысли — скорее бы окон- чить училище и в строевую часть.

Наступала самая интересная пора курсантской жизни — мы летаем на самых совершенных самолетах Ла-7, осваиваем боевое применение. Зайти в хвост инструктору на виражах не так-то просто, а противнику будет еще труд- нее. Вот и старались понять, как и что сделать. Полемика между собой оже- сточенная. Каждый предлагает свой ва- риант. А все надо оттачивать в зоне на пилютаже. Воздушные бои с инструп- тором так и остались в памяти на всю жизнь, как и бои с курсантами, когда сами стали инструкторами.

И еще: с волнением бежали к сбро- шенному конусу, чтобы найти свои пробоины. Эти стрельбы и заложили фундамент в испытания нового оружия, когда я стал летчиком-испытателем. **Спасибо тебе, ЧВАУА.**

Приближалось время выпуска. Нам пошли синие кителя, и вот уж скоро в строевую часть!

Да не тут-то было. Нас пятерых: Ивана Поправко, меня, Витю Борзова, Эдика Кулешова и Леву Бобейко остав- ляли в училище инструкторами. Было обидно. Наступала новая страница в моей Чугуевской жизни. Но это отдель- ная тема и о ней в следующий раз. А пока ты — ШКРАБ. Тебя учили, учи и ты других. Только потом я понял, какой счастливый билет мне выпал.

Обучая курсантов, я и сам учился ле- тать и когда стал летчиком-испытателем стало важно четко понимать, как летает новый самолет и как «научить его де- лать это как надо», чтобы противосто- ять противнику.

Я умел летать на любом типе истре- бителей, бомбардировщиках, штурмо- виках, днем и ночью, в сложных усло- виях, мог испытывать опытные реактив- ные истребители. А это оказалось, мягко выражаясь, не простым делом. Хотелось бы описать один полёт из тех суровых и прекрасных дней моей лётной жизни:

ЗА СЕКУНДУ ДО СМЕРТИ

В начале 50-х годов прошлого столе- тия самолет МИГ-19, созданный нашим конструкторским бюро под руковод- ством А.И. Микояна, уверенно шагнул в область сверхзвуковых скоростей.

Однако манёвр на таких скоростях был весьма ограниченным. Для реше- ния проблем продольной устойчиво- сти и управляемости на сверхзвуковых скоростях впервые в СССР был создан самолет с цельноповоротным стабили- затором без рулей высоты.

Первый опытный экземпляр такого самолета предстояло испытывать мне.

15 октября 1954 года я вылетел в очередной седьмой для самолета полет с целью определения балансировочной кривой на высоте 5000 метров на разго- не и торможении. Достигнув скорости $V_{пр} = 1000$ км/ч, я перевел двигателя на холостой ход, и в этот момент самолет резко кинулся на пикирование с пере- грузкой ($=3,5-4,0g$)! Меня подняло с сиденья и больно ударило головой о фо- нарь... К сожалению, в те годы мы по- нятия не имели о защитных шлемах для головы летчика и четыре шестимилли- метровых болта крепления перископа, который мы за ненадобностью сняли в этих полетах, хорошо отпечатались на моем легком кожаном шлемофоне. Я не успел опомниться, как самолет че- рез секунду рванулся на кабрирование с перегрузкой $+12g$. Я мгновенно достал лицом ручку управления и забрызгал фонарь кровью... И началось! Самолет то кидало на пикирование, то на кабри- рование, мгновенно меняя угол тангажа, то в минус, то в плюс, соответственно, сопровождая то отрицательными, то положительными перегрузками на тра-

ектории крутого пикирования. Ручка управления вырывалась из рук, не давая мне возможности прекратить автоколе- бания и удары то головой, то лицом.

Земля неслась на меня со скоростью пули, и только на высоте 320 метров мне удалось вывести машину из этой бешеной скачки. Впоследствии, анализируя записи самописцев, было установлено, что самолет 17 раз менял перегрузку в пределах $+12 - 4$ ед. в течение ~ 21 сек. Так как среднее значение перегрузки было более 1, угол пикирования умень- шился и уменьшалась скорость. На вы- соте 320 м удалось вывести самолет в горизонтальный полет. Это означает, что самолет летел к земле со средней вертикальной скоростью 223 м/сек но в момент отрицательных перегрузок она была значительно больше (для сравнения, пуля, вылетающая из авто- мата Калашникова, имеет начальную скорость 710 м/сек). Значит, я несся к земле со скоростью пули, и мне оста- валась в жизни примерно одна секунда. Но последняя секунда оказалась спаси- тельной! Я мог бы перевести дух, если бы не оказалось, что двигатели стоят, а самолет плохо слушается элеронов. Я еще не знал, что разрушилась качалка в механизме отклонения элеронов и ле-

увеличилась устойчивость в продоль- ном канале.

В этом случае отрицательная пере- грузка вызывает большой продольный момент на кабрирование, под действи- ем которого перегрузка возрастает до 12 ед. Далее продолжается колебательный процесс с частотой 2.5 Гц. И только на семнадцатом кабрировании с креном 50-60 градусов мне удалось зафиксировать управление и выйти из автоколебаний.

Надо в систему продольного управ- ления включать механизм, который мог бы изменять передаточное отношение от ручки к стабилизатору.

Таким механизмом стал АВТО- МАТ РЕГУЛИРОВАНИЯ УПРАВ- ЛЕНИЯ (АРУ), включенный в систе- му продольного управления «Летчик- Стабилизатор» в зависимости от скоро- сти и высоты полета.

В последующих полетах нам пред- стояла кропотливая работа по выбору характеристик устойчивости и управля- емости и критериев продольного управ- ления. По существу создавался самолет нового поколения с новыми возможно- стями маневрирования. Он стал изве- стен миру как самолет МИГ-19с. Всего одна буква в аббревиатуре, а сколько труда конструкторов, инженеров и моих

С дочерью первого дважды Героя Советского Союза А. Грицевца (Архангельской)

вый элерон бездействовал... Однако сам самолет выдержал! Поступательная ско- рость при небольшом снижении была достаточной, чтобы прокрутить двигатели и еще до верхушек деревьев запустить один двигатель, а затем в наборе вы- соты — другой. Можно на секунду - другую расслабиться, но пора захо- дить на бетонную полосу для посадки. Садиться сложновато без элерона, да и видимость впереди затруднена через за- брызганный кровью фонарь. Но как бы там ни было, мы с самолетом приземли- лись! Нам обоим следовало пройти ис- следования мне — насколько серьезны сотрясение мозга и травмы, а ему - нет ли серьезных деформаций конструк- ции из-за нерасчетных перегрузок. К счастью, кроме элеронов повреждений не оказалось. Хорошо что полетный вес был далеко не полным. Это был самый душеспасительный полет в моей жизни. И наконец, перед нами стоял во- прос: в чем причина произошедшего и что делать? Балансировочное положе- ние стабилизатора, начиная с $M=0.96 - 0.97$ до $M=1.06$, резко изменяется на пикирование. При переводе двигателя на МГ развивается интенсивное тормо- жение $N_x = -0.65 - 0.5$, падение скорости в совокупности с положением РУС «от себя» привело к резкому увеличению момента на пикирование и выходу са- молета на отрицательные углы атаки и, соответственно, отрицательную пере- грузку $N_y = -3.5 - 4$. Наклон траектории стал отрицательным, скорость вновь начала возрастать, аэродинамический фокус сместился назад ($M > 0.95$), резко

усилий она потребовала. С тех пор истре- бители МИГ строятся с цельнопо- воротным стабилизатором и автоматом АРУ в системе продольного управ- ления. Говорят, что значения, которые мы подобрали, сделали пилотирование самолетом не только безопасным и на- дежным, но и приятным для летчика. Я с удовлетворением вспоминаю, что мне довелось принимать в этом непосред- ственное участие.

Спасибо училищу, в котором я по- знал науку, почему летает самолет и что ему надо, чтобы летать «как надо». Чугуевское ВАУА, переименованное в ХВВАУА, было первоклассной кузницей военных летчиков. Недаром оттуда вышли выдающиеся летчики Великой Отечественной войны и известные лет- чики послевоенного времени, включая космонавтов.

И как обидно сознавать, что все рух- нуло! Обломки превосходного авиау- чилища валяются на дне пропасти и не- возможно на это смотреть без слез и го- речи. Единственным утешением может быть лишь сознание: да было время в наши годы, да и останется оно в памяти сегодняшнего и будущих поколений.

Слава Вам гордым Соколам — вы- пускникам ХВВАУА, инструкторам, ко- мандирам, инженерам, техникам и всем, кто не жалея себя строили и поддержи- вали жизнь Училища.

И еще: Настанет день, когда Ави- ация вновь станет любимым дети- щем нашего Народа!

Г.К. Мосолов
Герой Советского Союза

Подарок на юбилей от Героя России А. Ковчура

На острие жизни

2005 год. По Екатерининскому залу Кремля разнеслись слова: «Звезда Героя Российской Федерации вручается капитану Анатолию Вячеславовичу Лебедеву». К главе государства Владимиру Путину твердым шагом направился невысокого роста и крепкого телосложения наголо остриженный мужчина. И трудно было даже предположить, что у него нет левой ступни, а все тело покрыто шрамами от пулевых и осколочных ранений. При этом он продолжал служить...

Офицер 45-го отдельного гвардейского ордена Александра Невского разведывательного полка ВДВ, ныне подполковник Анатолий Лебедь — личность уникальная, и потому многочисленные отзывы о нем на форумах полны восхищения. «Настоящий офицер», «Молодец. Занимается мужским делом и получает от этого удовольствие», «Военный профессионал высшего качества». «На таких молиться надо. Ни одно государство не может существовать без таких людей». «Такие часто люди исправляют ошибки политиков теми средствами, которыми владеют. Побольше бы таких не только в армии, но и мирной жизни...»

О мужестве и преданности профессии свидетельствуют награды офицера — Золотая Звезда Героя России, орден Красной Знамени, три ордена Красной Звезды и три — Мужества, ордена «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» 3-й степени и Святого Георгия 4-й степени, медали. Такого обилия отличий больше в России нет...

Родился Анатолий 10 мая 1963 года в эстонском городе Валга. После окончания средней школы поступил в профессиональное строительное училище, которое находилось в городе Кохтла-Ярве. Одновременно занимался в парашютной школе ДОСААФ и потому, когда пришло время срочной службы, попросился в ВДВ: «Все время в небо тянуло, очень хотел летать. Я с приятелем поступал в Балашовское, потом Борисоглебское училище, но не сдал математику...»

Служба в «крылатой пехоте» закалила, а мечта о небе привела в Ломоносовское военное авиационно-техническое училище. После трех лет обучения Анатолия распределили в Забайкалье, оттуда — в Афганистан, в вертолетный полк. «Пробыл там почти два года, ушел за пять дней до официального вывода. Лучшие годы службы! Было чем заняться. Выявляли и уничтожали караваны моджахедов — в двадцать, тридцать выючных. Самый большой — за двести. Мы его в четыре утра заметили и до часу ночи долбили. Весь караван так в ущелье навечно и остался вместе с охраной...»

...Караванные пути в Афганистане были разными. Иногда это была узкая, едва заметная тропа через крутые скалы. Реже — хорошо укатанная дорога по сухому руслу реки. Разными были и караваны: от десятка ишаков, навьюченных ящиками и тюками, с двумя-тремя погонщиками, до целой колонны грузовиков и пикапов, набитых оружием, боеприпасами, которые сопровождала многочисленная, вооруженная до зубов охрана. По сотням караванных путей осуществлялось снабжение афганских моджахедов из Пакистана и Ирана, благо, граница

практически не охранялась. Борьба с караванами вызывала головную боль у советского командования. К чему только не прибегали: минировали границу, устилая перевалы и тропы множеством миниатюрных противопехотных и специальных мин на неизвлекаемость, наносили бомбово-штормовые удары по кишлакам и отдельным строениям, которые могли бы послужить пристанищем для караванов, совершали облеты больших участков приграничной территории на вертолетах...

Безусловно, моджахеды несли потери от советских акций, но не прекращали свою деятельность. Например, потеряв на минах сотни человек, для разминирования троп прогоняли стада баранов, а для борьбы с минами, реагирующими только на человека, использовали пленных или заложников. Иногда впереди основного каравана следовал «ложный», который был нужен для того, чтобы вовремя обнаружить засаду спецназа, принять на себя основной удар, а значит — дать время уйти основному каравану.

Один из таких крупных караванов и заметил экипаж Ми-8, в составе которого был борттехник Лебедь. Более 250 выючных животных с оружием сопровождали десятки моджахедов. Под сильным огнем, используя рельеф местности, «вертушка» высадила десант, который сразу вступил в бой. После этого экипаж выполнил еще пять полетов, высадив в общей сложности 60 человек. В ходе того боевого задания было уничтожено шесть ракетных комплексов «Стингер», большое количество оружия и боеприпасов. Охрана сопротивлялась

до конца. После того, как караван был окончательно «забит», среди завалов из мертвых ишаков и верблюдов насчитали около сотни трупов. Спецназ потерь практически не понес...

«В Афганистане я вылетов под семьсот сделал, — говорит Анатолий Вячеславович. — В засаду попадали, борта простреливали, лопасти. В районе Бараки возвращались с задачи, шли на пределе, и на высоте, метров двадцать всего разницы по высоте было, уже ждали — сначала стреляли из гранатомета, потом из КПВТ, в упор, насквозь через борт. Все в дырах, но не упали. Хотя были всегда готовы к тому, что окажешься на земле. Ночью же никто не подсядет, группа поисковая не найдется, поэтому вода и боеприпасы всегда с собой, чтобы до утра продержаться. Летали постоянно. Прилетали, заправлялись, забирали группы, высаживали, долбили моджахедов...»

Боевые вылеты борттехник Анатолий совершал в экипаже капитана Николая Майданова, которого по праву называли летчиком от Бога. Именно так позднее назвал свой фильм о нем документалисты. Майданов одним из первых начал применять тактику, которая спасла потом жизнь многим вертолётчикам и солдатам ограниченного контингента. Высоко в горах Ми-8 плохо слушались управления, и взлетать даже с небольшой загрузкой по-вертолётному «не хотели». Тогда Майданов стал разгонять боевую машину по-самолётному и... бросать её с горных вершин в пропасть. Рискованный манёвр давал результат — в падении винт раскручивался, машина набирала необходимую скорость

и зачастую уходила прямо из-под носа врага, который уже готов был праздновать победу. На него молились, как на настоящего ангела-хранителя и были уверены, что если «вертушку» пилотирует Майданов, можно быть уверенным — живыми вернутся все. Он выходил невредимым из любого пекла, доставляя груз в самые непроходимые районы, спасал товарищей, которые, казалось, обречены на верную гибель.

Всего за время службы в Афганистане Майданов совершил 1250 боевых вылетов. Общий налёт составил 1100 часов. Принимал участие в десантных операциях в районах Панджшера, Ташкудука, Мазари-Шарифа, Газни, Джелалабада, высадив за это время более 200 разведывательных групп. Его Ми-8 вывез с поля боя 85 раненых солдат и офицеров и перевёз свыше ста тонн грузов. В большинстве вылетов офицеру не раз приходилось действовать за гранью привычного и даже возможного. 12 мая 1987 года экипажи Николая Майданова и Юрия Кузнецова на вертолетах Ми-8 доставляли спецназ в ущелье, где был обнаружен караван с оружием. Вертолеты высадили десант и начали возвращаться. Но противника оказалось больше, чем предполагали. В ходе ожесточенного боя стало понятно: если не вытащить спецназовцев назад из ущелья, то все они погибнут. Комбат спецназа попросил вертолётчиков прийти на выручку. Горючего у тех почти не осталось, но вертолеты вернулись и, забрав ребят, пошли на базу.

За голову Майданова моджахеды назначили премию в два миллиона афгани. По тем временам — 200 тысяч долларов. Об этом свидетельствовали красочные объявления, разбросанные по городу Газни. Дважды в его вертолёт попадали «Стингеры».

Особо отличился капитан Майданов 8 декабря 1987 года, когда ему была поставлена задача: вывезти экипажи наших двух сбитых вертолетов. В том районе шел яростный бой. Садился Майданов, без преувеличения, в самое пекло. Ему удалось посадить группу усиления, забрать на борт экипажи сбитых вертолетов и группу спецназа, попавшую в засаду, всего 46 человек. За тот подвиг он удостоен звания Героя Советского Союза.

В 1997 году Майданов поступил на службу в Российскую Армию, и в июне 1998-го возглавил вертолётный полк. В Дагестане, сражаясь с боевиками Хаттаба и Шамиля Басаева, высадив шесть тактических десантов. С 1999 года командир 325-го отдельного транспортно-боевого вертолетного полка полковник Николай Майданов воевал в Чечне, где также показал себя первоклассным асом.

29 января 2000 года звено вертолетов Ми-8, в составе которого находился вертолет Майданова, вылетело в район Аргунского ущелья, чтобы посадить десант на одну из высот и произвести разведку местности в зоне действия боевиков. Однако сразу после посадки стало понятно, что разведка ошиблась в выборе квадрата десантирования. Отряд десантников попал в засаду — под мощный перекрестный огонь из крупнокалиберных пулеметов противника. Николай Майданов принял единственное возможное в этой ситуации решение — забрать десантников обратно к себе на борт. Рискуя жизнью, под плотным огнем боевиков, вертолётчики вывели свои машины из-под обстре-

ла, сберегли десант и вертолеты. Но в момент эвакуации десантников шальная пуля снайпера террористов пробилась остекление кабины командирского Ми-8, угодила в приборную доску и срикошетила в грудь мужественного пилота, попав в область сердца. Однако, несмотря на такую тяжелую рану, командир не выпустил штурвала из своих рук.

В момент набора высоты еще одна пуля попала Майданову в шею. Однако и тогда Николай продолжал лично управлять вертолетом и почти довел его до нашей базы. Но смерть настигла мужественного летчика прямо в полете — от колоссальной потери крови за несколько мгновений до приземления. Посадку вертолета завершил его второй пилот. Посмертно Майданову присвоено звание Героя России, — одному из четырех человек, удостоенных званий Героя Советского Союза и Героя Российской Федерации, и **единственному, кому оба звания были присвоены за подвиги на поле боя.**

Николай Майданов похоронен на Аллее Героев Серафимовского кладбища Санкт-Петербурга.

Все эти годы спасает чужие жизни и бывший подчиненный Майданова Анатолий Лебедь, который не терял все эти годы связи со своим командиром. Сказал об этом так: «Мы не так долго живем, чтобы быть зрителями жизни. Особенно, если ты в состоянии помочь. И не только в командировках, но и в мирной жизни».

В 1994 году его жизнь сделала крутой поворот: он уволился в запас. Служил тогда в вертолетном полку в городе Бердск Новосибирской области. А там, на аэродроме, где трава была по пояс, для вертолетов не нашлось места. Армия тогда погибала, перспектив никаких, квартиру не давали — чего служить? Лебедь написал рапорт, выслуга у него была. Так и стал военным пенсионером, а было ему чуть за тридцать.

Первая война в Чечне прошла мимо. Но когда в 1999 году началось вторжение боевиков в Дагестан, Лебедь дома не усидел. Вместе с другом Игорем Нестеренко они купили всю необходимую экипировку и полетели в Махачкалу добровольцами: «Гам неразбериха была, а у нас был боевой опыт, поэтому взяли без проблем. У народа было огромное желание отстоять свою землю, но возможностей и опыта не было, это же — милиция, ополчение. Банды намного опытнее, вооружены лучше, поэтому нас сразу приняли и прикрепили к сводному милиционерскому отряду. Не помню, что нас к этому подтолкнуло, никто ведь не звал. Но мы подумали, что боевики — люди опытные, а дагестанцы нет. Надо было людям помогать, вот мы и рванули».

Позднее, когда боевые действия перешли на территорию Чечни, Лебедь и

Нестеренко съездили в Москву, заключили контракт с Министерством обороны, чтобы все было законно, и вернулись. Их определили в 45-й отдельный разведывательный полк ВДВ.

Тот полк «вырос» из особого отряда, принимавшего участие в тушении пожаров на национальных окраинах. Его основным назначением стало выполнение наиболее ответственных задач в «горячих точках». Полк создавали тщательно, отбирая для него лучшие силы из подразделений ВДВ, и со временем элитный, абсолютно новый военный организм был идеально приспособлен для участия в локальных конфликтах. В полку служили люди с умениями и навыками, которыми в армии владеют очень немногие. Они до тонкостей владели подрывным делом, были способны профессионально вести слежку, закладывать тайники, работать с агентурой, заниматься «психологической спецпропагандой»...

Именно 45-й полк специального назначения ВДВ в январе 1995 года, по свидетельству многих участников событий в Чечне, спас не только группировку генерал-лейтенанта Льва Рохлина, но и честь, престиж России, ее армии от бесславного и позорного разгрома. Именно он переломил ход боев за Грозный, нанес боевикам тяжелейшие поражения, овладел ключевыми узлами сопротивления и обеспечил удачное наступление других частей.

Полк тогда бросили в Грозный как последний резерв всей российской армии. Он не имел ни пушек, ни танков, ни минометов - всего четыреста бойцов с легким стрелковым оружием да десяток бэтээров. А в городе, после разгрома и гибели ряда частей и отступления штурмовых группировок на одного российского солдата приходилось восемь боевиков. Казалось, что полный разгром остатков наших войск неизбежен. Когда же 45-й полк с боем прорвался к Рохлину, у генерала к тому времени реально участвовать в боевых действиях могли немногие. Его радость столь грозному пополнению была понятна. Попросил: «Ребята, надо очистить прилегающий квартал, бьют отовсюду». И хотя это не было работой спецназа, он ее выполнил с честью.

Умелые, обученные, психологически подготовленные спецназовцы беспощадно перемалывали опьяненных успехом, уверенных в безнаказанности боевиков Дудаева. Уже через сутки после прорыва полка к Рохлину боевики окрестили его «президентским» и при одном упоминании о нем начинали нервничать. А еще через двое суток Дудаев издал приказ о запрещении прямых столкновений с «серыми волками» — такова была эмблема полка, объявил их личными врагами и назначил огромные премии за каждого убитого «спецназовца» и особую премию за пленно-

го. Ни одна «особая премия» выплачена не была, а вот дворец Дудаева одним из первых захватили именно разведчики ВДВ.

Вот в такой полк определили Лебедя. «Работал с группами. Задача — найти, выявить и уничтожить базы незаконных отрядов или навести артиллерию и авиацию. Работали, как ищейки, и в горных районах, и предгорье. Первого декабря 1999-го под Аргунем погиб Игорь Нестеренко. Ночью напоролись на противозасаду — их группа и наша. Нас человек пятнадцать, их раза в полтора больше. Знаете, самое страшное — это когда твои друзья не возвращаются в полк».

Свою нехитрую жизненную философию объясняет так: «Если бандиты взяли оружие, их надо уничтожать. Сколько бы их ни было, — один, два, пятьсот, две тысячи, чтобы не вылезли где-нибудь в центре Москвы. Поэтому их там надо ловить, пока они там готовятся, формируются, тренируются. Больше там уничтожим, меньше здесь будет. Такая вот задача у разведчиков».

В 2003 году в горах под Улус-Кертом он подорвался на mine: «Мы тогда обнаружили базу в горах под Улус-Кертом. Захватить её не удалось, у нас раненый был. Второй раз пошли туда через месяц. Артобстрел подготовили. Ну и бандиты подготовились. Пока базу эту чистили, подорвался. Все, что там болталось, лохмотья, в кучу собрали вместе с ботинком и вытащили меня на горбу в гору. Оттуда — «вертушкой» в Ханкалу. Там посмотрели, лишнее отрезали — куски мяса, кожи, фаланги и выбросили вместе с ботинком... Через три дня уже был в Бурденко, там полежал месяца полтора, протез сделали, пообкатал его, и обратно в горы...»

Лебедь получил вторую группу инвалидности, однако отказался увольняться из Вооруженных Сил. Сказал по этому поводу: «Командование пошло навстречу. Желания увольняться сам не изъявил — чего увольнять, если ходит нормально. Протез держит. Ну, правда, пару раз лопаля, перематывали скотчем и дальше. Работы хватает, так что на ерунду отвлекаться некогда. Сегодня вот в небо, завтра, может, в командировку поедем — в готовности, ждем приказа. Сейчас там тоже много чего можно найти, только нас там нет. До конца, до упора надо делать свое дело. Только вперед, чтобы потом не обидно было сидеть на пенсии и смотреть новости...»

Насчет того, что «сегодня в небо», это — о прыжках с парашютом. Анатолий Вячеславович так освоил протез, что продолжал прыгать. К слову, прыжков на счету офицера около тысячи. Уже в декабре 2003 - январе 2004 года он участвовал в зимней операции в горах Дагестана по уничтожению банды полевого командира Гелаева.

Опыт он передает молодежи: «Чтоб не доставить радость врагу, надо успеть их научить. Таких, кто только пришел, сложности нет подловить — на засаде, в том же бою. Вот за них и воюю. За пацанов этих вот, чтобы не мычали, когда им глотки режут. Успеть научить. О себе не думаешь. Думаешь, о тех, кто рядом, тогда и получается нормальная работа. У каждого есть свой бой в жизни, у кого-то он уже был, у кого-то еще впереди».

Начиная с 1999 года офицер более десяти раз был в длительных командировках в Чечне, участвовал в спецоперациях в районах городов Гудермес и Аргун, пригородах Грозного и в Веденском районе.

9 января 2005 года группа гвардии старшего лейтенанта Лебеда попала в засаду. Двое бойцов получили ранения. При попытке боевиков захватить их Анатолий Лебедь вступил в неравный бой и лично уничтожил трёх боевиков.

Герой Советского Союза, Герой России
Николай Майданов

Своими действиями он спас жизнь подчиненных. В бою 24 января 2005 года собственным телом прикрыл раненого рядового от выстрела из гранатомета. Получив слепое осколочное ранение в поясницу, но продолжил командовать головным дозором. Лично уничтожил гранатомётчика и пулемётный расчет боевиков. В результате того боя была захвачена база боевиков и уничтожен связной Шамиля Басаева.

Спустя годы, в августе 2008 года, уже в звании подполковника, он участвовал в боевых действиях против грузинских вооруженных сил, устроивших геноцид мирного населения в Южной Осетии. Задача была поставлена — «готовить передовые отряды, чтобы найти и обезвредить их передовые группы, а главное — собрать разведанные, чтобы основная масса наших войск вела успешное наступление и уничтожение противника». В общем, как всегда, Лебедь — в первом эшелоне: «Сколько себя помню, хожу старшим головным дозором. ВДВ считаются передовым отрядом армии, а наш полк, войсковая разведка, — передовой отряд всего ВДВ».

О самой войне сказал так: «С той стороны оснащение было хорошее. У нас все штатное, все, как обычно, а они были напичканы самой современной техникой, вооружением, снаряжением, связью, ракетами «земля-воздух». Много чего у них было. По радиоэлектронике у них все самое современное. В общем, подготовлены они были очень хорошо, но надо еще уметь воспользоваться этой подготовкой. Я думаю, их проблема в том, что их правители никогда не имели боевого духа и они просто не знают, что такое война с другим народом, тем более — Россией. Они думали, что все будет легко. Что положить наших миротворцев ничего не стоит. Что мы проглотим. Не вышло...»

За боевые отличия в этой операции одним из первых в России А.Лебедь был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени (знак ордена № 3). Вручая награду, Президент **Дмитрий Медведев** сказал: **«Среди нас также находится офицер спецназа Воздушно-десантных войск Герой Российской Федерации Анатолий Вячеславович Лебедь. При проведении боевых операций он находился на острие атаки и неизменно демонстрировал примеры личного мужества.»**

Трудно в это поверить, что даже в это время у Лебеда не было квартиры, жил с семьей в общежитии. Жена, ребенок, а еще боевой пес Паштет. Его офицер привез из Чечни, и с тех пор они неразлучны. Необычная кличка оттого, пес очень любит паштет из сухпайка. Вместе ходили на службу, стояли в строю и ездили в командировки: Грозный, Каспийск, Махачкала, снова Грозный... Паштет, как и хозяин, имеет боевые ранения...

Владимир ГОНДУСОВ

БИОГРАФИЯ

Родился 12 (25) мая 1900 года в городе Вязники, ныне Владимирской области, в семье рабочего. Русский (мать русская, отец мордвин-мокшанин). Образование военное, средне-специальное. В 1911 году окончил 4 класса начальной школы, а затем 2 класса Вязниковского низшего технического училища и в течение 5 лет работал на ткацко-прядильной фабрике.

10 июня 1919 года добровольно вступил в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В боевых действиях участвовал артиллерийским слесарем и оружейным мастером в составе войск Северного фронта в 1919 году, Северо-Западного фронта в 1920-1921 годах и Южного фронта в 1921 году. Боевое крещение получил под городом Архангельском.

После окончания Гражданской войны и иностранной военной интервенции в 1922 году окончил Пермскую военную автотракторную школу и служил шофером-механиком в 14-м сводном легко-артиллерийском полку в городе Москве.

В 1923 году был переведен в Военно-Воздушные Силы. С 1923 по 1925 годы учился в военно-теоретических школах Военно-Воздушных Сил в городах Егорьевске, Киеве и Ленинграде (ныне Санкт-Петербург). В 1925-1927 годах учился в Качинской военной авиационной школе пилотов им. А.Ф. Мясникова (впоследствии Качинское высшее военное авиационное училище летчиков им. А.Ф. Мясникова) и в Серпуховской высшей военной авиационной школе воздушного боя, которая в октябре 1927 года была перебазируется в город Оренбург и в 1993 году завершила свое существование как Оренбургское высшее военное авиационное Краснознаменное училище летчиков имени И.С. Полбина.

С июля 1927 года проходил службу летчиком-инструктором, командиром авиационного звена, командиром авиационного отряда и командиром авиационной эскадрильи в Военно-Воздушных Силах Московского и Забайкальского военных округов.

В 1932 году окончил Курсы усовершенствования начальствующего состава при Военно-воздушной академии им. профессора Н.Е. Жуковского (впоследствии Военно-воздушная инженерная орденов Ленина и Октябрьской Революции Краснознаменная академия им. профессора Н.Е. Жуковского).

С 1934 года командовал 4-м отдельным авиационным отрядом скоростных бомбардировщиков в городе Чите. В июле-ноябре 1935 года находился в правительственной командировке в Монгольской Народной Республике, а затем был назначен командиром авиационной эскадрильи в Военно-Воздушных Силах Забайкальского военного округа.

В 1938 году окончил Липецкие летно-тактические курсы и был назначен помощником командира 31-го скоростного бомбардировочного авиационного полка Военно-Воздушных Сил Белорусского особого военного округа. В этой должности участвовал в боевых действиях в районе реки Халхин-Гол в 1939 году и получил боевое крещение уже в качестве воздушного бойца. 10 августа 1939 года Постановлением Малого Народного Хурала Монгольской Народной Республики был награжден орденом «За воинскую доблесть».

В сентябре 1939 года был назначен командиром 18-го скоростного бомбардировочного авиационного полка Военно-Воздушных Сил Белорусского военного округа в город Бобруйск. Во главе этого полка принял участие в Советско-Финляндской войне 1939-1940 годов.

Герой Советского Союза Антошкин Иван Диомидович

Командир 18-го скоростного бомбардировочного авиационного полка, 13-й скоростной бомбардировочной авиационной бригады, Военно-Воздушных Сил 15-ой Армии, Северо-Западного фронта, коммунист майор И.Д. Антошкин особо отличился в боях на карельском перешейке и севернее Ладожского озера при нанесении ударов по военно-промышленным объектам, железнодорожным станциям, аэродромам, скоплениям войск, артиллерийским позициям, ДОТам, ДЗОТам и другим объектам в период с 30 ноября 1939 года по 12 марта 1940 года.

В исключительно сложных метеорологических условиях суровой зимы того времени, за три месяца боевых действий, полк под его командованием выполнил днем и ночью 2936 боевых вылетов, сбросил 964 тонны бомб, уничтожил и вывел из строя множество различных объектов, живой силы, боевой техники и вооружения противника. Летчики его полка совершили много славных и героических дел. Они летали в любое время суток в простых и сложных метеорологических условиях, бомбили вражеские укрепления, вели воздушную разведку, доставили своим войскам, попавшим в окружение, 90 тонн продовольствия, боеприпасов и медикаментов. Чтобы своевременно и успешно решить поставленные боевые задачи, организовал изготовление дополнительных приспособлений для подогрева масла и воды в моторах и радиаторах, замену открытых кабин стрелков-радистов на закрытые сферические и ряд других мероприятий. Проявив инициативу и настойчивость, он первым в Военно-Воздушных Силах 15-й армии создал группу для ведения боевых действий ночью.

Сам командир полка произвел 32 успешных боевых вылета, часть из ко-

торых ночью, на выполнение самых сложных и ответственных боевых заданий одиночно и во главе различных групп самолетов, показывая образцы мужества отваги, настойчивости, хладнокровия и высокого летного мастерства своим подчиненным.

Так, в одном из вылетов 17 января 1940 года во главе эскадрильи, при выполнении боевого задания, от разрывов снарядов зенитной артиллерии противника его самолет получил 112 пробоин, в результате чего были выведены из строя один из моторов, основная и аварийная системы выпуска шасси. Проявив хладнокровие, мужество, самообладание и высокое летное мастерство, он сумел привести эскадрилью на свой аэродром и посадить этот сложный самолет на одном двигателе на фюзеляж, тем самым спасти жизни всем членам экипажа.

За успешно выполненные боевые задания, полк получил личную благодарность от Заместителя Народного Комиссара Обороны СССР командарма первого ранга Г.И. Кулика и был награжден орденом Красного Знамени, а сам командир полка за проявленные героизм и мужество при выполнении боевых заданий командованием Военно-Воздушных Сил 15-й армии был представлен к высшему отличию Родины.

За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом отвагу и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1940 года майору Антошкину Ивану Диомидовичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

После окончания Советско-Финляндской войны полк во главе со своим командиром был перебазирован в город Кутаиси Грузинской ССР (ныне Республика Грузия) в состав Военно-Воздушных Сил Закавказского военно-

го округа, где в феврале 1941 года был назначен заместителем командира авиационной дивизии и переведен в город Тбилиси.

Весной 1941 года был переведен в Военно-Воздушные Силы Московского военного округа, где к 6 июня сформировал 77-ю авиационную дивизию смешанного состава. Великую Отечественную войну встретил уже зрелым авиационным командиром.

В боях и сражениях Великой Отечественной войны — с конца июня 1941 года. Воевал в составе войск Московского военного округа, Западного, Южного, Юго-Восточного, Сталинградского, Центрального, Белорусского и 1-го Белорусского фронтов. Участвовал в защите и освобождении территорий Российской Федерации, Украинской ССР (ныне Республика Украина), Белорусской ССР (ныне Республика Беларусь), в битвах под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, в Харьковской оборонительной, Ростовской, Черниговско-Припятской, Гомельско-Речицкой, Калыновичко-Мозырской и Рогачевско-Жлобинской наступательных операциях.

В битве под Москвой 77-я авиационная дивизия под командованием подполковника, а затем полковника И.Д. Антошкина, успешно действовала — в начале в составе Военно-Воздушных Сил Московского военного округа, а затем Западного фронта.

Так, с 6 октября 1941 года, по приказу командующего Военно-Воздушных Сил Московского военного округа полковника Н.А. Сбытова, он возглавлял действия 77-й авиационной дивизии и приданных частей и подразделений авиации против прорвавшихся танков и механизированных частей немецко-фашистских войск на Юхновском направлении. Только за 8 дней боевых действий авиация под его командованием уничтожила 120 танков, 600 автомашин, 3 склада с горючим и боеприпасами, 3 моста, 2 переправы, до 2500 солдат и офицеров! Действия авиации Московского военного округа и курсантов Подольских военных училищ закрыли немецко-фашистским войскам «ворота» на Москву, заставив их топтаться в районе города Юхнова несколько суток.

Переданная в состав Военно-Воздушных Сил Западного фронта, она продолжала вести активные боевые действия по плану командования фронта, несмотря на потери и уже 29 октября 1941 года в донесении Политуправления Западного фронта начальнику Главного Политуправления Красной Армии отмечалось: «Лучшие результаты показывают летчики 77-й авиационной дивизии, имея молодой летный состав, который в большинстве своем не участвовал в боевых операциях, сумела добиться неплохих результатов. В течение 29 октября летчиками дивизии уничтожены: 101 танк, 516 автомашин, 114 подвод, 2 орудия зенитной артиллерии, 6 переправ, около 2300 человек пехоты. В воздушных боях и на аэродромах уничтожено 8 самолетов противника».

С 27 ноября 1941 года части 77-й авиационной дивизии поддерживали контрудар, нанесенный по войскам противника 1-м гвардейским кавалерийским корпусом под командованием генерал-майора П.А. Белова и 112-й танковой дивизией под командованием полковника А.А. Гетмана в районе города Капиры. За 5 дней боевых действий в интересах этого контрудара было ей выполнено 134 боевых вылета, в результате которых противнику был нанесен серьезный ущерб.

В это же время, после занятия горо-

Слева-направо: А. Новиков, И. Антошкин, А. Покрышкин

да Клина, механизированные части и танки немецко-фашистских войск начали беспрепятственное продвижение к городам Солнечногорску и Москве из-за отсутствия наших войск на этом направлении. Чтобы закрыть создавшуюся брешь, на это направление были брошены основные силы авиации Западного фронта и Московского военного округа. Была привлечена и 77-я авиационная дивизия. Только за одни сутки боевых действий 27 ноября 1941 года, в сложнейших метеорологических условиях, авиация выполнила 1500 боевых вылетов и уничтожила: до 100 танков, более 600 автомашин с грузами и боеприпасами, большое количество солдат и офицеров. Полки 77-й авиационной дивизии с 28 ноября по 1 декабря 1941 года выполнили 243 боевых вылета в направлении городов Клин и Солнечногорск. Фашистские войска были остановлены на этом направлении. Они несколько суток убирали с дорог трупы своих солдат и офицеров, расчищали их от уничтоженной и поврежденной техники. Немецкие солдаты назвали эту дорогу «Дорогой смерти».

С 1 по 6 декабря 1941 года полки 77-й авиационной дивизии активно участвовали в нанесении ударов по войскам противника и его резервам в глубине обороны и на автострадах Москва-Минск, Москва-Киев.

С 26 декабря 1941 года по 4 января 1942 года 77-я авиационная дивизия поддерживала наступление 33-й армии, войска которой форсировали реку Нара и 26 декабря освободили город Наро-Фоминск, а 4 января город Боровск! В интересах этой армии летчики 77-й авиационной дивизии выполнили 875 боевых вылетов. Командующий армией генерал-лейтенант М.Г. Ефремов в своем Приказе от 4 января 1942 года отметил: «Несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, летный состав дивизии с большим подъемом и точностью выполнил все задания командования армии. За тринадцать дней дивизией уничтожено и повреждено: танков — 49, автомашин — 817, повозок — 313, орудий — 20, солдат и офицеров противника — более 3000».

Это только часть эпизодов из действий 77-й авиационной дивизии в бит-

ве под Москвой. По неполным данным, она только танков уничтожила около 300 из 1.300, уничтоженных непосредственно под Москвой. Понесла большие потери, в дальнейшем она была расформирована!

После 27 января 1942 года полковник И.Д. Антошкин был назначен командиром 2-й резервной авиационной бригады, а с апреля 1942 года — командиром авиабазы по приемке и перегонке самолетов, поставляемых из США по ленд-лизу. После этого был назначен командиром 221-й бомбардировочной авиационной дивизии, которую сформировал к 9 июня 1941 года, и был направлен в 4-ю воздушную армию Южного фронта, где принял участие в боевых действиях, внося новые элементы в тактику применения бомбардировщиков «Бостон» в борьбе с опытнейшими истребителями противника при нанесении ударов по наземным целям. Эффективность действий его бомбардировщиков по наземным целям была высокой. В воздушных боях экипажи бомбардировщиков сбили 8 вражеских истребителей, но и сами несли потери.

С созданием 8-й воздушной армии она была передана в ее состав и к 25 июля перебазируется за реку Дон, доукомплектована и участвовала в боевых действиях в составе войск Юго-Западного фронта, переименованного в Сталинградский, затем в Юго-Восточный, 30 сентября 1942 года вновь в Сталинградский, отличившись в районах рек Дона и Волги. С созданием 25 октября 1942 года вновь Юго-Западного фронта (2-е формирование) и 17-й воздушной армии 15 ноября 1942 года, 221-я бомбардировочная авиационная дивизия была передана в ее состав, продолжая действовать уже в составе войск вновь созданного Юго-Западного фронта с задачами: вести борьбу с авиацией противника на аэродромах Тацинская, Миллерово и Глубокая; вскрывать перевозки войск по железной дороге Миллерово-Лихая-Морозовский; уничтожать отходящие войска перед фронтом наступления 3-й гвардейской и 5-й танковой армий.

С началом наступления войск Юго-Западного фронта 19 декабря 1942 года, из-за тумана и низкой облачности дей-

ствия авиации были сильно затруднены, но летчики полковника И.Д. Антошкина мелкими группами наносили удары по окруженной Распопинской группировке войск противника и его моторизованным войскам в район населенных пунктов Акимовский и Лученский. Об успешных действиях 221-й бомбардировочной авиационной дивизии свидетельствует и одно из сообщений «Совинформбюро» того периода. Оно со-

общало об одном из налетов летчиков дивизии на аэродром противника: «Советская авиация произвела крупный налет на аэродром противника Тацинская. При первом же заходе наши летчики уничтожили на земле 20 самолетов. Результаты последующих бомбовых ударов невозможно точно установить из-за плотного тумана и возникших пожаров».

Весной 1943 года 221-я бомбардировочная авиационная дивизия ушла из состава 17-й воздушной армии, а полковник И.Д. Антошкин 10 марта 1943 года был назначен командиром 6-го смешанного авиационного корпуса, формирование и подготовку которого к боевым действиям завершила к 3 июля 1943 года. 17 марта 1943 года ему было присвоено звание генерал-майора авиации. Этим корпусом он командовал с момента его формирования и по 2 мая 1944 года. Перед началом Курской битвы генерал-майору авиации И.Д. Антошкину и (тогда еще Герою Советского Союза) майору А.И. Покрышкину были вручены награды США. Генерал-майор авиации И.Д. Антошкин был удостоен Креста «За выдающиеся заслуги».

Летчики 6-го смешанного авиационного корпуса приняли участие в битве на Курской дуге в составе войск Центрального фронта, где в числе первых стали применять против танков и бронированной техники противотанковые авиационные бомбы.

После завершения Курской битвы корпус под его командованием принимал участие в полосе действий Центрального, в дальнейшем Белорусского и 1-го Белорусского фронтов в Черниговско-Припятской, Гомельско-Речицкой, Калинковичско-Мозырьской и

Рогачевско-Жлобинской наступательных операциях. Особенно большой вклад летчики корпуса внесли в успешное проведение Гомельско-Речицкой наступательной операции Белорусского фронта. При сильном противодействии вражеской истребительной авиации и зенитной артиллерии они наносили удары по контратакующим танкам и пехоте противника, мостам через

реки, резервам, разрушали железнодорожные пути на участке между городами Гомель-Калинковичи и оборонительные сооружения, подавляли огонь артиллерии и минометов, выполняя в отдельные дни по 2-3 боевых вылета каждым экипажем.

На самые ответственные и сложные задания водил группы бомбардировщиков сам командир корпуса. Многие летчики корпуса вместе с ним были удостоены высоких боевых наград, а несколько полков — собственных наименований «Гомельских» и «Речицких».

В дальнейшем корпус стал 6-м смешанным авиационным Люблинским Краснознаменным корпусом, а 28 сентября 1944 года был преобразован в 5-й бомбардировочный авиационный Люблинский Краснознаменный корпус.

2 мая 1944 года, в период подготовки Белорусской стратегической наступательной операции, генерал-майор авиации И.Д. Антошкин трагически погиб в авиационной катастрофе на самолете УТ-2 вместе с начальником политического отдела корпуса.

Награжден: орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени, медалями и ино-

странными наградами.

Похоронен в городе Гомеле Республики Беларусь, на площади Труда. В городе Гомеле его именем названа улица. Его имя увековечено на Аллее Славы города Вязники, в школе № 2, где он учился и улице, на которой он жил, присвоено его имя. На здании школы и на одном из домов на этой улице установлены мемориальные доски. В школе № 2 учреждены 2 именные стипендии лучшим ученикам.

В годы Великой Отечественной войны жители города Вязники собрали средства на 4 самолета для своих земляков — Героев Советского Союза, в том числе и на бомбардировщик «Иван Антошкин».

Гибель прославленного летчика не помешала ему и дальше бить немецко-фашистских захватчиков!

И.Д. АНТОШКИН
Герой Советского Союза
Член Правления
«Российской Ассоциации Героев»,
Председатель Правления
«Клуба Героев Москвы и
Московской области»,
заслуженный военный летчик
генерал-полковник авиации

Герой с берегов Балтики

Исполнилось 18 лет подвигу техника инспекторского участка г. Пионерский Центра ГИМС МЧС России по Калининградской области Героя России Валерия ФАДЕЕВА.

Валерий Иванович знаменит тем, что 13 марта 1994 года стал не только очевидцем крупнейшей чрезвычайной ситуации на Балтике – отжима льдины, на которой находилось более сотни рыбаков, но и принял активное участие в их спасении. Фадеев, рискуя жизнью, вместе с Сергеем Барининым перевез на берег на собственной лодке 47 человек, в том числе семилетнего мальчика. К сожалению, не всем тогда удалось помочь, были и жертвы, но эта ЧС имела большой резонанс. Вскоре в регионе была создана первая в истории Калининградской области поисково-спасательная служба. А еще спустя семь лет она была реорганизована в Поисково-спасательный отряд ГУ МЧС России по Калининградской области. Так что можно сказать, что Валерий Фадеев стал одним из первых спасателей в Янтарном крае.

...В тот ненастный день 13 марта 1994 года от берега в Куршском заливе ураганным ветром оторвало большую льдину, на которой находилось более ста рыбаков. Льдину стало быстро уносить вглубь залива. Несчастные случаи бывали на траверзе поселка Каширского и раньше. Каждый год одну-две жизни уносила ледяная вода. Почему-то всегда, если требовалась немедленная помощь, обращались именно к Валерию Фадееву. Может быть, потому, что больше никто не решался выйти на собственной лодке и помочь терпящим бедствие. Из ста рыбаков, которые, допустим, сидят с удочками, в случае чего помогут максимум двое-трое. Сolidарность, увы, свойственна далеко не всем.

— Дня за три до этого трагического дня я ходил на рыбалку, — вспоминает Валерий Иванович. — На ней простыл. Сидел дома, температуры

ближе к обеду, в половине второго, как раз уха варилась, зашел Иван Сивцов, сосед. Говорит, что на заливе лед оторвало, а там люди. С утра-то еще был легкий морозец, но залив есть залив. Он непредсказуем. Оттепель наступила резко, и люди просто не заметили, что их оторвало, так как находились далеко от берега. Бывает, сидишь с удочкой и узнаешь о том, что начал дрейфовать только когда вдруг леску начинает затягивать под лед, а рыбы на крючке нет. Сам бывал в такой ситуации. Словом, решил: надо выручать людей. Жена: «Куда ты? Смотри, большой вешь...» А что тут поделаешь? Сказал Альбине, мол, уху одна доваривай. Тут как раз и Серега Баринин из дома вышел, он рядом живет.

«Пошли, — говорю, — в залив, вдвоем надежнее».

«Чего ж не пойти...»

Взяли катер, набрали бензина, все средства, что могли. Канал был вскрыт, мы прошли по нему до залива, а потом еще 500-700 метров тащили катер по льду. Добрались до трещины, которая в ширину была уже чуть больше километра, и увидели, что народу на той стороне уйма!

Сначала подплыли к льдине, на которой человек двадцать сидели. Оказалось, что лед очень рыхлый, как мокрый сахар. Местами на нем невозможно было стоять, — только лежать. В несколько заходов на берег их переправили. А время уже шло к вечеру. Подплыли к другой льдине, там было человек тридцать. Первым взяли мальчика лет семи, потом забрали еще двух пацанов. Рейса три сделали — стемнело совсем. У нас на буксире лодка четырехместная, так в нее сразу одиннадцать человек прыгнули. Ну, их тут же волной и накрыло. Трос натянулся, нашу моторку тянет под воду. Еле успели трос отцепить... Из тех 11 успели всего двоих подобрать...

На помощь другим рыбакам, которых далеко отнесло в море, вылетели два вертолета Балтийского флота. В общей сложности летчики спасли тогда еще 23 человека.

Число спасенных могло быть и большим, считает Валерий Фадеев, если бы власти или военные могли заранее предусмотреть возникновение подобной ситуации, если бы сами рыбаки заранее позаботились о средствах спасения. Но вспомните, какое тогда было время? Начало 1990-х, распад великой страны, разве кто-то думал о каких-то рыбаках, которые в середине марта выйдут на лед удить рыбу? Но подвиг двух жителей поселка Каширское Гурьевского района Калининградской области Отечество оценило высоко. Указом Президента Российской Федерации от

11 августа 1995 года за мужество и героизм, проявленные при спасении людей во время стихийного бедствия в Куршском заливе Балтийского моря Валерию Ивановичу Фадееву, как и Сергею Михайловичу Барининову, было присвоено звание Героя Российской Федерации с вручением медалей «Золотая Звезда».

В те дни, когда Валерий Фадеев совершил свой главный героический поступок, ему было тридцать восемь, а его соседу и помощнику Сергею Барининову — на десять лет меньше...

А как сегодня живет Герой России?

Фадеев родился и до сих пор живет в своем поселке Каширское Гурьевского района, на берегу Куршского залива. Ему, как и многим обитателям российской глубинки, пришлось много раз менять род деятельности, чтобы заработать на хлеб насущный. По записям в его трудовой книжке можно писать очерк о новейшей истории России.

После срочной службы Фадеев работал в управлении механизации в Калининграде, но в областном центре не закрепился — помешали проблемы с жильем.

— Деревня — это как отдельное государство, — шутит Фадеев. — В город не наездишься. Автобус ходит через

этом не жалеет. Занимая должность техника инспекторского участка г. Пионерский Центра ГИМС МЧС России по Калининградской области, он отвечает за готовность техники к выходу по заливу и морю, в частности за поисково-спасательный катер «БЛ-820». На этом высокоскоростном судне, которое предназначено для действий в прибрежных районах моря с удалением от берега до 20 морских узлов, Фадеев вместе со старшим госинспектором Александром Говоровым, госинспектором Алексеем Басковым совершает рейды, когда это позволяет погодная обстановка. К счастью, в прошлом году ничего экстраординарного в его работе не было. Не смущает Валерия Ивановича и то, что инспекторский участок находится в 37 километрах от родного дома. Главное для него — это то, что его работа нужна людям, что работать посчастливилось в дружном коллективе, где умеют ценить людей и человеческую жизнь.

Не забывают Героя Российской Федерации, живущего и работающего в глубинке, ни в Москве, ни в Калининграде. Все эти годы в его день рождения, 23 февраля, приходят поздравительные открытки за подписью Пре-

С губернатором Г. Боосом

зидента России. А недавно наряду с другими шестью Героями Российской Федерации, проживающими в регионе, Фадеева пригласили в Калининград на губернаторский прием в честь Дня защитника Отечества. Здесь он после долгого перерыва обнялся с Сергеем Барининым, с которым спасал жизни рыбаков.

Когда мы беседовали с Валерием Ивановичем, ощущали, что Фадеев, несмотря на высокое звание, остается исключительно скромным, деликатным человеком. Он откровенно признался, что ни сколько не кичится высокой государственной наградой.

— Бывало, куда-нибудь пригласят, так я Золотую Звезду везу в кармане, и только приехав на торжество, надеваю на пиджак...

Ну, что ж, пускай будет и так, только, на наш взгляд, забывать о подвиге Валерия Ивановича люди не должны. Его поступок — яркий пример личного мужества и предупреждение тем, кто безответственно относится к собственной безопасности.

Собирая документы для регистрации своего предприятия, Фадеев познакомился в одном из кабинетов с Г.А. Ястребовым, который позже, в 1995 году возглавил Центр ГИМС МЧС России по Калининградской области. Геннадии Андреевичу, конечно, были нужны специалисты, которые любят морские просторы, умеют обращаться с маломерными судами и готовы прийти на помощь терпящим бедствие, проявляя при этом личное мужество и героизм. К тому же он знал о подвиге, совершенном Фадеевым в марте 1994 года.

Валерий предложение принял и об-

зидента России. А недавно наряду с другими шестью Героями Российской Федерации, проживающими в регионе, Фадеева пригласили в Калининград на губернаторский прием в честь Дня защитника Отечества. Здесь он после долгого перерыва обнялся с Сергеем Барининым, с которым спасал жизни рыбаков.

Когда мы беседовали с Валерием Ивановичем, ощущали, что Фадеев, несмотря на высокое звание, остается исключительно скромным, деликатным человеком. Он откровенно признался, что ни сколько не кичится высокой государственной наградой.

— Бывало, куда-нибудь пригласят, так я Золотую Звезду везу в кармане, и только приехав на торжество, надеваю на пиджак...

Ну, что ж, пускай будет и так, только, на наш взгляд, забывать о подвиге Валерия Ивановича люди не должны. Его поступок — яркий пример личного мужества и предупреждение тем, кто безответственно относится к собственной безопасности.

Н. Попова,
пресс-служба ГУ МЧС России по
Калининградской области,

С. Князьков.
Фото из архива В.И. Фадеева
и ГУ МЧС России
по Калининградской области

Загадка Куликова Поля (Небесная битва)

Есть события в отечественной истории, о которых ты знаешь с детства. С самого детского сада тебе говорят о битве на Куликовом поле. Поэтому большинство русских людей, прошедших детский сад, школу, институт, могут сказать: «Битва состоялась в 1380 году, во главе русских войск — князь Дмитрий Донской, во главе противника — Мамай, Донского благословил Сергей Радонежский, последний дал князю двух монахов — Пересвета и Ослябю, перед боем Пересвет бился с богатырём Челубеем, оба погибли, исход битвы решил удар засадного полка во главе с князем Владимиром Серпуховским и воеводой Дмитрием Боброком-Волынским, в результате этой победы почти сокрушили ордынское иго».

Всё просто, всё понятно.

Куликово поле — это краеугольный камень современного русского патриотизма.

Но более-менее пристальное внимание к этой информации порождает кучу вопросов. Самый главный и очевидный, а почему после победы на Куликовом поле ордынское иго просуществовало 100 лет. Не пять, десять, двадцать, а целых сто лет. Любой человек, зная о потерях русских войск — может сказать, что Дмитрий Донской заплатил какую-то сумасшедшую цену за эту победу. Полегло половина войска (точных цифр мы не знаем, но то, что потери были колоссальны — не вызывает сомнения). Мало того, через два года наследственный чингизид Тохтамыш, приславший благодарность московскому князю за победу на Куликовом поле над узурпатором, скинует Москву и оставляет после своего набега 20 000 трупов, и ордынское иго как ни в чём не бывало снова над Русью...

Вопрос второй: кто такой Мамай? Кого он представлял — Золотую Орду либо какое-то другое образование, почему в глазах Тохтамыша он узурпатор, а в русских летописях «против него использованы такие библейские эпитеты, которые даже против Батюга не употреблялись».

Вопрос третий: почему Сергей Радонежский в 1375 году выступил против войны с Мамаем, а с 1378 года эту войну поддержал? Что вообще означает это благословение, в чём его важность?

В современной жизни любой христианин получает этих благословений более чем достаточно, включая благословения старцев и патриарха.

Вопрос четвёртый: в чём суть поединка Пересвета с Челубеем? Оба погибли, гордиться вроде бы нечем?

Вопрос пятый: почему Боброк-Волынский погиб в сражении на реке Ворскла в 1399 году, в котором татары Тохтамыша, литовцы, русские, поляки, немцы-крестоносцы воевали против татар Едигея и потерпели сокрушительное поражение. Эти вопросы можно множить до бесконечности. Но лучше выдвинуть собственный тезис того, что же произошло на Куликовом поле, и постараться его доказать.

Тезис: На Куликовом поле русские войска во главе с Дмитрием Донским воевали с материализовавшимся злом того времени, с уникальной силой, представленной самыми разными народами, воплощавшей силу одновременно Востока и Запада. Именно на Куликовом поле родилась Святая Русь, эта идея, которая долгое время была уделом отдельных монахов-книжников, князей, теперь стала общенародной.

Сергию Радонежскому и Дмитрию Донскому своё видение сложившейся ситуации удалось донести до большинства людей Руси. Именно поэтому им удалось собрать на Куликовом поле невиданное для Руси войско. Причём значительное количество воинов были непрофессио-

налы, т.е. шансов выжить для них в предстоящей битве практически не было... Мало того, они резонно могли возразить князю на просьбу помочь в противостоянии с Мамаем, что «ордынский правитель — наш законный правитель, Господь попустил ему владычество над нами, и предстоящая война — следствие гордыни князя, поэтому нам с ним не по пути». Вместо этого обоснованного возражения люди пошли умирать на Куликово поле. Почему?

Снова повторим, что Сергию Радонежскому и Дмитрию Донскому удалось донести своё видение ситуации. Причём во многом эта заслуга принадлежит им обоим. Сергей Радонежский своё благословение материализовал в виде разрешения участвовать в битве двум бывшим воинам-монахам Александру Пересвету и Андрею Ослябю. О благословении Сергия знали многие, но истинный смысл благословения большинству ратников становился понятным, когда они видели двух монахов с оружием на конях. Люди понимали, предстоящее битва — не простая битва, такого на Руси ещё не бывало, предстоит реальный поединок со злом, поэтому в этой битве принимают участие даже монахи. Смысл послания Сергия прекрасно понял сам князь. Неслучайно битву с русской стороны открыл монах Пересвет. Теперь уже ни для кого не было секретом, что эта битва — совершенно особая, и в предстоящем сражении лучше умереть, чем отступить и дать дорогу злу.

В известной книге Юрия Лоцица «Дмитрий Донской», где очень подробно описана Куликовская битва, автора привлекала одна деталь на русской миниатюре, посвящённой сражению. На этой миниатюре изображён Пересвет в последнем мгновении перед смертью, рядом с ним лежит мёртвый Челубей. Пересвет смотрит на русское войско и поднимает свою ладонь вверх. Забавно, но в интерпретации Лоцица умирающий Пересвет показывает русским воинам на войско Мамаю, которое они должны победить. Но на миниатюре Пересвет чётко указывает вверх, а не назад. И вполне обоснованно можно предположить — Пересвет указывает вверх, указывает туда, куда должны пойти погибшие воины — в Царство Небесное.

Поединок Пересвета с Челубеем задавал духовную интонацию Куликовской битвы (показательно, что в советской интерпретации поединка на знаменитой картине — узнать в Пересвете монаха совершенно невозможно, его переодели из воинских доспехов духовной войны в воинское облачение обычной войны) — борьба Добра со злом. Современному зрителю отдалённое подобие такого сражения можно увидеть разве в фильме — трилогии «Властелин колец» (конечно, необходимо помнить: персонажи Толкиена о Царствии Небесном не говорят).

Именно поэтому колоссальные потери для русской армии в Куликовской битве — это и горе, и величайшая радость. Никто не сомневался, что все погибшие оказались в Царствии Небесном.

Но есть ещё один важный вопрос: почему у Сергия Радонежского был такой большой авторитет? Есть одно событие, без которого понять Куликовскую битву невозможно. **Самое главное событие в духовной жизни Сергия — это явление Пресвятой Богородицы живую.** Богородица впервые являлась таким образом, причём этому событию были свидетели (до этого Богородица являлась либо в тонком сне, либо через чудотворные иконы). У историков самые разные версии, когда произошло это событие (точная дата неизвестна). Но наиболее доказательна версия историка Борисова — явление произошло в 1379 году. Сергей никогда не рассказывал подробности своей духовной жизни (чтобы это понять это, достаточно прочитать его житие), но здесь он понимал, что явление Богородицы в Троицком монастыре, где он был настоятелем, предназначено всей Руси.

Почитание Богородицы накануне битвы было чрезвычайно распространено на Руси. Практически все монастыри, основанные в то время, посвящены Богородице. Все даты важнейших сражений этих двух лет также непосредственно связаны с Богородицей. Сражение на Воже произошло в 1378 году во время Успенского поста, за три дня до Успения. Во время Куликовской битвы мистика дат (хотя очевидно, что выбирали их вполне сознательно) впечатляет ещё больше. Сбор полков на Успение, сама битва — в Рождество Богородицы, празднование

победы в день памяти Иоакима и Анны, полки вернулись в Москву на Покров!

На Руси после Куликова поля никто не сомневался, что Русь находится под особым покровительством Пресвятой Богородицы. И хотя для некоторых наступило жестокое отрезвление (набег Тохтамыша в 1382 году), события 1392 и 1395 годов всё расставили на свои места. В 1392 году Тохтамыш, ведший в то время войну с Тамерланом, заинтересованный в помощи Москвы, «сдал» Нижегородское княжество (в 1382 году ему удалось расстроить союз Москвы и Нижнего Новгорода, который ранее был кристаллизационным центром по объединению русских сил против Мамаю; во многом, по причине предательства нижегородских князей, их увещаний — «Тохтамыш против вас ничего не имеет, проблемы у Дмитрия Донского» татарам удалось взять Москву), оно перешло в подчинение Москве. Значение этого успеха трудно переоценить, ведь во второй половине XIV века стать центром по объединению русских земель пытались четыре силы — Литва, Москва, Нижний Новгород и Тверь. Первой из «гонимых» выпала Тверь — Дмитрий Донской сумел организовать общерусский поход против Твери, теперь же пришёл черёд Нижнего Новгорода.

Событие же 1395 года, когда удалось одержать бескровную победу — одними молитвами — над непобедимым Тамерланом, и громадному количеству людей было очевидно — это произошло благодаря заступничеству Пресвятой Богородицы (в Москву была перенесена главная святыня Северо-Восточной Руси Владимирская икона Пресвятой Богородицы), окончательно возвысило Московское княжество над остальными русскими землями. Теперь многие не сомневались, что желание московских князей, начиная с Иоанна Калиты, превратить Москву в новый духовный центр, свершилось!

И свершилось отнюдь не из-за последовательных прагматичных деяний московских правителей, а потому что на это была Божья Воля. Святая Русь объединилась вокруг Москвы!

В. Пичугин
кандидат исторических наук

Худ. П. Рыженко

СВИДЕТЕЛИ ГЕРОИЗМА

«Курган Романовцева»

В декабре 1945 года я демобилизовался из армии и приехал в украинский город Кривой Рог, где находились, вернувшись из эвакуации, мои родители. Там, буквально с ходу, я поступил на заочное отделение пединститута, в ударном темпе сдал экзамены за первый курс и уже в сентябре 1946 года стал студентом второго курса дневного отделения.

Время было послевоенное, трудное. В годы войны в городе были разрушены многие здания, в том числе и здание педагогического института. В связи с этим он ютился в помещении школы, которое также изрядно пострадало в период оккупации и нуждалось в ремонте.

Этим и занимались студенты: приводили в порядок здания института, общежития и столовой, восстанавливали водопровод, стеклили окна. Тон в этих делах, как впрочем, и во всей общественной жизни коллектива, задавали вчерашние фронтовики.

По их инициативе я вскоре был выдвинут на должность освобожденного комсорга и возглавлял комсомольскую организацию вплоть до окончания института.

Одним из первых дел, которыми занялись комсомольцы с моим участием, было шефство над находившейся рядом с институтом братской могилой, в которой покоились красноармейцы, погибшие при освобождении города в феврале 1944

года. Мы привели в порядок могилу, облагородили прилегающую к ней территорию. С тех пор установилась традиция: ежегодно 7 ноября и 1 мая, перед тем как отправиться на общегородскую демонстрацию, весь институт со знаменами и транспарантами собирался у могилы на краткий митинг.

Наряду с этим, студенты вели поиск данных о захороненных в могиле красноармейцах, собирали информацию о деятельности антифашистского подполья (во время оккупации в городе действовали несколько антифашистских групп и подпольный горком партии), о событиях связанных с освобождением города.

Следует отметить одну особенность Кривого Рога, который был и остается важным железорудным бассейном Украины. Помимо собственно города, где в первые послевоенные годы было около 190 000 жителей, в его состав входят несколько рудников-поселков, образовавшихся вокруг шахт.

Однажды, побывав на руднике Ингулец, отстоящем от города на 25-30 км, наши поисковики узнали, что расположенный поблизости от него холм, местные жители называют «Курганом Романовцева». Старожилы рассказали, что в феврале 1944 года во время боев за рудник на холме укрепился расчет станкового пулемета «Максим» под командованием сержанта Романовцева и вел бой с немцами, оборонявшими рудник. После боя расчет снялся с позиции и вместе с другими воинами продолжил наступление на город. О дальнейшей судьбе расчета и его командира жителям рудника в ту пору ничего не было известно. Ничего не знал об этом и я, пока, спустя многие годы после описанных выше событий, уже будучи в Москве и участвуя в работе ветеранской организации Министерства Иностранных Дел, не встретился и подружился с заслуженным ветераном войны, Героем Советского Союза — **Сергеем Дмитриевичем Романовцевым**.

Поначалу я думал, что он просто однофамилец того сержанта, но в процессе общения выяснилось, что

зимой 1944 года Сергей Дмитриевич в составе 88 гвардейской стрелковой дивизии участвовал в освобождении моего родного города. На подступах к руднику Ингулец вместе с бойцами из дивизионной разведывательной роты его пулеметный расчет занял боевую позицию на кургане и вступил в тяжелый бой с большой группой гитлеровцев, пытавшихся при поддержке самоходных орудий с фланга атаковать подразделения дивизии, наступающие на рудник. В ходе боя немцы понесли большие потери и отступили.

Осенью 1989 года мои однокурсники съехались в Кривой Рог, чтобы отметить 40-летие окончания Института. В ту пору он уже работал в новом прекрасном здании, а в здании, где мы когда-то учились, опять располагалась средняя школа.

Перед школой на площади на высоком пьедестале установлен танк — легендарная «тридцатьчетверка», которая в далеком 1944 году первой ворвалась в город. «Нашей» могилы уже нет. Останки красноармейцев с почестями перенесены в городской комплекс-мемориал в честь воинов-освободителей и над их могилой горит вечный огонь.

А что же стало с «Курганом Романовцева»? Работающий в школе на Ингульце наш сокурсник, кстати, бывший поисковик, рассказал, что Курган стал своего рода достопримечательностью поселка. На месте, где была боевая позиция легендарного расчета, установлены гранитная стела и памятная доска, рассказывающая о подвиге пулеметчиков.

22 февраля, в день освобождения города и в День Победы сюда приходят жители поселка, школьники, чтобы почтить память воинов Красной Армии, в упорных боях принесших жителям Криворожья освобождение от немецко-фашистских оккупантов.

Память об этом в народе жива! Вечная Слава Героям!!!

Е.И. Федорцов
Участник

**Великой Отечественной войны,
Ветеран дипломатической
службы России.**

ПОЗДРАВЛЯЕМ

с 95-летием

Григоренко Семена Васильевича
7.05.1916
Героя Российской Федерации

с 90-летием

Петрова Алексея Ивановича
21.05.1921
Героя Советского Союза

с 85-летием

Мосолова
Георгия Константиновича
3.05.1926
Героя Советского Союза

Исаева Георгия Александровича
20.05.1926
Героя Социалистического труда

Серебренникова
Владимира Алексеевича
20.05.1926
Героя Социалистического труда

Корзинова Петра Александровича
28.05.1926
Героя Социалистического труда

Виноградова Сергея Сергеевича
30.05.1926
Героя Социалистического труда

с 80-летием

Рождественского Геннадия
Николаевича
4.05.1931
Героя Социалистического труда

Каспарова Александра Исааковича
9.05.1931
Героя Социалистического труда

Гречко Георгия Михайловича
25.05.1931
Дважды Героя Советского Союза

с 75-летием

Лёвина Алексея Гавриловича
8.05.36
Героя Социалистического труда

Толстых Бориса Леонтьевича
18.05.36
Героя Социалистического труда

с 60-летием

Фролова Евгения Ивановича
17.05.1951
Героя Российской Федерации

с 55-летием

Маликова Игоря Ивановича
21.05.1956
Героя Российской Федерации

с 50-летием

Недвигу Юрия Дмитриевича
1.05.1961
Героя Российской Федерации

**АНО «Редакция газеты
«Вестник Героев»
БАНК «СОФРИНО»
г. Москва
р/счет 4070381010000000027
Кор.счет 3010181080000000375
БИК 044525375, ИНН 7730182885
КПП 773001001**

Герой Советского Союза С.Н. Решетов, Герой России А.Н. Ботян и Герой Советского Союза С.Д. Романовцев

Слева-направо: И.Ф. Шилов, Герой Советского Союза А.И. Попрядухин и Герой Советского Союза С.Д. Романовцев

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель:

А.П. Содаунов — вице-президент Российской Ассоциации Героев, Герой Советского Союза;

Члены редакционного совета:

В.В. Сивко — вице-президент Российской Ассоциации Героев, Президент Фонда поддержки Героев Советского Союза и РФ им. генерала Е.Н. Кочешкова, Герой РФ;

А.С. Астапов — первый вице-президент Фонда поддержки Героев Советского Союза и РФ им. генерала Е.Н. Кочешкова, Герой РФ;

В.Н. Колыбабинский — член Правления Клуба Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы Москвы и Московской обл., Герой РФ;

И.Н. Можайцев — начальник отдела государственного учреждения культуры города Москвы «Музей-панорама «Бородинская битва»;

Е.Н. Носовец — заместитель председателя правления общественной организации Героев Социалистического Труда и полных кавалеров ордена Трудовой Славы;

В.А. Востротин — Герой Советского Союза,

генерал-полковник, депутат Государственной Думы ФС РФ, председатель Совета Московского городского отделения ВОО «Боевое Братство»;

Главный редактор: В. Кошлаков

Зам.глав.ред.: И. Дружинин

Зам.глав.ред.: В. Калинин

Ответственный секретарь: В. Мухин.

Спец-корреспондент: В. Гондасов

Спец-корреспондент: П. Чуйко

Верстальщик: А. Сардарян

Консультант: А. Зверев

Корректор: И. Астапкина

Газета «Вестник Героев Советского Союза, Героев России и Героев Социалистического Труда».

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-30601 от 09.11.2007 г.

Главный редактор газеты «ВЕСТНИК ГЕРОЕВ»,

Руководитель пресс-службы «Российской Ассоциации Героев»,

Владимир Кошлаков
8 (903) 242-99-98

E-mail: vladimir_kosh@inbox.ru

